VISIT…

С.Л. СОЗИНА

НА ГОРИЗОНТЕ-ЭЛЬДОРАДО

Из истории открытия и завоевания Колумбии

Издательство „Мысль"

Москва 1972

Три долгих столетия — с XVI по XIX— жила на американской земле легенда о Золотой стране, правитель которой — Эльдорадо, от испанского „позолоченный", осыпался золотым песком, чтобы затем смыть его в водах священного озера. В поисках Эльдорадо многие поколения конкистадоров, путешественников и ученых открыли, обследовали и описали необозримые пространства Южной Америки. В книге на материалах старинных испанских хроник и других исторических документов воссоздана яркая история этих увлекательных поисков, а также рассказано о культуре и обычаях индейского народа муисков в Колумбии, щедрая фантазия которых породила эту существовавшую в действительности церемонию.

От автора

Читатель вправе спросить, откуда почерпнуты материалы, которые легли в основу книги. Кто собрал и сохранил для далеких потомков уникальные сведения по истории народов, обитавших некогда на обширных американских землях?

Этих людей обычно называют хронистами. Так в средневековой Испании официально называли историков. Они дотошно и многословно излагали в своих сочинениях-хрониках события восьмивековой борьбы испанцев против вторгшихся на Пиренейский полуостров мавров. Открытие Колумба внесло новую струю в испанскую историографию. Отныне в ней появляются новые герои и новые темы: Новый Свет с его удивительными жителями и их диковинными обычаями, описания многообразных природных условий огромного материка. «Мир сразу сделался,— писал Ф. Энгельс,— почти в десять раз больше... Внешнему и внутреннему взору человека открылся бесконечно более широкий горизонт».

События, разыгравшиеся на американском континенте, надолго приковали внимание испанских историков. Недаром период испанской истории с конца XV до середины XVII в. иногда называют «веком великих хронистов». Труды многих из них были известны К. Марксу и Ф. Энгельсу.

Кто же эти хронисты? Такие профессионалы, как возведенный в официальный ранг «хрониста Индий» Гонсало Фернандес де Овьедо и Вальдес; он многократно пересекал Атлантический океан и создал монументальную «Всеобщую и естественную историю Индий, островов и материковой земли в Море-Океане» в 50 томах. И такие известные конкистадоры, так сказать историки-любители, как Эрнандо Кортес и Гонсало Хименес де Кесада, и простые солдаты, участники завоевательных походов в Мексике и Перу,— Берналь Диас и Диего Трухильо, и, наконец, представители духовного сословия, монахи и священники — такие, как Хуан Кастельянос и Педро де Агуадо.

В сочинениях этих участников конкисты во всей сложности отразилась не только эпоха завоевания, но и собственно индейская история древней Америки. Труды испанских хронистов спустя 400 лет стали библиографической редкостью и ныне рассеяны по библиотекам разных стран мира. И по сей день эти литературные памятники остаются для историков-латиноамериканистов незаменимым источником, который позволяет приоткрыть завесу над жизнью индейских племен, населявших американские просторы в XV—XVI веках. Трудам отца Педро Симона и Родригеса Фресле мы обязаны тем, что сегодня знаем о самобытном народе муисков, или, как еще его называют в исторической литературе, чибча.

Значительный вклад в изучение культуры муисков внесли современные колумбийские историки — академик Хуан Фриде, опубликовавший сборники старинных документов из архивов Севильи и Мадрида, и профессор Эльесер Сильва Селис. Многие из этих публикаций были использованы автором во время работы над книгой.

Для заставок перед главами, так же как для документальной вклейки и обложки книги, отобраны изображения глиняной пластики, ювелирных и ткацких изделий муисков из собраний колумбийских и европейских музеев. Фотографии и рисунки этих произведений древнеиндейского искусства публикуются у нас в стране впервые.

Автор считает своим долгом выразить искреннюю благодарность

кандидату исторических наук Я. М. Свету за ценные советы и указания при подготовке рукописи к печати.

Вместо пролога
ИЗ БЫТА МОСКОВСКОГО

До нас не дошло ничего, кроме разбросанных отрывков истины,
тонущих в море заблуждений и романтических басен.
Л. Морган. Древнее общество

Немало удивительного и подчас непонятного таит в себе история московских улиц. Прямо за оживленным и многоголосым стадионом «Динамо» шумят липы и ели старинного Петровского парка. Его украшает возведенный из красного камня Петровский дворец.

Пройдемся по затихшим аккуратно подрезанным аллеям. Когда-то в этом недалеком предместье старой Москвы гудела и переливалась огнями настоящая ярмарка веселья: большие и малые питейные заведения, трактиры и рестораций зазывали клиентов и побогаче, и победнее. Здесь соседствовали и соперничали друг с другом «Яр» и «Стрельна», «Аполло» и «Эльдорадо».

Многие из этих звучных экзотических названий стали достоянием прошлого да живут еще, пожалуй, на страницах воспоминаний Сытина и Гиляровского. Впрочем, постойте. И сейчас случайно встреченные вами старожилы укажут «ледорадовский» переулок. «Ледорадовский»? Да ведь это прошедшее сквозь призму народного говора Эльдорадо! И действительно, еще не так давно здешние нехитрые дома и домишки затейливо переплетал целый клубок эльдорадовских проездов. Эльдорадовский большой, первый, второй, третий и четвертый переулки, не считая Эльдорадовского тупика. Поистине целая страна Эльдорадо!

До революции в ней буйствовало разноцветное, разноголосое племя цыган. Приезжие цыгане раскидывали палатки в Большой Зыковской роще, сейчас на ее месте пролегла улица 8 марта, местные же — хористки и танцоры, певцы и певицы — тесно селились вдоль кривых эльдорадовских улочек. Все это шумело и бурлило вокруг ресторана «Эльдорадо».

Едва ли сейчас можно сказать, почему владелец одноэтажного бревенчатого, обвитого террасами строения ресторатор Илья Арефьевич Скалкин решил назвать его столь диковинным именем. Бывший митинский мужик (поблизости было село Митино) Илья Скалкин обладал красивым тенором. Поначалу он сам певал в ресторанах, потом собрал собственный хор, купил трактир и вскоре разбогател. Не в память ли об этой удаче он окрестил новое заведение — «Эльдорадо»? Словом, которое было символом нежданно обретенного богатства, славы и процветания! В конце прошлого столетия в «Эльдорадо» кутила и. бражничала купеческая Москва. Здесь выступала цыганка Варя Панина, знаменитая певица! Сюда приезжали смотреть на огненные пляски Саши Артамоновой.

Давно умер ресторатор Скалкин. Снесли обветшалое здание «Эльдорадо», которое стояло в парке на углу нынешних Красноармейской улицы и улицы Серегина. Теперь строятся новые дома, прокладываются новые улицы, и скоро уже ничего не будет напоминать о том, что совсем недалеко от Москвы когда-то существовало цыганское Эльдорадо.

Как же попало это иноземное слово в дореволюционный московский быт,

откуда пришло оно на русскую землю? Затейлива и драматична его судьба. В нем как в зеркале отразилась бурная эпоха противоборства Старого и Нового Света. Родившись в схватке двух миров, оно в равной мере принадлежало Европе и Америке. Дитя конкисты, Эльдорадо впитало в себя ненасытные мечты завоевателей о золотой наживе и причудливые представления древних индейцев. Представления эти зародились в глубокой старине, отделенной от нас долгими столетиями, в мире людей, которые так и не успели перешагнуть барьер между юностью и зрелостью человечества.

Американские индейцы задолго до появления Колумба создали высокоразвитую самобытную культуру. Прекрасные города, величественные храмы и пирамиды, изящные ткани и сосуды, неповторимые по красоте ювелирные украшения и скульптуру производили люди, духовный мир которых был пронизан первобытной религиозной идеологией. Многочисленный сонм грозных богов повелевал жизнью индейца, ради их умиротворения и были выработаны самые диковинные обряды и церемонии.

ИЗ БЫТА ЗАМОРСКОГО

Начало XVI века. Материк, который впоследствии будет назван Южной Америкой. Высокогорное плато Восточных Кордильер в стране, которая ныне именуется Колумбией. Озеро Гуатавита.

Горным зеркалом называют его местные жители, меднокожие, скуластые, крепкого сложения люди. Спокойна, почти недвижна водная гладь. Ее словно стерегут прибрежные утесы. Кажется, они вырастают прямо из озера и уходят в небо.

Много дорог ведет к озеру Гуатавите, древней святыне живущих окрест индейцев. Как сказывают старики, хранители мудрости, с незапамятных времен на его дне поселилась Фуратена, богиня в облике змеи. Она всемогуща, она добра и благосклонна к людям. Случится ли засуха, голод, постигнет ли народ губительный мор, замышляется ли поход против коварного соседа — во всех этих случаях жрецы и владыки испрашивают помощи и совета у всесильной женщины-змеи.

Но в этот раз, в хлопотливый месяц сева, пришла пора индейцам молить богиню о чрезвычайной милости — принять или отвергнуть нового правителя, юного Гуаску Тикисоке, преемника умершего от ран властителя Психипкуа.

Чтобы узнать волю всемогущей Фуратены, древний обычай повелевал прибегнуть к обряду, пышность которого превосходила все прочие церемонии. Молодой Гуаска Тикисоке носил гордое имя — Парящий орел. Всем воинам его царственного рода покровительствовала царь-птица. Он доводился племянником своему предшественнику и потому был единственным и законным его наследником. Семь лет прожил Гуаска Тикисоке в уединенных пещерах под присмотром неумолимо строгих жрецов. Все эти годы они готовили его к посвящению в сан правителя.

В назначенный день юноша покинул укромное убежище. Его посадили в роскошные золотые носилки, а на голову набросили белоснежный плащ: солнце не должно до поры до времени видеть лицо Тикисоке. Мерным шагом процессия двинулась к озеру Гуатавите. А на берегу уже выстроились в строгом порядке роды и племена, братья по крови и союзники. Суровые воины в масках и замысловатых уборах из перьев, жрецы в золотых коронах и нагрудных

пластинах, женщины в разноцветных плащах. В руках у каждого факел.

Возле каменной лестницы, врезанной в берег озера, Гуаску Тикисоке медленно снимают с носилок. На воде уже тихо покачивается богато украшенный плот. Легкий и изящный, он связан из священного тростника. На плоту в углах его четыре жаровни, чуть курятся в них пахучие травы. Тишина. Но вот вспыхивают жаровни. Сразу же загораются сотни факелов на берегу. Потупив взор, все поворачиваются спиной к воде. Горе тому, кто осмелится взглянуть на юного правителя.

И вот наступает час величайшего таинства. Седовласые жрецы сбрасывают покрывало и натирают тело юноши липкой и душистой древесной смолой. В руках у них короткие тростниковые трубочки, вот они подносят их к губам. Мгновение, выдох — и из трубочек извергаются струйки желтого порошка. Это золото — оно священно, ибо угодно богам. Постепенно плечи и руки, спина и грудь юноши покрываются тонкой золотистой пеленой.

К нему приближаются четыре вождя. Они также обнажены и готовы принести щедрые жертвы владычице Фуратене. Вожди благоговейно поднимают Гуаску Тикисоке и переносят на середину плота, складывая к его ногам множество золотых изделий и изумрудов.

Наконец настает желанный миг. Плот отрывается от берега, бесшумно скользит по водной глади. Вслед ему несутся радостные песни. Смеются флейты, победоносно грохочут барабаны, трубным гласом гремят морские раковины. От могучего гула содрогаются леса и горы. И вдруг все смолкает: плот достиг середины озера.

Сокровенные слова шепчет Гуаска Тикисоке, обращаясь к покровительнице Фуратене: «О ты, сердце озера! Ты, трижды почтенная мать лагуны! Великая, могущественная женщина в змеиной плоти! Источник изобилия, благодетельница наших сынов и дочерей! Дай жизнь и радость твоим детям, взывающим к тебе с порога твоей обители. Пусть плодятся и множатся чада твои, пусть недуги и злосчастья минуют их, пусть солнце и луна озаряют их живительным светом. Яви любовь, о великая, и прими в свое лоно святые жертвы и главный дар — сияющего солнцем посланца твоего народа. Да будет благостен этот союз!» С такими словами Гуаска Тикисоке опускает флажок, развевающийся над плотом. Тотчас же его спутники низвергают в озеро груду приношений. Гуаска Тикисоке бросается в священные воды. Смывая золотой порошок с тела юноши, озеро благосклонно принимает и этот чудесный дар.

Все пятеро — четыре вождя и юноша — плывут к берегу, ни одной песчинки не видно на крепком, мускулистом теле Гуаски Тикисоке. Значит, угоден он богине в облике змеи, значит, быть ему повелителем людей! И велика радость индейцев. Озерную гладь орошает дождь из золотых украшений: это простые смертные спешат выразить свою признательность владычице озера.

Начинается торжественное празднество с веселыми и грустными песнями и плясками. Желтой рекой льется сапкуа — напиток жизни, настоенный на маисовом зерне. Теперь власть нового правителя признается всеми и приобретает законную силу.

Так избирали «на царство» своего повелителя индейцы, что жили вокруг священного озера Гуатавиты. Таков был древний незапамятный обычай, завещанный предками. О нем хорошо знали соседние племена и дальние народы.

Много событий, больших и малых, горьких и радостных, произошло в

жизни Гуаски Тикисоке за долгие годы его правления. Многих грозных соперников покорил он и приумножил славу своего рода. Однако мог ли он в торжественный день избрания вообразить себе, что кончит жизнь не на поле брани, а от предательской руки невиданных дотоле воинов. Мог ли он предположить, что священный обряд омовения, молва о котором расходилась далеко вокруг, послужит для пришельцев приманкой. Словно гончие псы, помчатся они по следам молвы и проникнут в его страну, ту, что так надежно защищали могучие реки и высокие горные цепи. В предчувствии наживы враги нарекут Гуаску Тикисоке «эль де оро», или «эльдорадо» — «позолоченным» человеком.

Чужеземцы сорвут с Парящего орла драгоценные знаки достоинства, растопчут богов, отберут подданных и, наконец, лишат его жизни. Вот почему он войдет в историю как последний Эльдорадо. Последний потому, что вторжение чужестранцев положит конец правлению его рода и индейцы навсегда потеряют былую свободу и независимость.

Все рассказанное — не досужая выдумка и не исторический курьез. Эта поистине фантастическая традиция в действительности бытовала у индейцев муисков. Нам стало известно о ней со слов наследника Гуаски Тикисоке, пережившего конкисту. Рассказ этот был записан колумбийским хронистом Хуаном Родригесом Фресле. Современные исследователи пытались раскрыть символический смысл церемонии Эльдорадо. Чем для самих индейцев было это своеобразное «венчание на царство»? Кого в их глазах олицетворяла позолоченная фигура молодого правителя?

По мнению одних, это была искупительная жертва, по мнению других,— обряд очищения. Колумбийские археологи предложили собственную, весьма любопытную версию: будто несколько тысяч лет назад выводу Гуативиты упал большой метеорит. Сверкающая раскаленная масса подобно молнии прорезала небосклон и со страшным грохотом исчезла в глубине озера. Местные жители, невольные свидетели этого «чуда», восприняли его как знак того, что некое могущественное божество пришло на их землю и избрало своим обиталищем озеро Гуативиту. В память об этом событии с тех пор, дескать, и праздновалась церемония Эльдорадо.

При всей оригинальности версия эта малоправдоподобна, так как основана на редком природном явлении. А между тем этот необычный обряд не был столь исключительным. Индейцы,.поклонявшиеся силам природы, особенно почитали водную стихию. Культ озер был распространен не только у муисков, но и у индейцев кечуа в Перу и у майя в Центральной Америке. Со славой озера Гуативиты могли бы поспорить не менее знаменитые озера Аматитлан в Гватемале и Чичен-Ица на Юкатане. Индейцы полагали, Что в них обитают боги дождя и влаги, дарующие изобилие и урожай, нередко их представляли в виде огромных змей, драконов или других чудовищ. Не только бесценные сокровища, но и человеческие жертвы бросались в озерные воды, чтобы умилостивить живущие там грозные божества. Быть может, такой символической жертвой и был «позолоченный» правитель древних муисков.

Исторический факт и порожденный им символ, правда и вымысел — все это тесно переплелось в легенде об Эльдорадо, классическом сказании древности. С историей народа, чья щедрая фантазия породила этот сказочный обряд, с историей поисков чудесной страны Эльдорадо и предстоит познакомиться всем,

кто раскроет страницы этой книги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РЫЦАРЬ ЭЛЬДОРАДО

История первая
«МУНДУС НОВУС» — ДИКОВИННЫЙ КРАЙ

Это было время, когда Веско Нуньес Бальбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дарьена, Кортес — в Мексике, Писарро — в Перу; это было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдорадо, рыцарских подвигов и всемирной монархии.
К. Маркс. Революционная Испания. 1854 г.

День 15 марта 1493 г. стал великой вехой в жизни Испании. В тот день в старинной гавани Палое, на юго-западном побережье страны, появилась изрядно потрепанная каравелла. Это вернулся из своего первого заокеанского плавания адмирал Моря-Океана[1], генуэзец Христофор Колумб.

Колумб привез ошеломляющую новость. В письме, которое он послал с дороги испанскому двору, говорилось: «За тридцать три дня я прошел от Канарских островов к Индиям с флотилией, предоставленной мне нашими государями... и там я открыл много островов и людей на них без счету...»

Весть о таинственной суше, неожиданно всплывшей вдруг из «mare tenebrosum» — моря тьмы, что испокон веков обнимало Европу с запада, молниеносно разошлась по соседним странам. «Что же это за диковинная страна,— думали с беспокойством европейцы,— как велика она, как далеко простираются ее границы? Действительно; Индии ли это, как утверждают кастильские мореходы, а может быть, сия твердая земля — прославленная в древних легендах Атлантида и правит ею Алкиона, дочь титана Атланта? Неужели ошибался блаженный Августин, когда утверждал, что на стороне земного шара, противоположной Европе, нет никакой суши? И мыслимо ли, наконец, чтобы спустя столько веков после сотворения мира на свете могла еще существовать доселе неведомая земля?» Эти и многие другие вопросы тревожили всех от мала до велика.

Царствующая королевская чета — Фердинанд и Изабелла — торжественно встретила Колумба. Его открытие сулило заманчивые, если не блестящие, перспективы.

В конце XV — начале XVI в. Западная Европа переживала бурные времена. Повсюду вырастали крупные города, развивались промышленность и торговля. Крепла и набирала силы молодая буржуазия. Банкиры и ростовщики стали хозяевами городов и сел. Деньги — всеобщее средство обмена — превратились в большую экономическую и общественную силу. Жажда золота, стремление к наживе овладели Европой.

Особенно прибыльной в ту пору считалась заморская торговля с далекими Индиями. Пряности, благовония, драгоценные камни, ткани и, конечно, золото — вот какие редкостные товары привозили из этих благословенных стран

[1] Так в те годы называли Атлантику.

европейские купцы.

Однако в результате турецких завоеваний в Аравии и Малой Азии (в 1453 г. пал Константинополь) традиционные сухопутные и морские дороги к Индиям были отрезаны. К тому же в Средиземном море помимо «неверных» турков хозяйничали «добрые христиане» венецианцы вкупе с мавританскими пиратами, преграждая дорогу на восток. Новыми обходными путями вокруг Африки прочно завладели португальцы. Вот почему поиски прохода через западный неисследованный океан стали все более занимать европейских мореходов и космографов.

Первая же попытка Колумба пересечь Атлантику увенчалась успехом. Она положила начало конкисте[2] — заокеанской экспансии, у истоков которой стояли «высочайшие покровители - Фердинанд и Изабелла.

1492 год был памятен не только открытием Колумба. 2 янвааря этого года пал Гранадский эмират, последний оплот мусульманства на Пиренейском полуострове. С падением Гранады "Завершилась реконкиста, другими словами — отвоевание пиренейских земель, которые почти на протяжении восьми веков находились под мавританским владычеством. Незадолго до этих событий благодаря династическому браку между кастильской королевой Изабеллой и королем Арагона Фердинандом воссоединились два крупнейших католических государства полуострова. Возникла единая Испания, мощное государство, которое вскоре вышло на арену европейской и мировой политики. Покончив с феодальной смутой и гражданскими войнами внутри страны, испанские монархи обратились к завоеванию новых далеких земель.

Заокеанские торговые экспедиции в азиатские страны сулили сказочные доходы королевской казне. Городская знать, купцы и банкиры Кастилии и Арагона также были весьма заинтересованы в новых источниках накопления. От них не отставала и католическая церковь, стремившаяся укрепить свое влияние и финансовую мощь за счет новообращенных в христианскую веру жителей языческих стран.

Что же касается испанского дворянства, то оно особенно уповало на заморскую карьеру. До конца XV в. его кормили война с маврами да внутренние распри и междоусобицы. Однако всему этому был положен конец. Воинственные кастильские рыцари-дворяне, особенно разорившиеся, оказались не у дел. У большинства из них не было ни земельных владений, ни родовых замков, ни выгодных должностей. За океаном же открывались новые возможности. Там можно было приобрести и землю, и состояние и откупиться наконец от ростовщиков, у которых все они были в неоплатном долгу. К тому же и королевский двор был рад избавиться от мятежной дворянской братии. Спесивые и алчные рыцари не желали ни пахать, ни сеять. Всякий труд, кроме воинского, казался им зазорным. Недаром Эрнандо Кортес, один из тех конкистадоров, которому необыкновенно повезло в Америке, писал в своем дневнике: «Я прибыл сюда за золотом, а не для того, чтобы пахать землю, как какой-нибудь крестьянин».

В глазах людей того времени этот благородный металл был окружен ореолом святости и могущества, считался как бы квинтэссенцией всех жизненных

[2] Конкиста (от исп. «conquista» — завоевание) — процесс захвата новооткрытых американских земель испанскими рыцарями наживы. Эпоха конкисты — конец XV — конец XVI в. Конкистадоры — завоеватели.

благ. «...Золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; золото — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег»[3]. Именно так относился к золоту и сам Колумб: «Генуэзцы, венецианцы и все, кто обладает жемчугом, драгоценными камнями и иными ценностями, готовы доставлять их на край света в обмен на золото. Золото — это совершенство. Тот, кто им владеет, имеет все, что пожелает. С помощью золота открываются врата небесные для душ» — так писал он в 1503 г. в письме с Ямайки Фердинанду и Изабелле.

Не удивительно, что вторая экспедиция Колумба в отличие от первой напоминала мощное военно-торговое предприятие. 25 сентября 1493 г. из Кадиса в море вышла флотилия из семнадцати больших и малых кораблей. На палубах и в трюмах разместилось не менее полутора тысяч человек.

Однако, несмотря на то, что географические результаты этой экспедиции были значительны, она не оправдала затраченных на нее средств. Испанская корона, не удовлетворившись исходом второй экспедиции Колумба, пожелала придать завоеванию заморских земель более массовый характер.

Католические короли Фердинанд и Изабелла, так же, впрочем, как и их внук Карл I[4], стремились приобретать и колонизовать заморские владения отнюдь не за счет королевской казны. Разорительные военные кампании, которые Карл I вел на протяжении всего своего длительного правления, расходы на содержание самого пышного в Европе двора, постоянные вояжи императора по лоскутным землям Священной Римской империи — все это опустошало испанскую казну. Испанское правительство весьма чувствительно зависело от займов и ссуд, которые под гигантские проценты предоставляли ему могущественные германские и генуэзские банкиры. Росли внешние долги Испании.

Постоянная нехватка финансовых средств вынуждала королевский двор делать ставку на капиталы кастильских, арагонских и иноземных финансистов, купцов и ростовщиков, монастырей, знатных и незнатных подданных. Последующий ход событий показал, что расчеты испанских монархов полностью оправдались.

Началась эпоха переселения в Новый Свет. От берегов Испании одна за другой отплывали каравеллы. На их палубах теснились знатные, но нищие «сегундоны» — младшие отпрыски родовитых семей, которые не имели по закону майората никаких прав на родительское состояние, безземельные крестьяне, ремесленники, мелкие судейские чиновники и люди без всякой профессии и определенных занятий. Вся эта пестрая толпа пускалась в опасный путь через океан в Америку, которая обещала так много, и прежде всего — золото!

И прямо скажем, Испания преуспела в изъятии заморских ценностей. Подсчитано, что с 1503 по 1660 г. испанцы вывезли из американских колоний 181 тонну золота и 17 тысяч тонн серебра!

Каким же образом удалось испанской короне произвести это чудовищное ограбление коренного населения Америки? С самого начала завоевательная политика в Новом Свете была поставлена под скрупулезный контроль

---

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 408.

[4] Карл I в 1519 г. был избран императором Священной Римской империи, в которую входили Испания, Германия, значительная часть Италии, Нидерланды и Бургундия (северо-восток современной Франции). Как император он именовался Карлом V, а как король Испании — Карлом I. Правил до 1556 г.

королевского правительственного аппарата. Немалая роль в ее осуществлении отводилась «капитуляциям» — контрактам, или договорам. Каждый конкистадор, пожелавший принять участие в завоевании заокеанских земель, заключал такую капитуляцию с испанским королем. Договор давал право на завоевание и заселение той или иной части Западных Индий и одновременно разрешение на организацию экспедиции, набор ее участников, наем кораблей. Все эти дорогостоящие операции оплачивала «менее высокая договаривающаяся сторона» — сам конкистадор. Лошадей и оружие, запасы фуража, провианта и многое другое он покупал на собственные средства.

Издержки будущего завоевателя капитуляция компенсировала обильным набором званий и почестей («titulos y honores»). Завоеватели становились губернаторами, генерал-капитанами таких-то земель, оклад же им назначался за счет доходов от провинций, которые еще предстояло завоевать. Что касается своих интересов, то корона ограждала их с помощью самых драконовских требований. Прежде всего в ее пользу взималась знаменитая кинта — королевская пятина от любой добычи: золота, рабов, жемчуга, драгоценных камней. Пятина доходила до половины, когда речь шла о золотых украшениях, найденных в могилах. Короне же принадлежало одно украшение из числа тех, что снимались с тела убитого индейского воина. Как видно, предусматривались все виды ограбления коренного населения Америки. Особые королевские чиновники неукоснительно следили за тем, чтобы королевская казна исправно пополнялась. Сколько отчаянных голов подверглись преследованиям и сколько были казнены королевским судом за сокрытие или умаление проклятой кинты. Поистине королевское золото источало запах человеческой крови!

Существовали и многие другие ограничения. Так, торговля на «островах и материке», морские сношения с Индиями провозглашались монополией короны. Обмен с местными жителями могли совершать лишь специально назначенные королевские чиновники да начальники экспедиций. Именно на торговые операции и устройство торговых колоний, как на самое прибыльное дело, уповали поначалу католические короли. Солидная доля полагалась короне и при разработке золотых и прочих рудников: 1/5 часть добытого золота и серебра поступала в королевскую казну. Вот на каких условиях подписывали испанские монархи договоры на завоевание и открытие новых земель. Так складывалась коронная заморская политика.

Однако и то, что доставалось конкистадорам, делилось между ними отнюдь не поровну. Прежде всего заокеанские барыши перепадали на долю организаторов и начальников экспедиций, знатных дворян. Рядовые же солдаты должны были рассчитывать исключительно на себя. В отличие от хорошо вооруженной и экипированной военной знати рядовые участники были почти безоружны, если не считать «роделы» — небольшого круглого щита да пики или копья.

Новый Свет по существу завоевывался на свой страх и риск. Большая часть добровольцев не получала ни денег, ни обещаний на будущее. Они продавали все, что могли продать, и перебирались в Севилью — порт отправления. В ожидании отхода судна будущие завоеватели, бывало, проедали все свои запасы и, чтобы оплатить проезд, подписывали долговые обязательства, надеясь расплатиться за них по ту сторону океана, в Новом Свете.

Да и в самом походе рядовые его участники должны были сами запасаться

провиантом. Правда, удачливые «каудильо» — главы экспедиций, случалось, доставляли пропитание своим людям. Однако такой порядок был скорее исключением, чем правилом. Недаром со времен Колумба снятие с довольствия было самой тяжелой карой для виновного. Не удивительно, что, ступив на американскую землю, конкистадоры прибегали к самым изощренным формам грабежа, дабы урвать себе за счет индейцев и «хлеб насущный», и хоть какой-нибудь капитал.

Смертельный риск ждал всех, кто отправлялся в заморские края. И все же существовало правило: если конкистадор погибал на поле боя, родственникам ничего не доставалось из его добычи, зато они полностью наследовали долги умершего.

Тем не менее, невзирая на все опасности нелегкой заокеанской судьбы, аромат Западных Индий был непреборим, а тяга за океан была так велика, что это угрожало опустошить города и села Эстремадуры и Кастилии. Севильская Торговая палата, а затем и Совет Индий[5] тщетно пытались ограничить поток переселенцев. За 70 лет, с 1500 по 1571 г., в Новый Свет переправилось 150 тысяч человек. Безлюдно стало на испанском юге. Современник событий венецианский посол Андреа Наваджеро в письме на родину в 1525 г. сообщал: «Севилья оставлена на попечение одних только женщин».

История вторая
САНТА-МАРТА — НИЧЕЙНАЯ ЗЕМЛЯ

А счет здесь ведется не по индейцам, а по хижинам, потому что нельзя толком доведаться, сколько жителей в этих местах обитает, ибо велика земля, нам здесь подвластная и нами замиренная, и индейцам несть числа.
Из послания Гарсии де Лермы королевскому двору 16 января 1530г.

В тяжких трудах проходила подготовка третьей по счету экспедиции Колумба. Никто не хотел вкладывать капиталы в это ненадежное и невыгодное, по общему мнению, предприятие.

В мае 1498 г. шесть небольших каравелл вышли наконец на просторы Атлантики. Через два месяца каравеллы оказались вблизи острова Тринидад. К западу от него виднелся берег, нареченный Колумбом Землей Благодати. Тогда еще великий мореплаватель не подозревал, что эта береговая полоса — часть огромного материка — Южной Америки. Корабли обследовали восточную и

[5] Торговая палата—(Casa de contraction) создана в 1503 г. в Севилье не только как торговое учреждение: палата хранила на складах товары, которые направлялись в Америку и привозились оттуда, осуществляла контроль над всеми перевозками в Новый Свет, занималась составлением географических карт и сбором сведений о колониях, имела некоторые судебные функции. Без1 ее ведома никто не мог попасть в новооткрытые земли.
Совет по делам Индий (Consejo de las Indias) был учрежден в 1511 г. Был наделен огромными полномочиями по управлению заморскими территориями. Он ведал организацией военных экспедиций в Новый Свет, назначал туда и смещал правителей и королевских чиновников, контролировал их деятельность. Как высшая апелляционная инстанция вершил суд и расправу над жителями колониальных владений.

северную часть полуострова Пария. Оказалось, что прибрежные отмели чрезвычайно богаты жемчугом. На карте, которая составлялась во время плавания, появились Жемчужный залив и Жемчужный берег. Самый большой остров к северу от Парии испанцы назвали Жемчужным (теперь остров Маргарита). Таким образом, в третьей экспедиции Колумбу удалось открыть, как он писал, обширную землю к югу от Антильских островов, до сих пор никому неизвестную.

В 1499 г. Фердинанд и Изабелла отменили монополию, предоставленную ранее Колумбу на завоевание новых территорий. Прежние соратники Колумба, а теперь его соперники получили доступ к заветным землям и на свой страх и риск поспешили продолжить дело, начатое великим мореплавателем. Педро Алонсо Ниньо, участник всех трех экспедиций Колумба, детом 1499 г. самостоятельно прибыл на остров Маргарита промышлять ловлей и обменом жемчуга. Ниньо обследовал еще 54 лиги[6] береговой полосы к западу от острова. Почти одновременно с Ниньо в Атлантику ушли три каравеллы под началом Алонсо де Охеды, бывшего сподвижника Колумба. Охеда открыл побережье Гвианы и устье великой реки Ориноко. Затем, пройдя по следам Ниньо, он дошел до мыса Кадеры и направился далее на запад, пока не оказался около озера Маракайбо и мыса Ла-Вела. Пройдя более 540 лиг вдоль неведомого берега, названного им Венесуэлой, Охеда повернул в море и вскоре прибыл на остров Эспаньолу.

Тем временем интерес к новым землям в Испании разгорался все сильнее. Все больше людей, далеких от морского и военного дела, обращалось мыслями к заманчивому западу. К таким людям относился и богатый севильский юрист Родриго де Бастидас. Знакомство его с Хуаном де ла Косой, который только что вернулся из плавания под началом Охеды, развеяло всякие сомнения. Бастидас решил расстаться с солидной клиентурой и испытать свои силы в торговом деле за океаном. Определив Хуана кормчим, он в октябре 1500 г. пустился штурмовать Море-Океан. На первых порах судьба была к нему весьма благосклонна.

Корабли Бастидаса благополучно прошли Атлантику и, следуя маршрутом предшественников, миновали жемчужную Маргариту. За озером Маракайбо пошли незнакомые места. Впервые обогнули полуостров Гоахиру. С моря были отчетливо видны высокие заснеженные горы, что поднимались в глубине страны. В марте 1501 г. испанцы проплыли устье могучей полноводной реки и назвали ее Великой (ныне — Магдалена). Курс был прежним, все время на запад, пока неведомые берега не повернули вдруг круто на север. Корабли вышли к Панамскому перешейку. Обследовав около 180 лиг неизвестной суши, Бастидас завершил открытие северного побережья Южной Америки, начатое Колумбом в 1498 г.

Плавая у новооткрытых берегов, Бастидас и его люди бойко торговали с индейцами, которые выходили встречать испанские корабли. Связки жемчужин, ценная древесина, золотые поделки и украшения заполнили вскоре трюмы обеих каравелл. Шли последние дни 1501 г., пора было возвращаться домой. Но обратный путь оказался тернистым. Свирепый ураган обрушился на корабли. Сокровища, хранившиеся в корабельных трюмах, ушли на дно бурного Карибского моря. Родриго Бастидас потерял почти все свое богатство. Он уцелел, но в Санто-Доминго его немедленно арестовали и выслали в Испанию. Ему предъявили тяжкое обвинение — сокрытие королевской пятины.

[6] Лига — испанская мера длины, равная 5572 метрам.

Однако Родриго Бастидас в совершенстве знал кастильские законы и ловко защищался на суде. По преданию, он изобразил американских индейцев такими кровожадными людоедами, что королевским указом от 1503 г. их было разрешено убивать и уводить в неволю. В конце концов Бастидас был оправдан и получил ежегодную пенсию в награду за свои открытия.

Постепенно за Карибскими берегами Южной Америки закрепилось название Тьерра-Фирме, то есть «Материковая земля». В 1508 г. неугомонный Алонсо де Охеда в третий раз получил королевское разрешение, чтобы основать колонию на Тьерра-Фирме. Охеде досталась Новая Андалузия — так нарекли приморскую полосу теперешней Колумбии. Близ устья Магдалены завоеватели принялись вылавливать индейцев, с тем чтобы продать их в неволю. Однако индейцы отчаянно сопротивлялись. Многих людей потерял Охеда в стычках и вынужден был бежать на запад. В 1510 г. неподалеку от устья реки Атрато он заложил первое в Южной Америке поселение — Сан-Себастьян. Однако голод, болезни, губительный климат скоро привели колонию в состояние крайнего упадка. Тогда Охеда отправился на Эспаньолу за подмогой, где спустя несколько лет и умер.

В течение последующих полутора десятков лет почти не предпринимались попытки колонизовать эту часть Америки. Все карибское побережье стало ничейной землей, отданной на разграбление конкистадорам и авантюристам всех мастей. Эта ничейная земля была объявлена к тому же «землей бесполезной».

В отличие от нее четыре главных острова Карибского моря — Эспаньола (теперь — Гаити), Куба, Ямайка и Пуэрто-Рико, открытые во время первых экспедиций Колумба, считались «весьма полезными». Из крепости Санто-Доминго на острове Эспаньола, столицы тогдашней испанской Америки, направлялись на юг в поисках рабов, а заодно и золота один за другим разбойничьи рейды.

Словно омут, поглощали эти «весьма полезные» для испанской короны острова мужчин, женщин и детей, захваченных в неволю на Карибских берегах Южной Америки. А в те времена берега эти были плотно населены: по подсчетам ученых, в начале XVI в. там обитало примерно 500 тысяч человек.

Не удивительно, что вскоре прибрежные жители стали ожесточенными врагами испанцев. Сея страх и ужас в рядах конкистадоров, индейцы изматывали их неожиданными налетами или навсегда покидали насиженные места. Труднодоступные лесистые отроги Сьерры-Невады, горного массива, который возвышался недалеко от берега, служили для них надежным прибежищем. Бесстрастные документы той эпохи говорят и о третьем пути избавления от позорной неволи: плену, а затем и рабству индейцы предпочитали добровольную смерть.

Все тише становилось на северном побережье Южной Америки, все безлюднее. Забытая богом земля!

Однако вскоре наступило время крутых перемен. Фантастически успешный поход Эрнандо Кортеса в Мексику (1519— 1521 гг.), открытие и завоевание им обширного и процветающего государства астеков, экспедиции Педро де Альварадо на тихоокеанское побережье Мексики и в Гватемалу, вторжение конкистадоров на Юкатан и в другие районы Центральной Америки подорвали значение Антильских островов.

Становилось ясно, что Антилы всего лишь ничтожный аванпост огромного

и до той поры неведомого материка. Иначе откуда бы взяться могучей Ориноко? Где истоки Магдалены, или, как называли ее в те времена испанцы, Великой реки? И действительно, как не удивиться неуемной мощи этого потока, несущего свои воды в просторы Карибского моря. Не там ли, у далеких ее верховьев, таятся сказочные богатства, которых так и не удалось отыскать на Антильских островах?

И вот, наконец, ничейная земля приобретает хозяина. Им становится уже известный нам знаток этого края Родриго де Бастидас. В 1524 г. он подписывает с испанской короной договор на завоевание северных берегов Южной Америки.

Условия договора обязывали нового губернатора построить в тех местах крепость и поселить в ней 50 испанских колонистов. 15 из них должны были обосноваться там вместе со своими женами. Бастидас дал обещание привезти с собой 200 коров, 300 свиней, 25 лошадей. В 1525 г. близ устья Магдалены была заложена новая испанская колония из нескольких соломенных хижин, которую Бастидас назвал Санта-Мартой. Чтобы освоить окрестные земли, требовались люди. Бастидасу пришлось обратиться к тем солдатам, которые с пустым кошельком рыскали по антильским портам.

Пожалуй, выбирать было действительно не из кого. О тех, кого он нанял на Эспаньоле для осуществления своих планов, документы той эпохи красноречиво свидетельствуют: «Люди, отправленные на помощь южным провинциям, были бесполезны на острове... скандалы и бесчинства, каковые каждый день совершались ими, плодили лишь хаос и анархию, которые суть враги любого порядка».

Ну а последствия не заставили себя долго ждать. Прибыв к месту назначения, «помощники» первым делом пустились грабить. Правда, благоразумный и проницательный Бастидас со всей настойчивостью противился этому. Он не разрешал мародерствовать, запрещал наезды на селения индейцев, терпеливо разъяснял причину своей осторожной политики: смерть надвигается отовсюду — или мы умрем с голоду, или нас уничтожат индейцы, а мы им ненавистны.

Однако попробуй останови этих испанских рыцарей! Из девяти капитанов Бастидаса шестеро восстали. С возгласами «Да здравствует император и свобода! Не хотим умирать рабами презренного старца!» они ворвались в хижину губернатора и жестоко избили его. Затем Бастидаса насильно перетащили на корабль и отправили на Кубу. Там он вскоре и скончался от ран и побоев. Так печально закончились две попытки Родриго де Бастидаса освоить северные берега Южной Америки.

Расправившись с неугодным губернатором, конкистадоры избрали достойных себя главарей. Ими поочередно были Родриго Паломино, участник похода Кортеса в Мексике, а затем Педро де Вадильо, бывалый вояка. Под их началом «колонисты» грабили и уничтожали индейские поля и селения. Вот почему ненавистью к христианам дышала в этих краях каждая индейская хижина.

В 1529 г. здесь появился новый губернатор — Гарсиа де Лерма. Он предпочитал не рисковать жизнью в грабительских рейдах: рассылая солдат по далеким и близким окрестностям, Лерма требовал положенной ему доли добычи. А она была немалой. Вскоре вокруг Санта-Марты все вымерло, обезлюдели леса и поля. После смерти Лермы в конце 1534 г. на карибском побережье Южной Америки не осталось ни одного индейского племени, которое поддерживало бы мирные отношения с завоевателями. Как огня боялись конкистадоры

отравленных стрел индейцев. Бесшумная «летучая» смерть настигала солдат не только на поле боя, но и много дней спустя: яд, попадавший в кровь раненого индейской стрелой, иногда убивал через сутки, а случалось и на пятый день.

Угроза голода неумолимо надвигалась на Санта-Марту. Продовольствие, вернее, жалкие его крохи, что изредка перепадали от индейцев, перестали поступать вовсе. Прекратилась доставка провизии с Антильских островов. Многие испанцы, пытаясь спастись от голодной, смерти, разбегались по соседним землям и даже бросались в море в надежде, что их подберет корабль, покидающий эти безрадостные места.

Как раз в это время произошло событие, которое вновь всколыхнуло надежды испанской короны и конкистадоров. Оно изменило судьбу и забытой Санта-Марты. В 1532 г. Франсиско Писарро вторгся в Перу, страну великих инков, где «города и селения полны золота, где посуда и убранство, одежда и оружие — все золотое». Теперь королевскому двору всюду мерещились сокровища инков. Как из рога изобилия посыпались капитуляции на открытие и освоение неведомых американских земель. Карл I почти одновременно заключает договоры с Франсиско Писарро и Диего де Альмагро на завоевание Новой Кастилии (Перу) и Нового Толедо (Чили), с Педро де Мендоса подписывает контракт на «присоединение» Рио-де-ла-Платы и, наконец, Педро Фернандесу де Луго, старому и опытному губернатору Канарских островов, торжественно даруется право на освоение провинции Санта-Марты.

По договору, подписанному с Луго в январе 1535 г., границы его владений определялись так: на востоке — меридиан мыса Ла-Велы, на западе — река Магдалена, на севере — карибское побережье Южной Америки, а на юге — неведомые берега Южного моря, то есть Тихого океана. Тогда еще большинство испанцев наивно полагало, что Южное море было не так уж далеко от Северного, то есть Карибского. Да и сам континент представлялся им вытянутым не с севера на юг, а с востока на запад[7].

Наконец улажены все формальности. Витиеватым росчерком скреплено обещание монарха Карла I озолотить открывателя новых земель, если тот в свою очередь озолотит корону. Сын губернатора молодой Алонсо Луис де Луго срочно отправился в Испанию искать охотников для заморской экспедиции. Предпочтение отдавалось потомственным идальго, имеющим опыт заморских завоевательных кампаний. Список завербованных рос. В мае 1535 г. Алонсо появился в Севилье.

Севилья — морские ворота Испании, город, куда стекалось великое множество людей со всех концов страны. Бывалые моряки и солдаты, торговцы и лавочники, переписчики бумаг и корабельные мастера селились в плебейском предместье Севильи — знаменитом квартале Триана, на левом берегу реки Гвадалквивира. Отсюда начинался далекий путь в желанные Западные Индии. Именно здесь Алонсо де Луго получил по 30 дукатов из рук Диего де Урбины, Педро де Португаля, Ан-тонио де Олайя. Это был их «гарантийный взнос» за

[7] К тому времени уже немалая часть Нового Света была обследована испанцами (в 1520 г. Магеллан открыл пролив в южной части материка, названный позже его именем, а в 1526 г. капитан Гевара проплыл 7,5 тысячи километров вдоль тихоокеанского побережья Америки, от 51° ю. ш. до 16° с. ш.). Однако проходили долгие годы, прежде чем новые географические открытия становились достоянием всех. Даже многоопытные и всезнающие чиновники Совета Индий вплоть до 1539 г. полагали, что провинция Сайта-Марта — большой остров, подобный Кубе и Ямайке.

право принять участие в экспедиции в ранге боевых капитанов — «capitanes de arma».

И вот в один солнечный день на улице оружейников судьба столкнула Алонсо де Луго с высоким и статным незнакомцем, который назвался Гонсало Хименесом де Кесадой, юристом из Гранады. Кесада был не речист и на вид суров. Тяжело нависшие брови, орлиный нос, цепкий, пронзительный взгляд — все выдавало в нем властную натуру, все говорило о человеке, не привыкшем отступать.

Встрече этих двух таких разных людей суждено было стать исторической. Чтобы убедиться в этом, стоит поближе присмотреться к новому знакомому Алонсо, которому и посвящается вся следующая история.

История третья
СЛУГА ПЕРА И ШПАГИ

Гонсало Хименес де Кесада не только не уступал другим сыновьям своей отчизны ни в учености, ни в доблести, но превосходил их настолько, что, казалось, соединились в нем в тесном содружестве бог Марс и богиня Минерва, союз столь же счастливый, сколь и редкостный.
Хронист Педро Симон. Исторические известия о завоеваниях Материковой Земли в Западных Индиях. Куэнка, 1667

История не сохранила нам особых подробностей из жизни Кесады. До самого последнего времени многое в его биографии оставалось неясным, в частности неизвестны были время и место его рождения. Несколько городов Испании долгое время соперничали за право называться его родиной. Лишь благодаря усилиям колумбийского историка — академика Хуана Фриде — а он изучил множество архивных документов в разных хранилищах Испании и Нового Света — мы теперь знаем, что Кесада родился в 1509 г. в городе Кордове и начал свою заморскую карьеру в 27 лет.

Таким образом, наш герой не был исключением из общего правила: подобно многим другим конкистадорам он вырос на юге Испании — колыбели многих завоевателей. Знаменитые Писарро и Кортес, Эрнандо де Сото и Кавеса де Вака, Белаль-касар и Бальбоа родились в Эстремадуре, Педро де Мендоса — в Альмерии. Именно здесь укоренился дух реконкисты, прочно утвердились ее традиции, а традиции, как известно, взывают к действию.

Но вернемся к Кесаде. Уроженец Кордовы, он происходил из семьи марранов — насильственно крещенных евреев. Впоследствии, когда он пожелал получить возмещение за свершенные в Америке подвиги, коронные чиновники не раз отметали эти просьбы, ссылаясь на его «нечистых предков».

Отец Кесады Бернардо Хименес был канцеляристом. В Испании лиц этой профессии называли «папелистами» — бумажными людьми. Круг их деятельности был весьма обширным — они вершили дела в судебных присутствиях, выступали в качестве нотариусов, адвокатов, не чуждались и торговых операций. Жена Бернардо Хименеса Исабель де Кесада, женщина весьма скромного происхождения, подарила мужу четырех сыновей. Гонсало был первенцем, за ним последовали Эрнан - живая тень старшего брата, затем

Франсиско, ставший ближайшим помощником Диего Альмагро, покорителя Перу и Чили, и, наконец, младший — Мельчор стал монахом.

Предки, деды Кесады, вышли из ремесленного сословия и держали красильное и ткацкое дело в Кордове. Они поставляли на рынок льняные и шерстяные ткани и нажили немалое состояние. Преуспевающий Бернардо Хименес дал старшему сыну прекрасное образование. Он отправил его учиться на север, в знаменитую Саламанку, «родоначальницу всех доблестей и наук». Там, на правом берегу реки Тормес, располагался Саламанкский университет, крупнейший в средневековой Европе. Современники считали, что он затмевал не только парижскую Сорбонну, но мог сравниться в славе и с древними Афинами. Передовые гуманистические традиции пронизывали здесь всю систему преподавания. Главное место в ней занимали юридические науки, впрочем серьезно изучались также медицина, древние языки, география и искусство навигации.

Гонсало провел в Саламанке около десяти лет. Известно, что он получил степень лиценциата прав. Во всех жизнеописаниях это звание («licenciado») постоянно сопутствовало имени Кесады. Чтобы добиться его, требовалось сначала пройти пятилетний университетский курс и стать бакалавром, а затем окончить лиценциатуру. Можно утверждать с полным основанием — Гонсало Хименес де Кесада был весьма образованным человеком.

После возвращения Гонсало на родину семья его по неизвестным причинам покинула Кордову и переехала в Гранаду. В королевском суде города Гранады и началась служба старшего Кесады. Очевидно, семейные традиции и связи отца помогли ему сразу войти в курс дела. И хоть немногое мы знаем об этих годах его жизни, Гранада так полюбилась молодому адвокату, что он признал ее своей второй родиной.

Но как ни удачно и спокойно протекала поначалу юридическая деятельность Гонсало, а час испытаний наступил и для него. В 1533 г. он взялся за хлопотливое, если не сказать щекотливое, дело — выступил защитником колдовских красильщиков, на которых была подана жалоба в гранадский суд.

Суть же этого дела состояла в том, что дядя Кесады по матери дон Херонимо де Сория основал нечто вроде маленькой компании, желая навязать свои цены кордовским ткачам. Предприимчивый дон Сория использовал недоброкачественную, дешевую краску для обработки тканей. Однако вскоре об этом стало известно. Разразился скандал, интересам кордовских ткачей был нанесен чувствительный ущерб. А нужно сказать, Кордова издавна славилась расписными платками и шалями.

Против Херонимо де Сории и его компаньонов городские власти возбудили дело. Как утверждал один из обвинителей, даже ценой головы своей дон Херонимо не мог возместить урона, нанесенного Кордове! Тщетно Кесада пытался помочь своим близким. Процесс был проигран. По решению суда конфискации подлежало все состояние не только дяди Кесады, но и его отца, бывшего поручителем дона Сории. Это означало разорение всей семьи — полную катастрофу. Материальный и моральный ущерб, причиненный семейству Кесада, был так велик, что желание вычеркнуть из памяти сие печальное событие, возможно, и вынудило Гонсало навсегда отказаться от Кордовы, города своего детства и юности. Не исключено, что именно поэтому три брата — старший Гонсало и двое младших, Эрнандо и Франсиско,— отправились искать счастья в

Индии.

Впрочем, семейное увлечение этими Индиями было знамением времени. Вместе с Христофором Колумбом заморские земли открывали его братья Бартоломе и Диего, с ним плавал младший сын Фернандо; «квинтет» братьев Писарро во главе с Франсиско, в составе Эрнандо, Хуана, Гонсало и сводного брата Мартина дружно, «по-родственному» прошелся огнем и мечом по землям великого Перу. Им помогали в этом «святом» деле соратник и соперник Диего Альмагро и его сын Диего-младший. И так до бесконечности. Но вернемся к Кесаде и его братьям.

Гонсало, Эрнандо и Франсиско Кесада приехали в Севилью в январе 1535 г. Они прибыли туда как нельзя кстати. В это время капитан Хуан де Хунко набирал добровольцев в экспедицию на берега Новой Андалузии[8]. Ходили слухи, что там в несметном количестве объявилось золото. Братья Кесада записались в отряд и стали ждать отъезда. Предусмотрительный Гонсало сумел даже запастись рекомендательным письмом к губернатору тех мест Педро де Эредии. Однако отправление экспедиции все время откладывалось. А между тем деньги у братьев были на исходе.

В один из последних майских дней в Севилью нагрянул Алонсо де Луго. Подходил к концу срок, данный ему отцом для набора участников похода, а вакантных мест оставалось еще много. Знакомство со старшим Кесадой обернулось для Алонсо редкой удачей. Ему не стоило труда переманить к себе Гонсало и двух его братьев. Те в свою очередь уговорили капитана Хунко. И вскоре добрая сотня завербованных Хунко людей, уже четыре месяца ждавших отправки за океан, оказалась в списке экспедиции Луго. Роль, сыгранная Гонсало во всей этой истории, была, очевидно, решающей. Он получил назначение на должность старшего судьи — «alcalde mayor» — экспедиции.

Современников немало удивляло, как мог Гонсало Хименес де Кесада, человек сугубо мирной профессии, проявить впоследствии такую сноровку в военном деле и стать покорителем целой страны. Думается так произошло потому, что конкиста бродила в крови уроженцев испанского юга. Меч, пика, аркебуз — все южане отлично владели этими видами оружия и к тому же были лихими наездниками.

Однако счастливая встреча с Алонсо де Луго сама по себе не могла открыть путь в Индии. Надо было еще преодолеть рогатки всесильной Торговой палаты, ведомства, угнездившегося возле стен севильского кремля — Алькасара. Без ее дозволения ни один корабль не мог выйти в плавание к берегам Индий, ни один человек не мог покинуть севильскую пристань.

Первым делом предстояло запастись свидетелями; они должны были удостоверить, что желающий отправиться по ту сторону океана не относится к числу «запрещенных лиц». Согласно многочисленным королевским постановлениям, доступ в Индии заказан был маврам, евреям и их потомкам до четвертого колена, рабам — как белым, так и черным, сыновьям и внукам погибших на кострах инквизиции и, наконец, иностранцам, которые не жили во владениях императора Карла V.

Чиновники, выслушав показания свидетелей, заносили имена счастливцев в толстую регистрационную книгу. Удостоились этой чести трое братьев Кесада. Когда было покончено с этими томительными формальностями, будущие

[8] Приморская полоса Колумбии между устьями Магдалены и Атрато.

конкистадоры не спеша перешли по мосту шумный Гвадалквивир и остановились перед воротами монастыря св. Франсиска. Отслужили праздничный молебен, освятили знамена, однако до желанного дня отправки было еще далеко. Корабли стояли на мертвых якорях, их готовили к дальнему плаванию в аванпорте Севильи, гавани Сан-Лукар-де-Баррамеде, лежащей в устье Гвадалквивира. Наконец, в октябре 1535 г. наступил долгожданный день, многим он казался началом новой жизни.

Проводы каждой экспедиции справлялись пышно и торжественно. Парадное шествие открывали шесть музыкантов с флейтами и свирелями, за ними следовали шесть монахов с горящими свечами в руках, затем снова музыканты с тромбонами и трубами и снова шеренга из монахов Ордена проповедников[9].

Затем появлялись «виновники торжества» — конкистадоры. Первыми шли одиннадцать рядов всадников, за ними — десять шеренг аркебузиров — помимо шпаг на перевязи они несли подставки для аркебуза и колчаны с острыми стрелами. Заключали колонну шесть рядов щитоносцев с небольшими круглыми щитами в руках.

В голове же шествия вели свирепых псов, натасканных на травлю индейцев. В Новом Свете без них не обходился ни один поход, они выслеживали индейцев и принимали участие в битвах; зубы и когти этих бестий причиняли не меньший урон, чем мечи и пули их хозяев.

Большинство солдат были в «хубонес» — полотняных и меховых куртках. Головы их украшали каски из оленьей кожи, чем-то похожие на древнеримские шлемы, и береты с пышными перьями. На ногах были длинные штаны — вельветовые, бархатные, полотняные, кто в чем горазд, и альпаргаты — легкая обувь из пеньки.

Замыкал эту яркую процессию обоз с разными припасами, за ним шли те, кому вверялась забота об удобствах и здоровье сего воинства: лекари, сапожники, портные.

Под восторженными взглядами зевак люди грузились в лодки и плыли вниз по течению Гвадалквивира. В порту Сан-Лукар-де-Баррамеде делалась перекличка. И кто только не отзывался на имена — кастильцы и баски, фламандцы и немцы. Разноязычный гул приводил в смятение капитанов. Попробуй наведи порядок, если все с трудом понимают друг друга.

Но хоть прилив и ветер уже явственно доносили запахи с моря, прощание с испанской землей еще не было окончено. Предстояла последняя церемония: в монастыре «Босых отцов»[10] каждый конкистадор приносил присягу верности испанскому королю, губернатору и капитану, которому непосредственно подчинялся.

Пришло время подумать и о хлебе насущном: каждому члену экипажа полагалось взять за свой счет ящик с сухарями, пару запасных альпаргат, две бутыли — одну с вином, другую с водой,— они крепко привязывались к поясу, в широкие рукава куртки прятали головки сыра и хлеб. Теперь кандидат в конкистадоры был готов к морскому переходу.

Через все это пришлось пройти и трем братьям Кесада. 2 декабря 1535 г.

---

[9] Католический орден имени св. Доминика, который принимал активное участие в завоевании Нового Света.

[10] Название одного из нищенствующих католических орденов.

каравеллы, зафрахтованные Алонсо де Луго, двинулись на юг, к месту сбора — Канарским островам, где их с нетерпением поджидал Луго-старший.

Здесь, в дальнем преддверье Индий, еще раз проверили снаряжение, оснастку кораблей, разбили людей по отрядам. На исходе декабря экспедиция Педро Фернандеса де Луго в составе 1200 человек вышла из Санта-Крус-де-Тенерифе — столицы Канарских островов в направлении Санта-Марты.

Плавание через Атлантику продолжалось 40 дней. По тем временам совсем недолго. И удивительнее всего, что переход обошелся без происшествий — «син новедад». А таким происшествием могли стать и пиратское нападение, и смертоносная течь, и свирепый шторм, частый гость этих широт. Благополучное начало пути предрасполагало к иллюзиям. Но всякое начало имеет свой конец.

Этим концом стало раннее февральское утро 1536 г. Шесть каравелл дона Педро вышли на траверс залива, в глубине которого скрывалась загадочная и желанная Санта-Марта. Вход в залив, напоминающий по форме конское копыто, закрывали два острова — Большой и Малый Мавр, два естественных волнореза. Берега залива, красноватые, негостеприимные, обрывистые, круто уходили в море. Пристать к ним было невозможно. Наконец показалась пологая площадка.

То, что увидели вновь прибывшие, поразило их.

Четырнадцать глинобитных лачуг, крытых соломой, вокруг убогого собора, который, собственно говоря, тоже был хижиной. Все это живо напоминало Магазан, Азимур, Арзилу или любое другое мавританское селение на африканском берегу.

Какое жестокое разочарование! Вместо шумного, цветущего города — жалкие домишки, улицы, заросшие буйной травой, в плотном кольце тропического леса. На пристани не видно ни торговых кораблей, ни меднокожих местных жителей. Тишина и пустота, угрюмые и зловещие!

Унылый пейзаж несколько оживила странная процессия, которая показалась на берегу. Она оказалась «делегацией», высланной местным городским советом. Но что это были за люди! Обносившиеся, пожелтевшие от лихорадки, с обтянутыми от голода скулами, они скорее напоминали нестройную толпу цыган, чем гордых испанских идальго, которые прибыли сюда, дабы приобщить индейцев к «христианской культуре».

Из краткой беседы выяснилось, что за десять лет, минувших со дня основания Санта-Марты, испанские колонисты не посадили ни одного растения, не взрастили ни одного сада, не подняли ни одной борозды. Еду и одежду им доставляли индейцы. Давно поржавели и пришли в негодность аркебузы и шпаги, была съедена последняя лошадь, о запасах продовольствия и говорить не приходилось.

Положение было отчаянным. На первое время прибывшие разместились в палатках. Но как прокормить всё это огромное войско? Времени для размышлений не оставалось. Отобрав тысячу лучших солдат, губернатор Луго двинулся по направлению к крупному селению индейцев бонда. Цель одна: покорить, обуздать, закабалить. И испанцы одержали победу, но это была поистине пиррова победа. Покинув горящее селение, индейцы бежали в горы Сьерра-Невады. Все, что представляло малейшую ценность, они унесли с собой. Дым пожарищ заставил испанцев ни с чем вернуться в убогую Санта-Марту.

Старожилы советовали попытать счастья у соседей бонда индейцев тайрона, что жили к востоку от Санта-Марты. Сын дона Педро молодой дон

Алонсо, отобрав самых сильных солдат во главе с Кесадой, вновь углубился в горы. Однако и здесь конкистадорам не повезло: горсть золотых украшений (взяты они были у правителей, которые не успели скрыться) — вот и вся добыча.

Отец потребовал, чтобы дон Алонсо сдал все награбленное золото для оплаты нанятых кораблей, на которых испанцы прибыли в Санта-Марту. Однако наследник дона Педро поступил иначе. Он захватил судно и тайно бежал на нем в Испанию. Разгневанный Луго-старший послал за сыном погоню. Но юный идальго добрался до испанских берегов на месяц раньше своих преследователей. Тем не менее его поймали и посадили в тюрьму. Тогда молодой повеса подкупил стражу и оказался на свободе. Алонсо появился при дворе, очаровал донью Беатрис де Мендосу — даму из высшего общества и благополучно женился на ней. Денег же у него было много. Немалые сокровища вывез он из Нового Света.

Своими интригами и наветами он еще долго будет отравлять жизнь губернатору Санта-Марты, и не ему одному. Имя его еще не раз появится на страницах этой книги.

История четвертая
У ИСТОКОВ ЭЛЬДОРАДО

Ослепительное Эльдорадо, в котором песок блестит драгоценными камнями и самородки золота, величиною с птичьи яйца, попадаются в речные сети.
В. Прескотт. Завоевание Перу. СПб., 1886

Оставим, однако, на время ААОНСО де Луго и познакомимся с новым героем. Этим героем, вернее, героиней будет легенда об Эльдорадо, одна из самых ярких и причудливых легенд древности. Многое в ее облике неясно. Неизвестно место и время рождения, да и само название в разные времена произносилось по-разному; то ли Дорадо, то ли Эльдорадо, а случалось, и «Эль пайс дорадо»! Все эти слова и определения имели, впрочем, один общий корень «оро» — золото.

Еще со времен Колумба «эль оро» стало самым популярным словом в Испании и в Западных Индиях. Однако, как известно, Колумбу не удалось найти ни золотых рудников, ни золотоносных рек, ни золотой страны. Много лет прошло после смерти великого мореплавателя, прежде чем поток этого драгоценного металла хлынул наконец в королевскую казну и в бездонные кошельки испанских конкистадоров.

Поистине сказочной показалась Эрнандо Кортесу и его солдатам земля астеков, которую они завоевали в 1519—1521 гг. В стране величественных пирамид и храмов, тучных полей и оживленных селений золото встречалось в изобилии. 380 тысяч песо—1700 килограммов — таков был вес золотых изделий, награбленных испанцами в Мексике за эти годы.

В марте 1520 г. в парадный зал королевского дворца в Тордесильясе доставили срочный и весьма ценный груз: то была первая королевская пятина, которую переправил через океан удачливый конкистадор Кортес. Золотой диск — астекское солнце размером с доброе колесо, огромная серебряная луна — ее не под силу было поднять человеку; золотые, словно живые, утки, золотые подвески — обезьяны и ягуары; бессчетное число великолепных ожерелий и диадем, тончайшие плащи из птичьих перьев — все это выставлено было для обозрения

перед изумленным королем Карлом I и его придворными.

Альбрехт Дюрер, великий немецкий художник, живший в то время в Испании, был приглашен на этот осмотр. «Со дня появления на свет,— писал он,— не видел я ничего подобного и ничто не волновало мое сердце так, как эти поразительные вещи. Изобретательность людей из столь отдаленных стран поистине достойна восхищения».

Не тогда ли и прозвучали впервые никем и нигде не зафиксированные слова «эль пайс дорадо» — «золотая страна», или просто «эльдорадо» — «позолоченная». Едва ли в ту пору кто-нибудь знал, что слову этому суждена долгая жизнь, что, обретя плоть и кровь, оно станет нарицательным образом, самым популярным героем конкисты. Отныне Эльдорадо будет обозначать любое место, город, провинцию, где было найдено либо где предстоит найти золото, золотые и серебряные рудники, драгоценные камни — все, что в глазах испанцев представляло реальную ценность. Отряды конкистадоров устремились к северу и югу от Мексики в надежде найти новые Эльдорадо.

Летом 1528 г. перед Карлом I в Толедо предстал новый счастливчик — Франсиско Писарро. Из далекой страны Перу он привез удивительных животных — то ли овец, то ли верблюдов, которых индейцы звали ламами, тонкие одеяния из невиданной дотоле шерсти, прекрасные золотые и серебряные сосуды. Реальность Эльдорадо стала для всех еще более зримой. Да и как не поверить в золотую страну! Ведь, по словам солдат, которые клятвенно заверяли, что говорят чистую правду, Перу была именно такой страной. Вот как описывали очевидцы дивные сады верховного инки Атауальпы:

«В садах этих были высажены самые красивые деревья и самые замечательные цветы и благоухающие травы, которые только произрастали в этом королевстве. Многие из них были отлиты из золота и серебра, причем каждое растение изображалось не единожды, а от маленького, едва видного над землей побега до целого куста в полный его рост и совершенную зрелость. Там видели мы поля, усаженные маисом. Стебли его были из серебра, а початки из золота, и было все это изображено так правдиво, что можно было разглядеть листья, зерна и даже волосочки на них. В добавление к этим чудесам в садах инки находились всякого рода животные и звери, отлитые из золота и серебра, такие, как кролики, мыши, ящерицы, змеи, бабочки, лисы и дикие кошки. Нашли мы там и птиц, и сидели они на деревьях так, словно вот-вот собирались запеть, другие же будто покачивались на цветах и пили цветочный нектар.

И были там еще золотые косули и олени, пумы и ягуары, все животные и в малом, и в зрелом возрасте, и каждое из них занимало соответствующее место, как это и подобало его природе».

Великолепные сады были разграблены испанцами, а их хозяина — сына Солнца, великого владыку Атауальпу Франсиско Писарро взял в плен. Это случилось в ноябре 1532 г. Атауальпа пожелал выкупить свою свободу. Сначала великий инка предложил покрыть пол комнаты, что служила ему темницей, золотыми изделиями. Другими словами, это означало выстелить золотом площадь в 38 квадратных метров. У очевидцев этой сцены захватило дух от волнения. Инка воспринял молчание своих мучителей как знак недовольства. Тогда, поколебавшись, он добавил: «и высотой докуда достанет моя рука». К июню 1533 г. комнату заполнило столько сокровищ, что завоеватели потребовали их раздела; однако прежде драгоценные вазы, кубки и украшения были переплавлены в

слитки.

Выкуп весил 1 326 539 «золотых» песо или кастельяно. Другими словами, 6 тонн, или 375 пудов, золота! Это была царская добыча. Делались попытки исчислить эту сумму в современных денежных единицах. Так, известный американский историк XIX в. Вильям Прескотт полагал, что в 1847 г. кастельяно равнялось 11,6 американского доллара. Таким образом, он оценил выкуп Атауальпы в 15 миллионов долларов. Историк Чапмен, наш современник, считает, что из-за инфляции, которую пережил доллар за последнее столетие, во много раз выросла стоимость испанского песо времен Писарро. В наши дни его могли бы уравновесить только 100 долларов. В таком случае великий инка предложил испанцам за свою голову 150 млн. долларов. Как бы там ни было, но выкуп Атауальпы и по тем временам был огромным. А вскоре в Перу открыли богатейшие залежи серебра, поток драгоценных металлов хлынул в Испанию, золото в Европе катастрофически подешевело. Европейские цены потеряли всякий смысл на перуанских рынках. Это и понятно. Ведь один только Писарро получил 57 тысяч золотых песо, не считая массивного трона инки из сплошного золота. Его соратники-офицеры стали миллионерами. Доля рядовых участников равнялась состоянию европейских герцогов и графов. Если за десять золотых песо в Кастилии тех времен можно было купить несколько акров плодородной земли, в Перу это была цена клочка бумаги. Бутылка вина стоила там 60, плащ—100, хорошая лошадь — несколько тысяч песо. В игре испанцы не скупились на ставки. Далеко за пределами Перу разошлась история о солдате Серро де Легисано, который за одну ночь проиграл в кости солнечный диск из чистого золота, сорванный с алтаря священного храма Кориканча. Отсюда, говорят, пошла испанская пословица: «Проиграть солнце до рассвета».

Значит, Эльдорадо не соблазнительный миф, не пустая легенда, не лживая выдумка, а реальность. Истину эту твердо и бесповоротно усвоили и в Испании, и в заморских Индиях,

Ко времени, когда в Санта-Марте появился Педро де Луго со своим войском, слухи и россказни об Эльдорадо передавались из уст в уста. Где искать это Эльдорадо, толком никто не знал. Однако большинство испанцев связывало его с Перу. Немалую роль в распространении слухов сыграл Эрнандо Писарро, старший брат покорителя страны инков. Он взялся доставить королевскую пятину от выкупа Атауальпы испанскому двору. Вместе с Эрнандо на родину выехало около 60 солдат, разбогатевших на инкском золоте. Вся эта ватага толстосумов — недавних нищих и бродяг без роду и племени — проездом остановилась в Санто-Доминго. Слух о несметных богатствах Куско и Кахамарки уже дошел до Антильских островов. И хотя сподвижники Писарро путешествовали без огласки, нетрудно было догадаться, почему так тяжелы переметные сумы и сундуки, которые они везли с собой.

Аудиенсия[11] Санто-Доминго, обеспокоенная волнениями среди конкистадоров, в послании ко двору от 30 января 1534 г. с тревогой сообщала: «Сии новости, столь великие и славные о богатствах Перу, принесли нам немалые заботы. Как удержать на месте людей, что живут на острове и в окрестных провинциях, ведь все поголовно горят одним желанием — немедленно отправиться в Перу». Сохранился любопытный документ от 1534 г., в котором

[11] Королевская канцелярия, орган местного колониального управления с широкими судебными и административными полномочиями.

аудиенсия Санто-Доминго запрашивала у королевского двора разрешение на организацию многочисленной (400 человек) экспедиции в Эльдорадо. Это самое раннее письменное упоминание об Эльдорадо. Несомненно, что речь в нем шла о Перу. Сам поход по неизвестным причинам не состоялся. Однако попытки проникнуть в Перу по суше, с северных берегов Южной Америки, продолжались. Из соседнего с Санта-Мартой города Картахены 1 июня 1534 г. вышел отряд конкистадоров, который намеревался пройти в желанную страну, следуя рекой Магдаленой. Но река не пропустила завоевателей. Ту же попытку, и вновь безуспешно, повторил годом позже Алонсо де Эредиа.

Теперь становится понятно, почему и в Санта-Марте столько надежд связывалось с Перу. Страна инков возбуждала такой соблазн, что в 1535 г. городской совет с прискорбием доносил в Совет Индий: «Перу — это единственная приманка для усталых и отчаявшихся солдат; если и есть средство снять их с насиженного места — так это пообещать им поход в Перу».

А между тем дела в Санта-Марте шли все хуже и хуже. Дизентерия и лихорадка косили людей на проклятом берегу Карибского моря. Поход к истокам Магдалены, реки, которая зарождалась где-то далеко на юге, казался всем единственным спасением.

Старый губернатор не решился возглавить эту опасную экспедицию. Выбор его пал на Гонсало Хименеса де Кесаду. Нелегкий груз принял на свои плечи Кесада. Прежде всего предстояло избрать путь следования. Магдалена, река великих надежд, была строптива и коварна. «Корабли не могут войти в устье этой реки,— жаловался Гарсиа де Лерма,— потому что так велик напор ее вод, стекающих в море, что ни одно судно не в состоянии преодолеть его».

Низовья Магдалены нельзя было обойти и по суше. Дельта ее — это скопище озер, бесчисленных ручьев и протоков, между ними — зыбкая трясина. Места гиблые и для пешего, и для конного. Правда, пленные индейцы говорили, будто бы в сухое время года можно было преодолеть этот злополучный участок. Однако ни одному из европейцев не удавалось это сделать. Риск был слишком велик.

Пришлось искать обходные пути. В южных предгорьях Сьерры-Невады, куда изредка отваживались заходить испанцы в поисках золота, брали начало реки Сесар и Вальедупар. От индейцев стало известно, что реки эти, устремляясь на запад, впадали в Магдалену далеко выше устья. Значит, можно было миновать топкие болотистые низовья. Однако, избавившись от болот, завоеватели сталкивались с новыми трудностями — земля эта была неизведанна; идти в обход Магдалены значило в то же время обречь себя на голод и не рассчитывать на гостеприимство местных индейцев. «Да, труден и нелегок будет путь в Перу,— с тревогой думал Кесада.— Впрочем, путешествие, вероятно, будет недолгим».

Недолгим? Да, так казалось Кесаде потому, что он, как и многие другие его современники, разделял забавное географическое заблуждение: Санта-Марта и близлежащие земли считались тогда островом, подобным Эспаньоле или Ямайке. А остров — это не материк, его можно объехать, пересечь в любом направлении. Значит, и море Южное не так уж далеко от моря Северного (то есть Карибского)! Вот почему губернатор дон Педро напутствовал солдат, участников экспедиции, словами: «Мужайтесь! Изгибы горных цепей недолго вам будут докучать!»

Что же касается Эльдорадо, то оно внушало Кесаде основательные сомнения. Его мало привлекали соблазнительные слухи, и, будучи реалистом, он

прежде всего искал новый путь в Перу. Когда 30 лет спустя он будет добиваться у испанской короны дозволения на экспедицию «Эльдорадо», он напишет: «Экспедиция так названа мною не потому, что действительно существует Эльдорадо или другая страна с подобным же названием, а потому что есть в этих местах много равнин и есть надежда, и не малая, на то, что удастся тут найти «добрую землю» (buena tierra)».

Однако по иронии судьбы Кесада нашел отнюдь не то, что искал, а то, что не собирался искать. Он открыл путь в страну, которая увенчала его громким титулом «рыцаря Эльдорадо».

История пятая
РЕКА ВЕЛИКИХ НАДЕЖД И РАЗОЧАРОВАНИЙ

Я, дон Педро Фернандес де Луга, аделантадо Канарских островов и по воле Его Величества пожизненный губернатор Санта-Марты и всех окружающих ее провинций, назначаю моим генерал-капитаном лиценциата Кесаду. Назначаю его также предводителем как пехоты, так и конницы всей армии, которые готовы выступить в путь к истокам Великой реки Магдалены.
Из руководства губернатора Санта-Марты дона Педро

Еще недавно Гонсало Хименес де Кесада, наверное, не помышлял, как скоро ему придется сменить судейское перо на острую шпагу. Немало были удивлены его назначением и боевые капитаны, отточившие клинки на полях европейских сражений или в битвах с индейцами на Антильских островах и в Мексике.

Очевидно, старый губернатор хорошо представлял, сколь многотрудна предстоящая экспедиция, и не слишком полагался только на воинские доблести своего избранника: здесь требовались сила и ловкость ягуара, хитрость и изворотливость лисицы, мудрость змеи и осторожность оленя.

Нелегкие задачи стояли перед Кесадой. Об этом свидетельствует документ, составленный доном Педро в канун отправления войска.

«Руководство и наставление о том, что надлежит делать генералу, отправляющемуся в поход по Великой реке по воле Нашего Господа и по приказу аделантадо, его сеньора, согласно каковому он должен управлять, вершить суд и исполнять то, что содержится в руководстве:

— Перво-наперво, вступив на незнаемую землю, вы обязаны споспешествовать мирным сношениям с ее жителями; хорошо обходитесь с индейцами, дайте им понять через толмачей, что, дескать, пришел я в ваши земли с миром для всех тех, кто желает быть слугами и вассалами Его Величества; твердите им об этом неоднократно, дабы сие они усвоили на веки вечные.

— А буде отнесутся они к вам с миром, выпросите у них золота столько, сколько можно получить в этих селениях и у этих народов, поведайте им о своих нуждах, о еде для христиан и прочих заботах.

— Испрашивая у них золото, не причиняйте им насилия или другого вреда, делайте это так, чтобы, доставив все необходимое вам, эти люди оставались веселыми и довольными, дабы и впредь они верны были бы миру и вновь могли бы отдавать оное злато.

— Но буде они окажут отпор христианам, объявите им войну, уничтожайте

их огнем и мечом или как вам заблагорассудится.

— Любую золотую вещь, каковую удастся раздобыть, надлежит показать инспектору и лиценциату Хименесу де Кесаде, генерал-капитану; все золото и низкой и высокой пробы да будет взвешено по отдельности, и пусть инспектор так же, как и генерал, заведет книгу учета, ибо обе книги будут приниматься в расчет; все собранное золото должно храниться у генерала.

— Приказываю также, чтобы добыча делилась между участниками таким образом: мне как губернатору и генерал-капитану — десять частей от наибольшей кучи до того, как из нее отберут все, чтобы покрыть налоги; мой заместитель имеет право на пять частей и каждый капитан — на четыре, аркебузиры и арбалетчики — на полторы, щитники — на одну, а всадники —на две части. Приказываю также, чтобы знаменосец, коего я посылаю с моим генералом, получил бы три доли, а мой секретарь Сурита — две доли. На прочих же участников похода не распространяются ни привилегии, ни право присваивать украшения.

— Сим приказом назначаю моим заместителем и генерал-капитаном лиценциата Хименеса де Кесаду, его брата Эрнана — старшим альгвасилоя [надзирателем]; в случае смерти Хименеса его будет замещать капитан Хуан де Хунко, а по смерти последнего — капитан Гонсало Суарес Рендон.

— Повелеваю капитанам, конникам и всем другим солдатам выполнять волю Хименеса де Кесады и слушаться его во всем; тот же, кто будет виновен в противном, заплатит за непокорство своей жизнью и потерей всего состояния.

Дано в Санта-Марте первого апреля 1536 г. Аделантадо Дон Педро Фернандес де Луго».

Каждая строка этого наставления дышит лицемерием, цинизмом и неприкрытой жаждой наживы. И хотя, кажется, трудности неизведанного пути должны были бы уравнивать участников похода, их доли в добыче были скрупулезно расписаны задолго до того, как они тронулись с места.

Престарелый дон Педро возлагал большие надежды на свою долю трофеев. Позорное бегство сына в Испанию чуть не свела старика в могилу. Тяжелая болезнь надолго приковала губернатора к постели. Да и как не закручиниться, ведь тайком уведенный сыном корабль был гружен не только индейским золотом. Кое-что Алонсо забрал и из окованного медью сундучка, где отец хранил фамильные драгоценности. На последние оставшиеся сбережения дон Педро снарядил несколько бригантин и одну фусту — легкое гребное судно, способное поднять до восемнадцати человек. А сколько средств понадобилось, чтобы вооружить многочисленную пехоту! Чего стоило раздобыть порох — он был дороже самого золота, и экономить его было приказано с первых дней пути. Экспедиция на Магдалену была последним козырем неудачливого дона Педро.

Давно не видела забытая Санта-Марта столь торжественного зрелища. Стоял знойный день — 5 апреля 1536 г. Вдоль берега в боевом порядке выстроилось войско Кесады. Как уверяют очевидцы, в нем было более 600 пехотинцев, разбитых на восемь отрядов. Кто с аркебузами и арбалетами, кто с пиками и копьями, а кто с боевыми топорами и щитами — с надеждой смотрели солдаты на гарцевавшего перед ними Кесаду. Вот он подскакал к отряду конников. Конники — их насчитывалось 70 человек — были его гордостью. Многие вели за собой сменных лошадей: так, у одного Кесады их было девять. И хотя невелико было число всадников, а в грядущих боях им отводилась главная

роль. По опыту конкисты испанцы знали, что одна лошадь стоит пяти человек — такой панический страх наводили кони на индейских воинов.

Не была забыта и «пища духовная». Заботам монахов-доминиканцев Доминго де лас Касаса и Антонио Лескано вверялись души этой многочисленной и отнюдь не мирно настроенной паствы. Да и сами «святые отцы» называли себя не иначе как «воинами во Христе» — ведь недаром меч и крест были символами эпохи завоевания.

И наконец, не обошлось без такого всенепременного участника, как «тесореро», другими словами — казначея, того самого недремлющего ока, что неукоснительно следило за разделом добычи, а пуще всего за «соблюдением королевской кинты». За войском следовала вереница индейцев. Не солдатам, а именно им надлежало перенести на своих плечах весь запасной груз.

По плану пехота и конница должны были проникнуть на берега Магдалены обходным путем по суше. Войти в Магдалену с моря предстояло морскому отряду. На рейде слегка покачивались на волнах пять бригантин и одна фуста. На них разместилось 200 моряков. Поднимаясь вверх по течению, моряки обязаны были снабжать шедших по берегу провизией, помогать ИМ при переходе полноводных стремительных притоков Магдалены, перевозить больных и раненых, обследовать труднопроходимые берега. Разрабатывая маршрут экспедиции, предусмотрительный Кесада учел все, что удалось разузнать конкистадорам об этих краях за три прошедших десятилетия.

Жители Санта-Марты, хотя и невелико было их число, сбежались на проводы экспедиции. Казалось, все обещало только удачу. Вид многочисленного воинства внушал самые радужные надежды. Благом было даже и то, что постылая Санта-Марта оставалась позади.

Вот отслужена торжественная месса, звучат последние напутствия — дон Педро желает легкого пути, скорого возвращения и богатой добычи участникам похода. С бригантин губернатору салютуют две чудом сохранившиеся пушчонки. Кесада, верхом на боевом коне, приказывает трогаться в путь.

Морскому и пешему отрядам предстояло самостоятельно проделать первую часть пути. Встреча была назначена близ индейского селения Тамаламеке, что стоит в 150 лигах выше устья Магдалены. Морякам легко — путь им указывает сама река. Куда хуже пехотинцам и конникам — ни Кесада, ни старые ветераны капитаны Сан-Мартин и Хуан де Сеспедес не знали этих мест и не заходили в глубь страны далее земли воинственных индейцев чимила. Путь через их владения был отвергнут с самого начала .

Итак, 5 апреля 1536 г. огромный караван людей потянулся на восток от Санта-Марты вдоль побережья Карибского моря. По правую руку виднелись затянутые синеватой дымкой вершины Сьерры-Невады. Ближайшая цель — селение Рамада, что лежит на границе с провинцией Венесуэла.

Каменистый пустынный берег враждебно встретил солдат Кесады. Раскаленный воздух, потрескавшаяся от зноя земля, . томительная жара и ни капли воды. На каждом шагу засады. Индейцы нападали внезапно и так же внезапно и бесследно исчезали. После одной из стычек капитан Хуан де Ривера снял с себя и с попоны, покрывавшей его коня, две сотни стрел.

После Рамады испанцы круто повернули на юг. Неприступная Сьерра-Невада по-прежнему возвышалась справа. Вскоре индейский проводник вывел испанцев к истокам реки Сесар.

6 мая 1536 г. испанцы вошли в селение индейцев чиригуана. Здесь люди передохнули, пополнили припасы и выманили у хозяев (по точным реестрам книги учета) золотых изделий на 21 песо и 10 томинов — сумму ничтожную. Впрочем, Кесада утешал себя тем, что добыл сведения о дальнейшем маршруте. Теперь он твердо знал — надо идти на запад, по течению реки Сесар.

Позади четыре недели мучительного пути, позади первый круг ада. И сразу же начался второй.

В новых местах все было иначе — как в другой стране: царство бесчисленных ручейков и речек, озер и топей, крики неведомых птиц, рев диких зверей, тяжелый, гнетущий запах затопленного леса. Ни клочка твердой земли под ногами.

Нелегко было добраться сюда с побережья, но продвигаться вдоль реки оказалось еще более мучительным. И тогда (впрочем,так же, как и теперь) берега реки Сесар представляли собой дремучие, непролазные леса, перевитые лианами, заваленные буреломом. Это была подлинная сельва, сельва дикая и враждебная.

Но Кесада не сдавался. Да у него и не было другого выхода. Чрезвычайная обстановка требовала чрезвычайных решений. Кесада лично отобрал самых сильных и выносливых солдат. Вооружившись секачами и тяжелыми ножами — мачете, они вышли вперед и начали прорубаться сквозь береговые заросли. Временами Кесада сам присоединялся к мачетерос, вдохновляя их личным примером.

Если раньше людей угнетали жара и жажда, то теперь воды было слишком много. Она пропитывала, казалось, все — землю под ногами и небо над головой. Удушливый влажный воздух разъедал одежду, проникал в легкие. Появились первые больные — они желтели, бредили, их тело сотрясала омерзительная дрожь. Это была тропическая лихорадка, враг беспощадный. И никто не знал, как с этим врагом бороться.

А бурные протоки, кишевшие кайманами! Их приходилось преодолевать вплавь. Иногда наводили временные висячие мосты. За сутки порой проходили всего лишь короткую испанскую лигу.

Генерал Кесада и его войско стоически выдержали трудности. 26 июля 1536 г. они вышли на правый берег Великой реки, к назначенному месту встречи — селению Тамаламеке (правильнее — Тамараме, что значит «пальмовое селение»).

Однако радость сменилась вскоре удивлением, затем легким беспокойством и, наконец, сильной тревогой. Бригантин не было. Предпринятые по приказу Кесады розыски ничего утешительного не дали. Река была пустынна. Огромное войско расположилось на берегу, снедаемое муками голода. В довершение всего начались тропические ливни. Сладкие видения богатой добычи таяли как дым. Мрачные и раздраженные солдаты бесцельно бродили по лагерю. К этому времени погибло уже 200 человек. Кесада терялся в догадках. Что это — измена, несчастье, катастрофа?

Только к концу второго месяца томительного ожидания вдали показались долгожданные паруса. Каково же было разочарование Кесады, когда он узнал от вновь прибывших о гибели кораблей. Много удивительного рассказал надменный, с хитроватым прищуром глаз незнакомец Хуан Гальегос — капитан новой флотилии.

Нет, не зря опасались испанцы коварной Магдалены. Эта строптивая река не захотела пропустить непрошеных гостей. Дело обстояло так. Через несколько

дней после выхода Кесады из Санта-Марты собрались в путь и моряки. В селении Унхаке, в восьми лигах от устья Магдалены, были завершены последние приготовления. Когда все разместились по кораблям, капитан Диего де Урбина дал знак к отправлению. Поплыли вдоль берега на запад. Море спокойно плескалось у бортов кораблей. Уже показались низкие, полузатопленные, густо заросшие берега устья, как вдруг налетел яростный шторм.

Стремительные желто-бурые воды Магдалены мгновенно рассеяли испанскую эскадру. Река на своем пути с корнем выворачивала гигантские деревья, подмывала берега, с бешеной скоростью выносила далеко в море истерзанные лесины, все сметая на своем пути. И в наши дни крупные речные суда с трудом форсируют устье Магдалены. Быстрое течение крутит их, как соломинки, прижимает к берегу, словно это легкие индейские каноэ. Не мудрено, что четыре столетия назад преодолеть эту дьявольскую горловину было делом куда ,более рискованным.

Шквальный ветер подхватил бригантины, пронес их мимо острова Саламанки, что подобно брошенному поперек течения огромному камню закрывал устье реки, и увлек их далеко на запад. Утлые испанские суденышки быстро потеряли друг друга из виду. Первой затонула фуста, затем еще три корабля. Все драгоценное снаряжение пошло ко дну. Немногим удалось выбраться на берег, да и те угодили прямо под индейские стрелы. Оставшиеся в живых пешком добрались до Картахены, давней соперницы Санта-Марты. Здесь же нашли убежище и команды двух других бригантин, которые пощадил шторм.

Один из потерпевших, капитан Кардосо, с трудом нашел трех человек, которые согласились вместе с ним отправиться в Санта-Марту, чтобы рассказать там о трагическом происшествии. Остальные наотрез отказались возвращаться. Среди них был и главный капитан флотилии Диего де Урбина. Крайне разочарованный неудачным началом экспедиции, он подговорил еще нескольких капитанов и вместе с ними сбежал в Панаму. Пройдя через перешеек, они отправились в Перу искать свое конкистадорское счастье.

Пришлось тяжелобольному Педро де Луго сделать еще одно усилие и направить нарочного в Санто-Доминго за новыми судами. Под командой нового капитана Хуана Гальегоса они отправились вскоре в Картахену, чтобы забрать там остатки экипажа. Испанцы вновь пустились на штурм непокорной Магдалены. С «превеликим трудом», как пишут хронисты, удалось наконец преодолеть сопротивление ее вод и двинуться против течения. Судам предстояло пройти около 150 лиг до встречи с отрядом Хименеса Кесады. Произошла эта встреча в сентябре 1536 г. Минуло пять месяцев с начала похода, а испанцы все еще блуждали в низовьях Магдалены.

Тем не менее Кесада не терял присутствия духа. Хотя и не сулила успеха экспедиция, начавшаяся столь прискорбно, ему удалось договориться с вновь прибывшими о равноправном дележе будущей добычи. Велика же магическая сила клятв и посулов — солдаты и впрямь приободрились. Они верили своему генералу.

Новый член экспедиции Хуан Гальегос, бывалый моряк и опытный конкистадор, прежде доставлял грузы из Санто-Доминго в Санта-Марту. Он быстро смекнул, что ему представляется возможность заняться более счастливым промыслом.

При виде толпы изрядно потрепанных, голодных испанцев делец и

коммерсант Гальегос сразу же оценил выгоды своего положения. Его мало тревожили страдания ближних. «У меня быстрая, крепкая бригантина, куда захочу, туда и отправлюсь; в трюмах полно продовольствия, есть и лекарства, немало и одежды, найдется чем торговать, есть и кому продавать»,— рассуждал он. И вскоре начался беззастенчивый торг. Продвигаясь вверх по реке, следуя вдоль обоих берегов Магдалены, Гальегос добывал маис у индейцев и вместе с другими товарами сбывал его своим голодавшим товарищам на суше по баснословным ценам. Сохранились документы, со всей очевидностью изобличающие сего «благородного рыцаря», которому безразлично было, с кого драть три шкуры: с индейца или с попавшего -в беду соотечественника.

Разумеется, поведение Гальегоса было не по душе Кесаде, но приходилось закрывать глаза на многое. Уходило драгоценное время, таяли терпение людей, вера в успех предприятия. А надо было идти дальше, на юг, идти во что бы то ни стало.

Наконец оба отряда двинулись вверх по реке. Первое время проводниками служили испанцы, которые осели здесь среди местных индейцев лет за пять до Кесады. Это были солдаты, отставшие от экспедиции немецкого конкистадора Альфингера. Однако вскоре проводники потеряли направление и завели сухопутный отряд в глухие дебри, где он и проплутал целых 12 дней. С большими потерями испанцам удалось вновь выбраться на Магдалену.

Как быть дальше? Правый и левый берега реки — дикие, непроходимые заросли. Проводников не было, так же, впрочем, как и карт. Даже небо над головой выглядело непривычным. Н хотя небосклон усеяли яркие звездные россыпи, эти чужие звезды не были путеводными для людей из северных стран. Однако выбора не оставалось. Совет капитанов принял решение продолжить путь по левому берегу реки.

Хименес Кесада обратился к войску с таким напутствием: «Сеньоры! Если я и испытываю печаль, то причина тому смерть и гибель многих наших товарищей. Но печаль моя не сродни отчаянию, она как бы часть нашего естества. Всем нам ведомо — коли отправляешься в поход за тридевять земель, готовься шагать в ногу со смертью. Таков суровый закон войны... То, что двое наших людей предали нас,— я имею в виду дона Диего де Урбину и дона Диего де Кордову,— меня не беспокоит. Напротив — их поступок мне кажется благом: ведь теперь мы знаем, что это были за рыцари. Если корабль гибнет в бурю, то разве сдается на милость морю его команда? Если стрелок бьет мимо цели — разве отбрасывает он арбалет в сторону?

Было бы позором для нас вернуться ни с чем. Вот почему я приказываю всем выйти в путь с первым проблеском зари, ибо намерен я отправиться дальше».

И таков был авторитет этого человека, что, выслушав его, солдаты обрели второе дыхание. Всю ночь в лагере шли спешные приготовления. Больных погрузили на корабли, отряд мачетерос вновь возглавил колонну, которая должна была передвигаться по суше.

И снова зеленый ад, имя которому тропическая сельва. Через болота и топи пробирались люди, через порожистые реки и овраги, по совершенно безлюдным местам. Наступил сезон паводков— время тропической зимы. С неба изливался истинный потоп. Нельзя было ни разжечь костра, ни согреться, ни просушить промокшую одежду. Москиты и муравьи донимали и людей, и лошадей. Ночами

летучие мыши-вампиры, неслышно обмахивая крыльями свои жертвы, высасывали столько крови, что ничего не подозревавшие люди вставали утром совсем без сил. Чтобы спастись от диких зверей и змей, гамаки на время сна подвешивали к ветвям деревьев.

Но и эта предосторожность не всегда помогала. Так, в одну из темных сентябрьских ночей исчез из своего гамака солдат Хуан Серрано. Утром нашли окровавленные обрывки его последнего ложа. Сомнений не было: в лагере побывал ягуар. Реку, на берегу которой испанцы разбили бивак, так и назвали именем несчастного солдата — Серрано; ее и сейчас можно найти на карте Колумбии.

Мучительно было само продвижение вперед... Узкую просеку, которую мачетерос вырубали за неделю, отряд проходил за день.

К этому времени погибли почти все индейцы-носильщики. Они не выдержали тягот пути. Испанцам приходилось весь груз тащить на себе. Лошадей берегли, старались их не нагружать. Но пожалуй, горше всех бед был голод. Участник экспедиции Хуан Мальдонадо впоследствии писал: «На этом пути и во время этого открытия пуще всех трудностей и опасностей одолевал нас голод да так сильно, что ели мы лошадей, которых вели с собой, в пищу шло необычное и невиданное — ядовитые корни и травы, ящерицы, змеи, летучие мыши, лягушки и прочие подобные же твари».

Голод косил людей, и они принялись тайком поедать своих боевых коней. Кесада заметил — неладно с лошадьми: здоровые, сытые, они куда-то таинственно и бесследно исчезают. Солдаты во всем обвиняли ягуаров и кайманов. Смутные догадки Кесады вскоре подтвердились — он почувствовал запах жареного мяса у одного из ночных костров. Кесада сейчас же отдал строжайший приказ: всех мертвых лошадей немедленно бросать в реку! Это остановило голодных людей — едва ли был смысл убивать лошадь, чтобы накормить ею кайманов.

Голод донимал все больше и больше, люди впадали в отчаяние, дух угасал, взаимопомощь и поддержка случались все реже. Все чаще кто-либо из солдат просил у капеллана Лескано отпущения грехов, а затем скрывался в чаще умирать в одиночку. Павших замертво на тропе уже не хоронили. На это не было ни времени, ни сил. Труп прикрывали листьями и уходили прочь.

Кесада вместе со всеми разделял тяготы пути. Но и в этом аду сила воли не изменила ему. Своей решимостью он заражал людей и, чтобы поддержать дисциплину, шел на крайние меры. Когда один из конников вопреки строгому запрещению убил свою лошадь, чтобы утолить жестокий голод, генерал приказал казнить несчастного на месте. Приговор был приведен в исполнение. Никто ни словом, ни жестом не выразил протеста.

Через несколько дней головная группа получила необычный сигнал с одной из бригантин. Выяснилось, что впередсмотрящий увидел в лучах заходящего солнца нечто похожее на город. Известие всех встревожило. И хотя близились густые тропические сумерки, Кесада и три доверенных капитана решили лично убедиться, правдиво ли это сообщение. На трех легких каноэ испанцы плыли всю ночь. На рассвете лодка очутилась на расстоянии выстрела из лука до «города». Более 30 индейских домов, высоко вознесенных на красноватом утесе,— вот, собственно, и весь город! Одолев крутой подъем, испанцы осторожно вошли в селение — оно оказалось покинутым. Очевидно, местные жители, заметив подходящие корабли, скрылись в окрестной чаще.

Но вот удача! В домах, амбарах, на полях вокруг селения Кесада и его люди нашли то, что для изголодавшихся солдат было в те минуты дороже всего золота Индий — спелые початки маиса. Но это еще не все. Цветастые тонкотканые плащи из хлопка удивили и обрадовали их. Ведь до сих пор им приходилось встречаться с индейцами, которые ходили нагишом.

Примечательно было и расположение самого селения. Оно находилось в месте слияния четырех рек. Сначала испанцы назвали местечко «Селением четырех протоков», а затем стали, так же как и местные индейцы, называть его Тора. Теперь это город Барранкабермеха, что значит «рыжий овраг».

Находилась Тора в 180 лигах от устья Магдалены и в 250 лигах от города Санта-Марты. Таков был итог восьми месяце» тяжелых странствий. Все это время Кесада и его солдаты скорее были первооткрывателями и первопроходцами неведомой земли, чем завоевателями.

Три долгих зимних месяца, до декабря 1536 г., провели испанцы в Торе. За первые недели они отдохнули и отъелись. Однако вскоре выяснилось, что голод снова стоит на пороге их временного пристанища. Люди умирали друг за другом, и тела их в сумерках сбрасывали с обрыва в реку. Быть может, у живых не было силы предать земле своих погибших товарищей, а может, Кесада хотел скрыть от своих спутников ужасающие потери. Солдаты настолько ослабли, что генерал запретил им приближаться к воде: несколько раз кайманы утаскивали людей прямо с берега. За водой ходили с ведрами, нацепленными на длинные багры.

В поисках выхода Кесада отправил бригантину капитана Гальегоса разведать места вверх по течению реки. Три недели с нетерпением ждали его возвращения. Однако поиски ничего утешительного не дали — все та же сельва, дикая, ненаселенная, непроходимая. В пути погибло несколько моряков. Над испанским лагерем нависла недобрая, поистине гробовая тишина.

Именно тогда Кесада проклял коварную Магдалену, которая неумолимо вела их к гибели. Теперь всем было ясно — идти к истокам Великой реки все равно что искать встречи со смертью. Надо было решительно менять старые планы, менять направление.

Бог с ним, с этим Перу. Хотя и досадно, а хозяйничать там, видно, удачливым братьям Писарро. Найти хотя бы мало-мальски пригодную для христиан землю, которая не дышала бы ядом терпких испарений и не истребляла бы в них всякое желание двигаться и вообще существовать.

Однако куда идти? По каким следам? «А что, если нашим ориентиром станет соль? — неуверенно и еще как-то неясно подумал Кесада.— Да-да, соль, обыкновенная и в то же время необыкновенная!»

Он уже давно заметил, что морская соль в зернах — а она так часто попадалась у индейцев низовьев — по мере продвижения на юг встречалась все реже. Постепенно ее становилось все меньше, стоила она все дороже, и лакомились ею исключительно индейские вожди и их родственники. Простые же индейцы обходились солью, добытой из человеческой мочи, или растертыми в порошок пальмовыми листьями.

Вскоре стала попадаться совсем другая соль—плотная каменистая масса, ярко отливающая на солнце. И форма у нее занятная — ни дать ни взять головки сахара, что продаются на испанских рынках!

«Чем выше мы поднимаемся по реке,— размышлял Кесада,— тем, очевидно, ближе становимся к источнику этой удивительно белой по цвету и

приятной на вкус соли». Догадку подтвердили и пленные индейцы. Они рассказали, что соль эта приходит к ним издалека: ее добывают индейцы, что живут высоко в горах. При этом они указывали в сторону горного массива, который величественно поднимался в глубине правого берега Магдалены.

Но как к нему подступиться? Дорогу к горам преграждали непроходимые, заросшие сельвой топи. Эта гиблая, источавшая дурные испарения земля, казалось, стерегла тайны, скрытые за далекой горной грядой.

Кстати, и Гальегос высказал любопытную мысль. Возвращаясь из своей неудачной разведки, он миновал устье Опона — воды этой реки вливались в Магдалену напротив лагеря испанцев. И показалось капитану, что течение реки очень быстро, слишком бурно соединялась она с Магдаленой — уж не в горах ли лежат ее истоки? А что, если действительно их спасение там, в горах, где начинает свой бег эта маленькая речушка? И Кесада решает отправить двух надежных и самых отчаянных своих капитанов, двух Хуанов — Сан-Мартина и Сеспедеса в лодках вверх по реке. Однако он не успел отдать приказа.

Ему помешал бунт. Впервые за долгие месяцы пути его окружила не почтительная, а яростно негодующая и раздраженная толпа. Страшно было смотреть на эти изнуренные лица, обезображенные руки и ноги, прикрытые жалкими лохмотьями. Вперед выступил капитан Сан-Мартин, правая рука Кесады, его надежда и опора. «Сеньор генерал! — сказал он спокойно и твердо.— Слова мои необычны — виною тому чрезвычайные обстоятельства. Взгляните на этих людей. А ведь недавно это были смелые солдаты и моряки, и они с первого дня похода беспрекословно подчинялись вам. Мы все присутствующие здесь — смертники. Так будем же откровенны перед лицом близкого смертного часа. Погибла большая половина людей. Нас преследуют голод и неудачи. Все запасы исчерпаны. Нет проводников, да и куда идти — неизвестно! Мы пали духом и больше не верим в благополучный исход похода. Генерал, солдаты требуют вернуться. Сейчас же, немедленно в низовья реки, в провинцию Тамаламеке, где по крайней мере есть индейцы и маисовые поля. Оттуда можно просить помощи из Санта-Марты.

Бригантины уже не помощники нам, а скорее обуза. Магдалена словно взбунтовалась — напор вод ее так велик, что корабли не могут подниматься вверх. Я кончаю, генерал. Или мы возвращаемся, или гибнем все до единого. Другого не дано. Свидетель тому Иисус, господь наш!»

Здесь-то и проявились во всей силе железная воля и характер Кесады. Недаром впоследствии его назовут «рыцарем Эльдорадо»! Он пошел один против течения и наотрез отказался отступать. Убеждал Кесада ясно и спокойно. «Друзья мои, мои верные солдаты! Пусть голос разума пробьется к вашим сердцам. Наши корабли слишком малы, чтобы вместить всех оставшихся, а путь по берегу, даже и назад, также губителен. Вы знаете, губернатор Педро де Луго истратил на нас все до последнего мараведи. Так не будет ли наше бесславное возвращение предательством?

Наше спасение — путь вперед. Есть признаки того, что обильная земля близка — тому доказательство расписные плащи и отменная соль. Их не могут изготовлять невежественные дикари. Вперед! Не то более дерзостные и безбоязненные открыватели пожнут плоды наших усилий и страданий!»

Объявив своим врагом каждого, кто впредь проявит малодушие, Кесада так, как будто речь шла об обычном деле, приказал отправить три лодки к берегам

Опона. И снова, как случалось и раньше, солдаты беспрекословно подчинились.

Разведка Опона была последним шансом непоколебимого Кесады. И надо было случиться так, что уже на второй день пути разведчикам повезло: они заметили лодку с индейцами, которые, увидев европейцев, бросились в воду и скрылись в чаще на берегу. В лодке лежали связки расписных плащей и — о радость! — тяжелые слитки бедой соли, аккуратно завернутые в банановые листья.

Пристав к берегу, испанцы обнаружили два дома. Каково же было их удивление, когда и там они нашли огромные кувшины с оседающим соляным раствором. От домов к берегу вела дорога. Но испанцам не удалось осмотреться более тщательно. Неожиданно послышались громкие воинственные крики и хорошо знакомый посвист летящих стрел. Начался бой, в котором пришельцы победили. После беспокойной ночи лодки вернулись в испанский лагерь. В индейских плащах, с яркими плюмажа-, ми на голове и с пленным — главной своей добычей разведчики выгрузились на берег.

Наконец-то Кесада напал на верный след. 28 декабря 1536г. экспедиция Кесады двинулась вверх по течению Опона к его многообещающим истокам. Вскоре Опон стал несудоходен — бригантины шли уже не под парусами, а на веслах, кое-где и на шестах. К этому времени Гальегос решил отделиться от Кесады. Что там ни говори, а генерал был сильным человеком, соперничество с ним утомило практичного Гальегоса.

«У нас,— говорил он,— тридцать пять раненых. Им не под силу будет поход, не лучше ли оставить их здесь, на бригантинах. Я позабочусь о больных. А в случае чего мы всегда можем прийти на помощь авангарду!» Кесаде доводы тайного соперника показались разумными. Теперь его отряд насчитывал 170 человек да 60 тощих лошадей — вот все, что осталось от многочисленного когда-то войска. За десять месяцев похода оно сократилось в пять раз.

Однако предприимчивый Гальегос и не думал заниматься больными. Не успели Кесада и его люди скрыться из виду, как он приказал готовить бригантины в путь. И вот его корабли уже шли вниз по Магдалене. Немало набегов на прибрежные селения совершил Гальегос, пока добрался до низовьев реки. Индейцы, возмущенные наглыми притязаниями конкистадоров, повсюду оказывали им дружный отпор. Для многих испанцев это плавание оказалось последним в жизни, более счастливые получили тяжелые и легкие ранения. Сам Гальегос был отмечен индейской «наградой»: в одной из стычек он потерял левый глаз. В последних числах апреля 1537 г. остатки его отряда выбрались наконец на побережье Карибского моря. Гальегос поспешил в Санта-Марту и принялся выклянчивать у местных властей награду за несовершенные подвиги.

А Санта-Марта между тем продолжала хиреть и зарастать травой. Престарелого Педро де Луго уже не было в живых: он умер вскоре после отправления экспедиции Кесады, не дождавшись ни золота, ни драгоценных камней. 4 мая 1537 г. почти одновременно с Гальегосом сюда прибыл новый губернатор Херонимо Леброн. Узнав о судьбе Кесады, он стал собирать подкрепление. Однако прошли долгие месяцы, прежде чем четыре корабля устремились по Магдалене вдогонку за Кесадой. К тому же вероломная Магдалена сыграла с ними жестокую шутку. Впустив суда в свое устье, она тотчас устроила им западню. В январе 1538 г. корабли Леброна оказались в водах одного из левых ее притоков — реки Сан-Хорхе, которую они и приняли за Магдалену.

Не удивительно, что испанцы не нашли там никаких следов экспедиции, сколько ни искали. И вскоре Санта-Марта забыла про Кесаду.

А он тем временем с огромным трудом преодолевал почти отвесные предгорья Кордильер. Особенно много хлопот доставляли лошади. И хотя теперь конечная цель была близка, так по крайней мере уверял проводник-индеец, каждый шаг дорого обходился солдатам Кесады. Как и прежде, звери и голод следовали по пятам. Дневная порция составляла 40 зерен маиса. Были съедены все кожаные изделия — седла, нагрудники, попоны. Лишь лошадей не трогали под страхом смерти. Приступ жестокой лихорадки свалил генерала — его несли на носилках. И вот в конце января 1537 г. испанцы вышли на обширное плоскогорье, в местность, где ныне стоит город Белее. Открывшаяся глазам панорама восхитила и приободрила их.

«166 христиан, изнуренных, оборванных, подлинных скелетов,— как утверждает очевидец событий, бравый солдат, а впоследствии хронист Хуан Кастельянос,— увидели перед собой просторные долины, многочисленные селения, легкие дымки очагов и ниточки дорог. «Благословенная земля, счастливая земля! Конец наших страданий»,— кричали ликующие солдаты. Даже всегда сдержанный и хладнокровный Кесада с волнением обнял своего брата: «Так вот она — страна соли!»

История шестая
ВОТ ОНА —СТРАНА СОЛИ!

Хорошая земля, хорошая земля: Конец наших мучений, Земля золота, земля довольства, Земля постоянного дома, Земля обильной еды, Больших селений и просторов, И жители ее ходят одетыми!
Хуан Кастельянос. Элегии о знаменитых мужах Индий. Мадрид, 1748

2 марта 1537 г. после месячного отдыха испанцы двинулись - в поход по долинам Восточных Кордильер. В первом же селении они собрали 1173 песо чистейшего золота. Было от чего воспрять духом. Правда, жители встретили пришельцев неистовыми боевыми кликами, намерения у них были явно воинственные. Селение так и назвали — «Ла грита» — «Клич». Однако этими воинственными возгласами дело и ограничилось: индейцы не посмели приблизиться к испанцам, что немало удивило последних.

Впрочем, здесь все было удивительным: и непонятная, с обилием шипящих звуков речь туземцев, и изящная манера носить плащи. Отсюда начинался новый мир. Таинственный, враждебный, непостижимый.

По всему было видно, что индейцы не только искусные ювелиры. Они строили красивые дома, ткали белоснежные плащи, и, уж конечно, у них водились и пряности. Одним словом, здесь было чем поживиться. Однако овладеть этой густонаселенной землей дело нелегкое — это понимали все.

И генерал Кесада собрал своих людей, чтобы преподать им основы «науки завоевания». Бывший адвокат был красноречив, как никогда.

«Сеньоры! Мы пришли в благодатную населенную страну. Пусть же никто из вас не совершит насилия над местными жителями. Доверимся богу, и рука

наша будет легка и искусна. Таким путем мы завоюем любовь всех, кого господь пошлет нам навстречу». Кесада помолчал, дабы слушатели прочувствовали его слова. «И помните, друзья, перед вами такие же люди, как и вы, только, может быть, не столь смышленые. Ведь каждый хочет, чтобы с ним обращались уважительно. Этого же желают и местные индейцы. Не будем же просить у них того, чего им не захочется отдавать. В награду за это мы получим все, что пожелаем. Не забывайте, что земля, на которой мы стоим, принадлежит индейцам по естественному и божественному праву. Они оказывают нам любезность, принимая нас, и ничего нам не должны!»

Поистине поразительна была речь Кесады, столь поразительна, что ее, пожалуй, следовало бы записать золотыми буквами на каменных скрижалях при «въезде» в Новый Свет. Это были благородные и возвышенные слова истинного гуманиста. И сказаны они были в век, когда травить индейцев, как зверей, и обращать их в рабство считалось и хорошим тоном, и почетным долгом одновременно. Несомненно, Кесада был на голову выше своих знаменитых современников — Писарро, Кортеса и других. Но истины ради отметим, что конкистадор, даже если у него сердце гуманиста, все-таки оставался конкистадором. Ведь и Кесада возлюбил ближнего своего, то есть индейца, не бескорыстно. Эту «неземную любовь» индейцы должны были оплатить весьма земными знаками благодарности — золотом и драгоценными камнями!

В день, когда испанские солдаты внимали советам своего генерала, они еще не подозревали, какой чудодейственной силой обладают. В этом они убедились очень скоро, как только двинулись на юг.

Вот что написал о впечатлениях первых дней уже знакомый нам Хуан Кастельянос. «Удивление и ужас индейцев при виде испанских всадников были столь велики, что они замирали как бы пораженные громом. Странное оцепенение сковывало их — индейцы не в состоянии были ни двинуться с места, ни побежать, язык их немел. Закрыв лицо руками, они бросались на землю. И сколь ни увещевали мы их, сколь ни грозили им, пиная и толкая их при этом, индейцы, казалось, предпочитали смерть столь кошмарному видению». Так на собственном опыте участники экспедиции Кесады удостоверились, сколь могучим, поистине чудесным союзником в их деле были обычные лошади. Как хорошо, что они не съели их. И как прав был генерал, когда во время скитаний по Магдалене упорно боролся за жизнь лошадей.

Впрочем, не преувеличил ли Кастельянос? Нисколько. Конкистадор Робледо, действовавший много западнее, в долине реки Каука, почти повторяет Кастельяноса: «При виде нас туземцы душили себя собственными юбками и плащами. Когда мы, пытаясь спасти индейцев, обрезали сии самодельные веревки, они знаками давали понять, что лица, жесты, весь внешний вид христиан внушал им непреодолимое отвращение к жизни. И было оно так велико, что индейцы предпочитали умереть, лишь бы не видеть нас».

Вскоре после первого же знакомства с нравами обитателей Нового Света испанцы поняли, что в тропиках им ни к чему стальные латы и шлемы. Сталь раскалялась на солнце и не спасала от отравленных стрел. И тогда на вооружение были взяты воинские доспехи самих индейцев. Из простеганного, сложенного в несколько слоев хлопка толщиной в три-четыре пальца сшивались плотные попоны. Ими покрывали и лошадей, и собак так, чтобы животные могли передвигаться. Впереди прорезались отверстия для глаз и ноздрей. Причем у

собак отверстия для пасти были больше — специально для того, чтобы они могли хватать бегущих от них индейцев.

Солдаты, пешие и конные, так же тщательно прикрывали себя этими «хлопчатыми латами»: своеобразные чувяки закрывали ступни, «гетры» защищали ноги до колен, такие же прокладки предназначались и для бедер, корпуса и рук. Венчало, наконец, сей диковинный костюм некое подобие шлема-капюшона. Этот головной убор закрывал затылок, шею и лицо. Для глаз, носа и рта делались узкие прорези. При этом предусматривались даже некоторые удобства: во время трапезы лицевая часть шлема откидывалась. Все детали плотно соединялись друг с другом, как рыбьи чешуйки. У этого громоздкого облачения было одно важное преимущество: оно не пропускало индейские стрелы — они прочно застревали в толще хлопка.

Конкистадоры практически не снимали с себя своих «лат», ведь они постоянно находились в состоянии войны; никому и в голову не приходило стирать «доспехи», и скоро они превращались в грязно-коричневую рогожу, которая издавала острый гнилостный запах. По этой причине на них слетались мириады мух и прочих насекомых. В такой одежде завоеватели были похожи на чудовищ, на сверхъестественные существа.

И вот совсем уж неожиданный для конкистадоров поворот судьбы. Никто из них не мог и предполагать, что они станут в глазах индейцев посланцами языческого божества!

Предоставим же слово наиболее авторитетному свидетелю — Гонсало Хименесу де Кесаде. «Когда христиане появились в этой стране, они были приняты всем народом с великим страхом. Среди индейцев распространился слух, что испанцы явились к ним как сыновья Солнца и Луны, которым они поклонялись, и что небо послало своих сыновей, чтобы наказать индейцев за грехи. Первое же индейское селение оказалось пустым. Все жители его спрятались в крепости на скале. Как только мы приблизились, индейцы сбросили к нашим ногам несколько грудных детей, чтобы смирить тем гнев своих богов. Они были уверены при этом, что мы — суачиас[12], питаемся человеческим мясом и кровью. Испанцев окуривали ядовитым вонючим Моке[13], как если бы они были идолами. В некоторых же местах для нас оставляли на выбор связанных стариков, женщин, малых детей или жирных оленей. И клали их рядом с пылающими кострами».

Всего этого было достаточно, чтобы испанцы поняли: пусть они истощены, пусть на счету последние крохи пороха, пусть страна, лежащая перед ними, огромна и неизвестна,— они сильны. И сила их — в слабости и диковинных суевериях местных жителей.

В этих гористых местах дни становились все прохладнее, тропическая жара, истомившая солдат, постепенно сошла на нет. Дышалось легко и свободно, почти как в родной Испании.

Вскоре испанцы уже привыкли к тому, что вдоль дорог, по которым они следовали, дымились жаровни. Курившиеся в них благовония источали терпкий смолистый аромат. Рядом лежали свернутые плащи, золотые украшения. То были жертвы, которые обычно полагались солнцу, а теперь предназначались его посланцам — бородатым суачиас.

---

[12] От муисского «суа» — солнце и «чиа» — луна.

[13] Плоды лесной смоковницы при сжигании давали густой дым с терпким запахом — «благовоние», которым индейцы окуривали изображения богов и другие предметы культа.

11 марта отряд пересек реку Суарес (на местном языке — Сарави) и вышел в долину реки Моникира. В селении Гуачета испанцев ждал сюрприз: они добыли первые изумруды — великолепно отшлифованные, сверкающие прозрачными гранями камни.

Конкистадоры шли прямо на юг. Каждый день встречались все новые индейские селения. Непривычно звучали их названия: Ленгуасаке, Кукунуба, Чипата. В селении Суэска навстречу испанцам вышла мирная процессия с дарами. Возглавлял ее могучего вида индеец с замысловатым тюрбаном на голове. Тело его было разрисовано яркими красками, с плеч свисал белоснежный плащ. Длинный конец его в красно-черных полосах волочился далеко по земле. На груди красовалась огромная золотая пластина в виде сердца. Но вот лица правителя Суэски испанцам разглядеть не удалось: причудливая золотая подвеска в носу закрывала рот, подбородок и щеки индейца, видны были только глаза, суровые и настороженные. Индеец заговорил. От слов его подвеска заколыхалась, в гортанных звуках послышалось нечто металлическое. Эффект был поразителен. Оправившись от изумления, испанцы скорее догадались, чем поняли из слов, что их просят быть почетными гостями.

Тонкий дипломат Кесада воспринял это событие как большую удачу и снова запретил всякие насильственные действия. Но тщетно. Хуан Гордо-толстяк соблазнился изящным плащом одного из спутников правителя и раздел его на глазах у всех. Разгневанный генерал приговорил виновного к смерти. Приговор был приведен в исполнение, несмотря на настойчивые просьбы капитанов помиловать товарища. Впоследствии хронисты порицали Кесаду не столько за суровость, сколько за то, что он дал понять индейцам: испанцы отнюдь не божественные создания, коль скоро они не бессмертны.

К этому времени Кесада уже знал кое-что о земле, которую ему предстояло завоевать. С помощью Перикона (так испанцы прозвали индейца, взятого в плен еще на берегах Опона) удалось вступить в переговоры с местными жителями.

Ответ на первый вопрос— как называется эта страна? — озадачил Кесаду. Оказалось, что единого названия для всей »той земли нет, на ней живет много народов, и каждая округа зовется по имени касика, который ею правит. А вообще-то мы — местные жители—известны как муиски. Это слово понравилось конкистадорам. Оно было очень похоже на испанское «моска», что значит «муха». Ну а поскольку долины были так плотно заселены, что, по словам очевидцев, индейцы кишели в них, словно мухи, название «моска» так и закрепилось за всеми жителями этих гор.

Узнали испанцы и еще одну важную новость. Всей страной на юге правит грозный сипа. А сипа — это могущественный повелитель, вождь вождей, его головной убор украшает голова самого сильного зверя — пумы, или, как называли ее испанцы, горного льва! И он, Кесада, стоит на пороге его владений.

22 марта последовало другое важное открытие. Солдаты вошли в долину с солеными источниками и озерами. Так вот где добывалась эта прекрасная белая соль, о которой они столько слышали. А вот и селение со звучным названием Сипакира. В нем более сотни добротных, и своеобразных домов, около них огромные кувшины — «гача». Они стояли на медленном огне так, что из налитого в них соляного раствора выпаривалась вода. Соляным промыслом жили индейцы не только этого селения, но и соседних — Немокона и Таусы. Отсюда соль расходилась далеко на север, восток и запад. Все говорило о довольстве и

процветании местных индейцев. Но не все они мирно приняли необыкновенных пришельцев.

Выйдя из Немокона, испанский отряд увидел перед собой небольшую, но защищенную грозным деревянным палисадом крепость. Возле ворот с ярко-красными столбами по бокам застыло в неподвижности индейское войско. Неожиданно от него отделился огромного роста воин с боевой дубинкой в руках. Приблизившись к испанскому строю, он, принял угрожающую позу, Не оставалось сомнения — он вызывал на поединок, не подозревая при этом, как неравны были условия этого боя.

С испанской стороны вперед вырвался отчаянный конник Ласаро Фонте. Бой продолжался считанные минуты. Отбросив копье в сторону, Ласаро пришпорил коня и на бешеном аллюре помчался к отважному индейцу. Поравнявшись с ним, он схватил его за длинные волосы и заставил бежать рядом с конем, пока не притащил к своим.

Побросав оружие, индейские воины бросились врассыпную. Путь в крепость был свободен. Но не только в крепость.

С ее стен, а высота их равнялась шести варам[14], открывался великолепный вид. Перед испанцами расстилалось обширное плато в обрамлении снежных гор и пиков. Это была «сабана де Муекета» — та самая долина, которой правил могущественный сипа Тискесуса. Теперь испанцам стало известно и его имя. Правда, сами индейцы, следуя традиции, называли сипу именем его главной резиденции — Муекета, что значит «конец обработанного поля». В устах испанцев имя это превратилось в Боготу, Тискесуса — в Великого Боготу. Впоследствии это искаженное индейское слово стало названием столицы нынешней Колумбии.

Глядя на раскинувшиеся вокруг просторы, Кесада замечал все: зеленые поля и возделанные террасы на склонах гор, плотно прижатые друг к другу дома. Неожиданно глазам Кесады представилось нечто совсем невероятное. Святой Яго, да это замки! Настоящие замки — «алькасерес», как в Испании, только стены их возведены не из камня, а из мощных бревен. Крепости с большими воротами и подъездными рвами подобно орлиным гнездам венчали холмы и скалистые вершины. Особенно выделялись окрашенные в цвет пурпура высокие столбы, что стояли по бокам ворот и в углах оград. Перед испанцами была поистине «Долина замков». Теперь Кесада совершенно точно знал — он нашел свое Перу! Но его еще предстояло завоевать.

Тискесуса не заставил себя ждать. 28 марта около селения-крепости Кахика произошло первое серьезное столкновение с индейцами. Растянувшись по полям, испанский отряд медленно продвигался вперед. Вдруг в задних рядах раздались яростные крики, поднялись тучи пыли. На больных и раненых испанцев, шедших в арьергарде, обрушились 600 индейских воинов. В воздухе замелькали боевые дубинки, копья, дротики. Индейские воины сражались отдельными отрядами, строго соблюдая дисциплину. Хотя испанские солдаты и были перепуганы насмерть, они заметили в рядах противника нечто необычайное: это были сверкающие золотом носилки! Их охраняли дюжие индейцы. На носилках возлежало человеческое существо. Но лицо его было желто, глаза закрыты, руки и ноги недвижны. Да никак это мумия! Она появлялась там, где индейские воины терпели урон, как бы вдохновляя и призывая их утроить усилия.

[14] Вара — испанская мера длины, равная 83,5 сантиметра.

И вот дрогнули испанские солдаты. Раздались крики о помощи. Только тогда Следовавшие впереди конники развернулись и обрушились на индейцев, что и решило исход боя. Впоследствии испанские хронисты удивлялись, как мог великий сипа, у которого было большее войско, выставить против испанцев всего лишь небольшой отряд. Но ведь индейские воины более чем втрое превышали по численности пришельцев. По местным понятиям, этого было достаточно для победы. Вина ли индейского правителя в том, что он не успел осознать, какой страшный, невиданный доселе враг вторгся на его землю.

Здесь нужно отдать должное прозорливости Тискесусы. Как только испанцы появились на его земле, он стал преследовать завоевателей. Для него эти бородатые чужеземцы не были ни богами, ни посланцами богов. И если его союзники падали ниц перед пришельцами, осыпая их дарами, Тискесуса обрушивал на испанцев своих воинов.

5 апреля 1537 г. в селении Суба, на подступах к Боготе, конкистадоры праздновали годовщину экспедиции. Но торжество было испорчено. Неожиданно со всех сторон лагерь окружили воины Тискесусы. 15 дней они держали осаду, не позволяя испанцам даже пополнить запасы воды. Это был серьезный вызов. Кесада несколько ночей подряд посылал конников на борьбу с неприятелем. Отважные индейские воины не устояли. Им пришлось отойти.

Но Тискесуса продолжал сопротивляться. Перед селением Чиа, в шести лигах от Боготы, индейцы вырыли несколько рядов глубоких и длинных канав. Это был расчетливый замысел. Великий сипа понимал, что главное преимущество суачиас в том, что они обладают этими диковинными зверями. А им для передвижения необходимо ровное пространство.

Поначалу ряды испанских конников смешались. Вынужденные остановиться, они с трудом уклонялись от града индейских стрел. На холме поодаль, раскинувшись в богатых носилках, за схваткой наблюдал сипа. Ободренный ее началом, он сам ринулся в бой. И вот уже несколько испанцев и лошадей оказались на дне одной из канав. Два человека и лошадь были мгновенно добиты индейцами. Только удачный обходный маневр спас испанцев от весьма вероятного поражения.

Последний бой решил судьбу повелителя «Долины замков». Но как знать, она могла бы стать иной, если бы союзники Тискесусы выступили против завоевателей. Однако после разгрома под Субой подвластные ему племена приняли сторону Кесады. Путь в столицу был свободен.

21 апреля отряд испанцев вступил в желанную Боготу. Окруженная горами и холмами, она лежала как бы на дне естественной чаши. В ней, как уверяют хронисты, было около 20 тысяч домов.

Муиски не использовали камень для своих построек. Они жили в круглых хижинах с соломенными коническими крышами. Стены возводили из глины, смешанной с измельченным тростником. Снаружи и изнутри каркас обшивали матами из выбеленной и окрашенной в разные цвета осоки. Пол был земляной. Эти своеобразные, легкие и изящные постройки привели испанцев в восторг. Кесада писал, что нигде прежде ему не доводилось видеть такие красивые и оригинальные здания.

Но к сожалению, расписные дома пустовали, безлюдно было и во дворце самого сипы. Испанцы дважды обыскали огромный двор, заключенный в двойную ограду из мощных бревен. Но тщетно. Никого не нашли они и в других

двухстах домах, что стояли за этими стенами. Захватив с собой все> ценное — утварь, украшения, великий Тискесуса бежал вместе с многочисленными женами, придворными и слугами в неизвестном направлении.

Покинутый город производил унылое впечатление. Крайнее раздражение и разочарование воцарились среди завоевателей. Уплыли сокровища Тискесусы, а о них столь подробно и обстоятельно рассказывали покорившиеся вожди. Правда, хвала святому Яго, теперь солдатам не приходилось умирать от голода: покоренные индейцы ежедневно присылали горы провизии. В день иногда скапливалось до 150 оленей, почти по одному на брата, сотни любопытных животных — «фуко», мясо их напоминало по вкусу кроликов, бессчетное число всякой птицы, не говоря о рыбе.

Однако недолго наслаждались покоем завоеватели. В Боготе начались пожары. Поджигателями оказались индейцы, подданные великого сипы. Обмотав концы стрел и дротиков хлопком, пропитанным какой-то быстро воспламеняющейся смесью, они забрасывали улицы этими своеобразными летающими свечками. Не успевали испанцы потушить один дом, занимался другой. Вскоре соломенная Богота заполыхала жарким пламенем. Пришлось испанцам выставить вокруг города заслоны, чтобы держать индейских воинов подальше от Боготы.

Таков был ответ Тискесусы на предложение мира, с которым не раз уже обращались к нему завоеватели. Кесада не мог примириться с мыслью, что великий сипа ускользнул от него и в то же время скрывался где-то поблизости. Но где? Тщательные расспросы, попытки подкупить местных жителей полотняными рубахами и стеклянными безделушками ничего не дали.

А между тем Боготу ежедневно наполняла толпа любопытных индейцев. Они приходили посмотреть на незваных пришельцев. Завязывались первые беседы, обильно сдобренные жестами. Индейцы оказались весьма способными учениками и быстро перенимали испанские слова. Особенно их интересовали лошади.

В один из майских дней перед Кесадой явился атлетического вида индеец в узорном плаще, который волочился по земле — признак аристократического происхождения владельца. Голову его венчала сверкающая диадема с пышными перьями. Он бросил испанцам смелый вызов: «Дайте мне самого быстрого вашего оленя (индейцы считали лошадей оленями, но только особого вида) — и я обгоню его!» Выяснилось: перед Кесадой стоял знаменитый бегун, быстрыми ногами он не только прославил себя среди своих собратьев, но и снискал ореол великого праведника.

Ласаро Фонте, лучший наездник в отряде (по иронии судьбы он прежде был профессиональным моряком!), принял вызов. По сигналу и всадник, и почти обнаженный индеец бросились вперед. Индеец бежал стремительно, казалось, не касаясь ногами земли. Ласаро Фонте шел легким галопом и с удивлением вдруг заметил, что с трудом поспевает за соперником. Индейские болельщики восторженными гортанными криками подбадривали своего любимца. Раздраженный испанец пришпорил коня и на всем ходу сбил с ног индейца. В конце концов он был посланцем самого Солнца, и негоже ему было терпеть поражение на глазах у этих «дикарей». Так отважным местным жителям был преподан еще один урок испанского «кодекса чести».

Через день, 20 мая 1537 г., Кесада покинул Боготу и пошел на север. К тому

времени в крепком, окованном медью сундучке лежало уже 527 изумрудов. Пока не было найдено золотых рудников, но почему бы не пуститься на розыски изумрудных копей? Отряд передвигался спокойно, без особых предосторожностей; жители встречных селений не оказывали ему никакого сопротивления, осыпали испанцев дарами и снабжали их провизией.

В местечке Гуаска их ждал сюрприз. В палатку Кесады ворвались возбужденные капитаны и буквально вытащили его наружу. Перед входом в окружении любопытной толпы стояли два разряженных индейца. У каждого в руке... по золотой короне. Красоте и изяществу корон мог бы позавидовать сам Карл I. Индейцы бросились в ноги к Кесаде и, не поднимая глаз, быстро заговорили. Местные индейцы объяснили: «О великий суачиа! Перед тобой в пыли кеме — посланники великого Гуатавиты, правителя долины и народа того же имени. Ты видишь эти короны? Это знак того, что кеме пришли по приказанию своего повелителя».

«А что им нужно?» — нетерпеливо прервал индейца Кесада. «Они говорят, что великий Гуатавита идет тебе навстречу, чтобы с миром приветствовать посланца великих богов». И не успел Кесада подобающим образом ответить послам, как из-за поворота холма показалась многолюдная процессия. Ее возглавляли четверо индейцев в коротких пурпурных плащах-накидках. Не сбавляя быстрого шага, они трубили в огромные морские раковины. Следом шли люди в одних лишь набедренных повязках: одни очищали дорогу от камней и мусора, другие засыпали ее цветущими ветками. А вот и пестрая, разряженная толпа придворных. Над ней, словно плывя по воздуху, парила фигура человека в сверкающих золотом носилках. Гордый вид и царственная поза — все говорило о том, что это и есть сам Гуатавита.

Приблизившись к испанцам, вся свита распростерлась на земле. Так и не покинув носилок, Гуатавита, индеец средних лет, заговорил. Его спокойный голос, открытое загорелое лицо, фигура атлета приятно поразили Кесаду. Правитель явно не испытывал страха перед чужеземцами. Он сказал: «Гуаска Тикисоке приветствует тебя, о великий! Могучие владыки неба — вечные Суа и Чиа послали тебя, чтобы ты избавил наш народ от гнета грозного Тискесусы. Так знай же: хвостатые олени и огненные копья твоих воинов совершили святую месть. Много лет назад дядя Тискесусы вырезал весь мой род и стал властителем этих гор и долин. Но я, Парящий орел, возлюбленный богами, остался жив. Отныне я и мои подданные — друзья и братья посланцев богов. В трех переходах отсюда лежит благодатная долина, там дом моих предков. Я жду тебя и твоих воинов, чтобы воздать должное за радость, которую вы принесли нашим сердцам». Закончив, Гуатавита сделал знак рукой. Свита поднялась и, окружив повелителя, тронулась в обратный путь.

Так Кесада осознал, что он и его солдаты попали в мир людей, которых раздирали междоусобная борьба, кровная месть и личная обида. Генерал не стал откладывать визит к Гуатавите. Выяснилось, что Гуатавита не уступал по своей знатности самому сипе Тискесусе и был, наверно, так же, как и он, богат. К тому же все окрестные индейцы в один голос твердили, что в его владениях расположено озеро, священное для всех муисков, и что у них есть обычай бросать в воды озера золотые украшения, камни и плащи. И что самое невероятное: будто бы сам Гуатавита имеет обыкновение пудриться золотым порошком и купаться в озерных водах. Разговоры об этих чудесах ходили среди индейцев так упорно, что

было бы досадным упущением не проверить, насколько это соответствует действительности. В конце июня 1537 г. испанский отряд с постоянной свитой из простых и знатных индейцев двинулся к владениям Гуаски Тикисоке.

Испанцы прибыли как нельзя вовремя. Гуатавитяне готовились к празднику благодарения. В честь великих богов устраивались состязания по бегу. К великому удивлению испанцев, соревновались в скорости не юноши, а девушки. С почетом принятые в «ка» или «серкадо» («ограду»), они вскоре были приглашены на берег Гуатавиты. По дороге, которая была выложена смесью глины, соломы и мелкого камня, они двинулись к озеру. Испанцев немало поразило искусство, с которым была проложена эта дорога: пересекая холмы и овраги на протяжении лиги, она не отклонилась ни на один шаг в сторону.

Озеро явилось неожиданно. Словно голубое зеркало, застыло оно внизу в обрамлении лесистых склонов. Со всех сторон к нему, словно ручейки, сбегались большие и малые тропинки. Берега озера и окрестные холмы были усеяны толпами празднично одетых индейцев. По знаку Гуатавиты группа молодых девушек бросилась бежать вокруг озера. Двигались они легко и стремительно. «По силам ли этим юным созданиям такой большой путь?» — спросил у Гуатавиты Кесада. «О, конечно! Этому искусству они обучаются с детства,— последовал ответ.— Для наших богов нет зрелища более приятного, чем наблюдать за тем, как лучшие из лучших равняются в скорости орлу и оленю». Вот наконец одна из девушек сумела вырваться вперед и первой подбежала к подножию холма, на котором сидел Гуатавита в окружении свиты и испанцев. Гуаска Тикисоке поднял победительницу, распростершуюся, по обычаю, у его ног, и накрыл плечи девушки великолепным плащом, а на голову ей возложил корону — золотой полумесяц с высоко поднятыми краями. Ожили толпы индейцев на берегу. Откуда-то взялись огромные кувшины с сапкуа, хмельным напитком, настоенным на кукурузных зернах. Послышались звуки печальных, на редкость приятных песен. Кесада и приближенные к нему капитаны подошли к Гуатавите. «О чем поют твои люди?» — поинтересовался генерал. «Благодарят богов за то, что они указали нам самую быструю и потому самую святую девушку. Теперь она будет служить в храме самому Солнцу»,— ответил Гуатавита. «А правда ли, как говорили нам индейцы из других долин, что ты имеешь обыкновение смазывать себя золотой пылью и смывать ее в озере?» — продолжал Кесада. «Это бывает однажды в жизни каждого правителя из рода Орла. В день, когда великие боги разрешают ему украсить лицо благородными украшениями, когда великая Фуратена, сделавшая эти воды своим домом, благословляет его править своим народом. Только тогда мы одеваем золотую кожу».— «А нельзя ли сыновьям Солнца взглянуть, как это делается?» — вкрадчиво спросил Кесада. «Нет,— последовал лаконичный ответ.— Золотой порошок нужно собирать всю жизнь. Только мой возлюбленный племянник, сын старшей сестры Турачоке, наденет сияющий покров, когда придет его черед сменить меня».

И хотя не все было понятно в словах знатного индейца, Кесада вынужден был признать: то, что казалось ему недавно бредом — в самом деле, не безумие ли бросать в воду драгоценности! — оказалось явью. Поистине они попали в сказочную страну. Размышления Кесады прервал бравый Ласаро Фонте. К удивлению Кесады, он просил у него не больше не меньше как разрешения... осушить озеро Гуатавита. «Терпение, мой друг, терпение,— ответил Кесада,— мы еще не хозяева, а незваные гости в этой стране».

Вскоре хозяева и гости возвратились во дворец. Испанцы были приглашены на трапезу в один из роскошных залов. Получили они и драгоценные дары — золотые кубки и чаши, украшенные изумрудами, тонкие плащи. Опытным взглядом они определили, что здесь есть чем поживиться. Но не сейчас. Нужно дать понять местным касикам, что суачиас умеют ценить дружеское расположение.

Внимание Кесады привлек юноша, чем-то очень похожий на Гуатавиту. «Это мой младший племянник, я пришлю его тебе, когда кончится праздник благодарения; если хочешь, он будет служить тебе верной службой»,— предложил Гуаска Тикисоке Кесаде. «Мальчишка бегает быстрее ваших оленей, плавает, как утка, выносливи ловок, как обезьяна. Да будет он знаком союза между сыном Орла и сыном Солнца. К тому же ему известно много ваших слов».— «Откуда же?» — удивился Кесада. Слегка улыбнувшись, Тикисоке ответил: «Уже много дней он стал вашей тенью и следует за вами в толпе индейцев». И Кесаде показалось, что ему действительно знакома эта ладно сбитая фигурка, темные изучающие глаза, смышленое лицо. «Неплохой лазутчик,— подумал генерал про себя.— А Гуатавита совсем не прост».

Уже давно ушли на покой необыкновенные гости Гуатавиты, а тот все еще сидел в глубокой задумчивости на четырехногом «дутро» — троне. Вот и пришел конец власти грозного сипы. Напрасно Парящий орел собирал своих воинов на подмогу суачиас. Сыновья солнца сами расправились с коварным Тискесусой. Лазутчики-гуатавитяне из укромных засад следили за стычками между воинами сипы и пришельцами. Шаг за шагом отступали его недавние враги. И каждый раз радость наполняла сердце Гуатавиты. И пусть месть, завещанная предками, совершена не его руками, а этими странными суачиас, которые живут как люди, но могущественны как боги, все равно это хорошо.

«Что даст союз с грозными посланцами Солнца? Не погубит ли он меня? Но ведь к их ногам склонились все бывшие союзники и вассалы сипы. Да и можно ли противиться воле всемогущих богов?» Смутные, неясные предчувствия не давали ему покоя. Все, что окружало чужестранцев, было так необычно, так непонятны были их намерения, что Гуаска Тикисоке пребывал в полной растерянности. Его утешало только одно: хорошо, что он успел спрятать сокровища, гордость и славу его рода, в потаенном месте, известном одному ему. Настанет время, и они будут сложены к ногам его любимца и наследника Гуаски Паусо, который в уединенном храме готовится к посвящению.

На исходе тревожной ночи Гуатавита принял единственное решение — приставить к главному суачиа одного из многочисленных своих племянников, по имени Гуаска Чута. Ведь недаром имя его значило Орлиный глаз. Что-нибудь он да увидит. Распрощавшись с Гуатавитой, испанцы двинулись на поиски горы зеленых камней — «чуекута», так индейцы называли изумруды. Словно желая побыстрее избавиться от чужеземцев, местные жители с готовностью брались показать дорогу в места, где чуекута собирали пригоршнями. Что бы там ни было, а все это выглядело заманчиво.

Сорок всадников во главе с капитаном Валенсуэлой немедля отправились в путь. Вскоре действительно на горизонте показалась причудливой формы высокая скалистая гряда. Вокруг нее раскинулись владения правителя Сомондоко. Спешившись, испанцы начали подъем. Вот наконец и вершина. Взглянув вниз, испанцы обомлели. Они забрались так высоко, что земля внизу

напоминала море. Вооружившись копьями, пиками, ножами, они лихорадочно принялись копать ямы в надежде, что каждому из них сразу же повезет. Вокруг готовые узкие канавки, прорытые индейцами, и деревянные лотки, с помощью которых они промывали породу. К вечеру испанцы, взмокнув от пота и набив мозоли на руках, поняли, что изумруды не валяются на земле. Здесь нужны были долгие и упорные усилия.

Спустившись вниз, они узнали от местных жителей, что камни добывают только два раза в год — в сезон дождей. Получив в подарок три дивной красоты изумруда, конкистадоры утешились. Было еще одно, что немного успокоило их: с высоты им открылись обширные, уходящие на восток плоскогорья — льяносы, очень похожие на те обетованные земли, которые грезились солдатам в страде бесконечных походов.

14 июня Валенсуэла возвратился к основному отряду, который стоял лагерем в богатом многолюдном селении Турмеке. На просторной площади этого селения раз в три дня открывался великий торг. Сюда сходилось множество индейцев покупать изумруды. Ведь «зеленый лед» — священный камень. Тот, кто им владеет, возлюблен всемогущими богами. Ничего не жаль отдать за зеленый камень — ни золотой подвески, ни расписного кувшина, ни легкого многоцветного плаща, ни связки листьев коки, вдыхающей новую жизнь в человека. Сосуды, ткани, украшения — всего этого было вдоволь под навесами. Росла общая казна испанцев. Пришлось вскоре выделить специальную стражу и носильщиков для ее перевозки и охраны. Так проходили дни и недели.

В конце августа Кесада выслал на разведку знаменосца Ва-негаса. Неожиданно тот вернулся и привел с собой странного индейца. Весь в черном, с расцарапанным в кровь лицом, индеец этот был мрачен: он носил траур по отцу. Из расспросов выяснилось невероятное. Оказалось, испанцы вот уже два месяца находились на земле саке Кемуинчаточи, грозного правителя северных муисков. Его столица Хунза была в одном дне пути от испанского лагеря. Однако дорога к ней непроста. Вокруг расставлены шпионы и лазутчики саке, которые стерегут каждый шаг испанцев. Подданные же его скорее умрут под пытками, чем выдадут место, где скрывается их повелитель. Индеец уверял также, что Кемуинчаточа, давний враг и соперник великого сипы Тискесусы, немыслимо богат и что между ними давняя вражда. И Кесада до сих пор не знал этого. Сколько прекрасных возможностей упущено!

Скорее по коням. 25 всадников и столько же солдат построились мгновенно. «На этот раз,— думал Кесада,-— добыча от нас не уйдет. Индеец обещал показать тайную и кратчайшую дорогу — ведь он желает отомстить за отца, убитого саке».

Отряд шел весь день. Пешие бежали рядом с лошадьми, держась за стремя. Однако как ни торопились завоеватели, а город показался только перед заходом солнца. И вот уже могучие деревянные стены преградили им путь. От ворот отделилась толпа индейских сановников: они просили подождать до утра и не нарушать покоя больного властелина.

Но не тут-то было! Кесада пришпорил коня и на полном скаку врезался в толпу индейцев. За ним последовали остальные. Стремительный рывок, и вот уже цокот копыт ворвался на центральную площадь. То, что увидели они, захватило дух.

Это было невероятное по красоте зрелище: в косых лучах заходящего солнца, слегка позванивая на ветру, сверкали золотые щиты, пластины с

изображением змей, птиц и каких-то непонятных животных. Они свешивались с дверей и крыш почти всех зданий, придавая этому странному городу фантастический вид. Впереди показался дворец самого саке, окруженный мощным частоколом. Входные ворота скреплены толстыми канатами.

Едва ли в эту минуту Кесада помнил про «азбуку завоевания», которой три месяца назад учил своих солдат. В эти решающие мгновения он был конкистадором «пор куатро ладос», другими словами — с головы до ног. Кесада спрыгнул с коня и перерубил канаты. Отобрав десятерых — остальные встали у ворот,— он ворвался во внутренние покои громадного здания.

Прямо перед ним на низком деревянном троне сидел человек с властным взглядом повелителя. Ноги его утопали в пушистом ковре из птичьих перьев. Кесада сразу же признал в нем саке Кемуинчаточу. Это был грузный старик с суровым и неподвижным лицом. Откинувшись на спинку своего «дутро», он выжидающе смотрел на приближавшегося к нему Кесаду. По признанию очевидцев этой сцены, во всем облике саке было нечто дьявольское. Разряженная толпа придворных сомкнулась за спиной своего повелителя.

Кесада содрогнулся. Вот наконец наступила и его великая минута. «Я пришел к тебе издалека, из страны, которой правит самый могущественный повелитель на земле. Он послал меня сюда заключить с тобой союз, чтобы помочь твоему народу бороться с врагами, а также очистить ваши души от нечестивой веры. Ты должен принять покровительство нашего короля и подчиниться ему, иначе сгоришь в огне!» Примерно те же самые слова уже были произнесены на других концах Нового Света: Кортесом — перед правителем астеков Монтесумой и Писарро — перед верховным инкой Атауальпой.

Помедлив, саке с достоинством ответил: «Новость, принесенная незнакомым гостем, так необычна, что ее требуется обдумать. Не соизволит ли пришелец отдохнуть в отведенных ему покоях до часа рождения завтрашнего солнца?»

Но Кесаду это никак не устраивало. Легко сказать, провести ночь в окружении бессчетного множества вооруженных индейцев! Молниеносно родилась мысль: взять в плен повелителя сейчас же. Кесада обнажил меч и схватил саке за плечо.

Кемуинчаточа преобразился. Резко вскочив со своего трона, он громовым голосом приказал своей свите убрать наглецов. Поднялся невообразимый шум. Мгновение, и не в меру ретивый Кесада оказался в кольце индейских воинов. И неизвестно, что произошло бы с ним, если бы на помощь не пришел капитан Суарес, который стоял на страже в воротах. Увидев подоспевшую подмогу, саке перестал сопротивляться. Солдаты заперли его в одной из комнат и выставили около нее часовых. Грубо и бесцеремонно обошлись испанцы с великим саке и тем буквально парализовали индейских воинов. По местным обычаям, это было чудовищным святотатством, ибо никто не смел не только касаться властителя, но и смотреть ему в лицо.

Вслед за этим начался великий грабеж. С криками «Перу! Настоящее Перу, наш добрый лиценциат! Клянемся богом — это вторая Кахамарка!» солдаты ринулись во дворец и в соседние дома. На сей раз добыча была велика. Реестровая запись бесстрастно свидетельствует: всего в городе Тунха (так прозвучало по-испански индейское Хунза) было собрано 136 тысяч песо высокопробного и 14 тысяч песо низкопробного золота, не считая 280 изумрудов. Особенно хороши

были «чагуалы» — тонкие, с бумажный лист, золотые пластины, что украшали двери домов и храмов. Золотые браслеты и ожерелья, нагрудники и диадемы, плащи и щиты, инкрустированные кусочками золота,— сваленные вместе, они образовали огромную груду выше человеческого роста.

Но и этого показалось мало. Кесада предложил саке выкупить свою свободу. Пример Писарро не давал ему покоя. Но правитель муисков Кемуинчаточа оказался прозорливее своего собрата по несчастью — инки Атауальпы. Предание гласит, что он презрительно ответил испанцам: «Мое тело в ваших руках, делайте с ним, что хотите, но никто не может распоряжаться моей волей!» Вскоре грозный повелитель северных муисков скончался. Трудно было пережить ему свершившийся в одночасье разгром государства, падение столицы и позор плена. Но умер он достойно — завоевателям не покорился.

После его смерти подвластные ему правители пришли с повинной к испанцам, не оказав им отпора. Конкистадоры постепенно прибирали к рукам богатства местных жителей. 4 сентября 1537 г. до Кесады дошла соблазнительная весть. Северо-восточнее Тунхи, на земле правителя Суамосо, находится почитаемая всеми индейцами реликвия — храм Солнца. Не счесть его богатств и сокровищ, которые стекаются туда со всех концов земли муисков.

Кесада не стал медлить. Он ринулся за новой добычей. Небольшой отряд воинов, который выставил правитель Согамосо (так на свой лад переделали испанцы его имя), был быстро обращен в бегство. Город располагался на открытой равнине, и индейским воинам не удалось отразить атаку испанской конницы.

Сам правитель вместе с семьей и жителями скрылся в горах. Ночью испанцы ворвались в город и устремились к храму. Конкистадоры зажгли факелы и ворвались внутрь. Их глазам предстал длинный ряд мумий в ярких плащах с золотыми украшениями и пластинами на груди. Между ними метался жрец с длинной седой бородой. Бросив факелы, солдаты устремились к мумиям. Начался пожар. Все, что солдаты успели снять с мумий, было вынесено. Жрец предпочел сгореть вместе с дорогими его сердцу реликвиями. Так трагически погиб замечательный памятник культуры муисков. Очевидцы рассказывали потом, что пепелище не остывало в течение нескольких недель. Ведь стены и ограда храма были воздвигнуты из огромных стволов гуайакана, дерева с очень твердой древесиной. Индейцы рубили гуайакан у подножия Кордильер и доставляли его в горы к месту постройки храма. Таковы были первые плоды «знакомства» индейцев с христианской цивилизацией.

Опасаясь, что согамосцы захотят отомстить за гибель священного храма, Кесада отдал приказ возвращаться. Ускоренным маршем под покровом ночи конкистадоры поспешили в обратный путь. Коней гнали впереди, за ними трусцой следовали солдаты. Колонну замыкали индейцы. Они несли на плечах седла и награбленное добро.

Как раз в эти дни в Тунху возвратился капитан Сан-Мартин, посланный Кесадой на разведку северной части плоскогорья. Там в селении Иса в ноги Сан-Мартину бросился индеец, вид которого привел капитана в ужас. Лицо, руки и тело индейца обагряла кровь. Отрубленные левая рука и оба уха висели подвязанные к волосам. Несчастный — это был касик одного из северных племен — взывал к отмщению. Он рассказал испанцам: «До моего народа уже докатились слухи о подвигах сыновей Солнца. Как опытный муж я посоветовал Дуитаме,

нашему господину, заключить мир с суачиас и выйти навстречу с дарами, как положено у нас по обычаю. Однако Дуитама жестоко расправился со мной и послал меня передать: такая же судьба ждет пришельцев и всех, кто за ними последует».

Страшась нападения, Кесада направил послов к Дуитаме. Послы предложили индейскому правителю принять покровительство далекого всемогущего властелина, а также позаботиться о спасении своей души, погрязшей в язычестве. Дуитама ответил лицемерным послам, что его мало волнует состояние души, коль скоро тело его в безопасности, и дал Кесаде срок в пять дней, или, как говорили индейцы, в пять солнц, чтобы убраться восвояси.

Однако испанцы навязали Дуитаме сражение около селения Бонса. Здесь впервые конкистадорам оказало сопротивление хорошо организованное и дисциплинированное индейское войско. В его рядах были и воины правителя Согамосо, который жаждал отомстить испанцам за разбойное нападение и разорение храма Солнца. Индейцы сражались отчаянно. Их длинные пики с костяными наконечниками, тяжелые боевые дубинки и маленькие острые стрелы разили без промаха. Вожди в высоких головных уборах бились в самой гуще боя. А вот и знакомая картина: две разряженные мумии. Они восседали на плечах индейцев, перебегавших с одного места боя на другое. Давно умершие прославленные воины продолжали сражаться, воодушевляя соплеменников.

Эта ожесточенная битва чуть не стала для Кесады роковой: он получил оглушительный удар дубинкой по голове и свалился с коня. Могучий индеец, не давая ему опомниться, принялся добивать генерала. Кесаду спас Бальтасар Мальдонадо. Он прорвал кольцо окружения и помог Кесаде забраться на коня.

Однако как ни велики были ярость индейцев и желание победить, но жертв оказалось так много, что Дуитама дал приказ отступить. Разбитый в открытом бою, он переменил тактику. Со своими подданными и воинами Дуитама укрылся на болотистых островах, где завоеватели не могли использовать свою конницу. Вода здесь была по грудь человеку. Днем и ночью испанский лагерь жил в ожидании отчаянных вылазок индейцев. Однажды они чуть не похитили Кесаду из его собственной палатки. Даже лошади, приводившие в трепет соплеменников, не пугали Дуитаму. Пленные индейцы рассказывали, что он грозился обтянуть воинские щиты конскими шкурами, а из зубов испанцев изготовить бусы для своих женщин.

Долгих три года воевал отважный вождь Дуитама с превосходящими силами испанцев, отказываясь от всех предложений мира, богатых даров и райских посулов. Он был единственным правителем муисков, который решился на длительную вооруженную борьбу с завоевателями, чтобы отстоять свободу и независимость своего народа. Только к концу 1540 г. покорилось это северное племя. Немногим позже трагически оборвалась жизнь Дуитамы. В день выплаты дани его сразил наповал испанец Мальдонадо, ударив правителя молотком по голове. Тем самым молотком, которым он расплющивал бесценные золотые украшения перед тем, как превратить их в слитки золота. Несомненно, Дуитама был выдающимся воином, достойно представлявшим индейский мир. Имя его до сих пор носит город в департаменте Бояка.

Наступил 1538 год. Пора было подумать и об основании столицы в завоеванной стране. Кесада долго колебался между Тунхой и Боготой, но его выбор все же пал на Боготу.

Немалую роль при этом сыграл знакомый уже нам правитель Гуатавита. В дни, когда испанский лагерь бурно обсуждал преимущества обоих городов, на улицах Тунхи появилась процессия. В гости к Кесаде прибыл Гуаска Тикисоке. Он настойчиво советовал Кесаде обосноваться в столице южных муисков. «Ведь недаром Боготу окружают тучные поля, а долина, в которой располагается город, плотно населена. Горячие ключи бьют в ее окрестностях, эти волшебные воды исцеляют тяжелые недуги и вдыхают новую жизнь в каждого, кто омоет в них свое тело. Только сипа и его приближенные могли купаться в горячих источниках, около них они проводили засушливое время года, там отдыхали от забот и волнений. А что за сады вырастили для сипы его садовники! Суачиас еще не успели отведать вкуса зреющих там плодов?» Советы Гуатавиты возымели действие.

Гуаска Тикисоке привел с собой бойкого племянника. Орлиный глаз выразил желание принять католическую веру и стать переводчиком главного суачиа. Лучшего помощника трудно было найти. Капеллан Лескано торжественно крестил индейца, который захотел принять то же имя, что носил Кесада. Так в отряде конкистадоров появился новый христианин — дон Гонсало де Гуаска. Вскоре он, хотя и был молод, завоевал доверие и дружбу Кесады, к немалому раздражению и зависти некоторых капитанов. Двум Гонсало предстояло пройти долгий и тернистый жизненный путь.

Вскоре испанское войско отправилось на юг, в Боготу. В городе было неспокойно. Как и прежде, испанцев донимали индейские воины, их направляла рука великого сипы. Местонахождение его оставалось неизвестно. К тому же сипа не возглавлял этих атак: конкистадоры не знали, что местный прорицатель предрек ему смерть от рук чужеземцев. На совете капитанов было решено в кратчайший срок покончить с неуловимым врагом. Поймать Тискесусу стало для испанцев делом престижа. Необходим был пленный, который мог бы указать тропы к тайному убежищу сипы. И вскоре Ласаро Фонте, неутомимый помощник Кесады, выловил в зарослях тростника двух индейцев. Они признались, что посланы великим сипой следить за передвижениями испанцев. Уговоры, подарки, обещания — все было бессильно: пленники отказались указать место, где скрывался их повелитель. И тогда испанцы прибегли к испытанному методу: индейцев подвергли пыткам. Старший из пленников умер, не сказав ни слова, а младший, совсем еще юноша, не выдержал и стал предателем. Как заметил впоследствии один из хронистов, собственную жизнь он оценил дороже жизни своего повелителя. Связав несчастному юноше руки, испанцы погнали его впереди себя. Целую ночь отряд пробирался по горным тропам и на рассвете вышел к мощным крепостным стенам.

Но индейцы как будто бы ожидали неприятеля: из распахнувшихся ворот хлынула толпа вооруженных воинов, на головы испанцев посыпались горящие и чадящие зажигательные стрелы.

Кесада дал знак к бою. Бешеный конский топот, выстрелы из аркебузов, атака конницы смешали ряды индейцев. Солдат Домингес поймал на мушку какого-то знатного индейца и выстрелом из аркебуза ранил его в плечо. Тот упал на руки стоявших поблизости людей. Много недель спустя, после того как испанцы обыскали павшую крепость и, не найдя в ней следов Тискесусы, ни с чем вернулись в Боготу, они узнали: человек, случайно раненный Домингесом, умер, и это не кто иной, как сам великий сипа. Тело его было погребено, согласно

индейскому обычаю, в тайном месте, известном только жрецам. Таким образом, встреча Кесады с одним из могущественных представителей индейской знати так и не состоялась.

Судьба занявшего его место наследника Сакесасипы (испанцы называли его Сагипой) была куда более трагичной. Долгое время Кесада не подозревал о гибели Тискесусы потому, что после сражения за горную крепость атаки индейцев на Боготу участились. Испанцы были вынуждены разбить лагерь в открытом поле, чтобы в любой момент использовать преимущества конницы. Вскоре стало известно, что у индейцев появился новый сипа и он поклялся уничтожить испанцев.

Однако обстоятельства помешали Сагипе выполнить свою клятву. Сначала подняли голову закоренелые враги муисков — индейцы панче, свирепые и воинственные обитатели берегов Магдалены. Чтобы сдерживать их натиск, в прежние времена сипы держали на границе пятитысячный отряд отборных воинов. Но где было взять такую силу сейчас?

Смута началась и в среде знати, окружавшей Сагипу. У него появился соперник, молодой восемнадцатилетний юноша, племянник погибшего Тискесусы. Сагипа, опытный и смелый воин, правая рука Тискесусы, доводился ему всего лишь двоюродным братом. А между тем сан правителя у муисков передавался только по женской линии, от дяди к племяннику.

Несмотря на то что страна переживала самые трагические в истории дни, древний закон требовал восстановить справедливость. В один прекрасный день к Кесаде явились два знатных индейца. Они пришли передать ему волю молодого наследника сипы: он обещает покориться суачиас, если те накажут узурпатора Сагипу. Так был нанесен удар в спину единственному человеку, действительно опасному для завоевателей. Так, часто традиции расходятся со здравым смыслом.

Умный политик и дипломат, Сагипа не позволил своему сопернику сговориться с испанцами. Однажды Кесаду разбудили дикие крики. Генерал выбежал из палатки и оторопел. В двух метрах от него сидела и глухо рычала рыжая пума. Часовые разбежались кто куда. Подавив страх, Кесада заметил двух индейцев, распростертых позади пумы, еще бросилась ему в глаза золотая серьга в левом ухе зверя. «Здесь что-то не так,— мелькнула догадка,— это, наверное, кеме — послы какого-нибудь правителя». Так и есть. Сам Сагипа выслал впереди себя царя зверей, чтобы предупредить суачиас о своем визите.

Кесада устроил пышный прием мирной делегации. Казалось, генерал превзошел на этот раз самого себя. Он одарил Сагипу побрякушками на 300 кастельяно, дал ему две рубашки, одно мачете, два маленьких ножа и красивую шапку, перо для которой снял со своего шлема. От имени испанского короля Кесада заверил индейского правителя, что тот может считать себя в полной безопасности. Сагипа попросил у испанцев помощи, чтобы отбить наступление «темиблес» (ужасных) панче. Желая доказать Сагипе «дружеское» расположение, Кесада обещал ему содействие: в ту минуту он отдал бы ему. и своего коня, лишь бы завоевать доверие опасного соперника.

Готовясь к встрече с панче, испанцы наблюдали волнение среди муисков, причину которого поняли позднее. «Они поедают убитых на поле боя! Они пьют кровь раненых!»[15]—с дрожью в голосе говорили солдатам Кесады закаленные в

[15] О трусе среди панче говорили: «Ты так труслив, что тебя никогда не убьют, чтобы насытиться твоим мясом и стать великим воином». Для взрослого панче не было большего позора, чем

боях воины Сагипы. Несколько дней подряд муиски пели заунывные гимны, вымаливая у великого Суа победу в грядущем бою. Называя себя братьями испанцев — сыновей самого Солнца, муиски просили Суа позаботиться о них в час, когда начнется битва: «Если это будет днем, пусть Суа нагонит облака, чтобы солнечные лучи не мешали сражаться. Если же это будет ночью, пусть Чиа, супруга Суа, разгонит тучи, чтобы воины хорошо видели своих врагов».

Лишь после первой встречи с панче конкистадоры поняли, что тревога их союзников была не напрасной. Индейцы панче ходили в атаку сомкнутыми рядами во весь рост, прикрываясь с ног до головы огромными щитами, оглашая воздух леденящими душу криками. Пришлось Кесаде разработать план боя с применением конницы. Только тогда панче были разбиты и отступили. На поле остался один убитый испанец и много тяжело раненных отравленными стрелами.

Чтобы несколько сгладить неприятное впечатление от встречи с панче, Кесада решил устроить раздел захваченной добычи. Шел июнь 1538 г., можно было и подвести черту. Раздел назначили на 12 июня.

Сначала торжественно сверили, совпадают ли данные о добыче в реестре казначея экспедиции Хуана Сан-Мартина с записями, которые вел сам Кесада. Ко всеобщему удовольствию, все сошлось. Но на следующий день неожиданно был проведен поголовный обыск у всех конкистадоров, чтобы выяснить, не утаил ли кто какой-либо драгоценности. Эту деликатную операцию осуществил брат Кесады Эрнан. То ли сокрытое сокрывалось тщательно, то ли солдаты были честны, однако ревизия ничего не дала.

Затем в полной тишине и с должным вниманием была заслушана самая важная часть инструкции губернатора Педро де Луго, касавшаяся порядка раздела добычи. Отряд конкистадоров разделился на три группы — капитанов, всадников и рядовых солдат. Капитаны избрали своим представителем Хуана де Сан-Мартина, отчаянного смельчака и знатного дворянина; всадники отдали предпочтение Бальтасару Мальдонадо, богатому рыцарю; интересы, простых солдат защищал Хуан Валенсиано, глава щитников. Все они поклялись судить честно и по справедливости.

После этого надлежало подсчитать общую сумму долга каждого за лекарства и помощь, оказанную лекарем, за порох, арбалеты, аркебузы, ножи и кремень, клей и гвозди и, наконец, за мертвых лошадей, павших во время экспедиции, с тем чтобы возместить ущерб их владельцам. Все эти издержки тщательно оценили два наиболее честных капитана. Наконец из общей «кучи» были отчислены вклады в две церкви Санта-Марты — Ла Майор и Ла Мерсед. И только на следующий день приступили к собственно дележу.

Первым и главным претендентом на добычу была испанская корона. Ее доля — знаменитая королевская пятина — составила 38 259 песо золота высокой пробы, 7257 — низкопробного золота, 3690 песо золотого и серебряного лома и 363 изумруда.

Все это причиталось испанскому королю Карлу I!

Толпа вздохнула облегченно: наконец-то остальное наше! Впрочем, не совсем. Как же быть с теми, кто остался на бригантинах? А зачем причислять их к нам, зашумели недовольные. Они теперь сами себе хозяева и пусть добывают все

услышать о себе такие слова. Индейцы панче, как и многие другие первобытные племена, практиковали обрядовое людоедство: считалось, что поедание тела убитого врага делает воина непобедимым

сами — так порешил сход. Однако предусмотрительный Кесада, памятуя о бесконечных склоках и счетах, которые губили и самых удачливых среди конкистадоров, выделил отставшим некую толику.

Раздел остального завершился быстро. Изумруды разложили на пять кучек согласно качеству и размеру, и каждый из конкистадоров подходил к ним и выбирал свою долю. Таким образом, каждый щитоносец-роделеро и мачетеро, имевшие право на одну долю, получили 510 песо чистого золота, 57 песо низкопробного золота и 5 изумрудов. Кесада в качестве заместителя губернатора и генерал-капитана экспедиции претендовал на пять частей.

Ничего, абсолютно ничего не досталось наследникам погибших во время экспедиции, если не считать тех жалких 200 песо, что были выделены на поминальные молебны. А умерших было много — более 500 человек. Да успокоит господь их души!

15 июня 1538 г. раздел благополучно завершился. Всего у муисков было отобрано более одной тонны золота.

Кесада решает оставить на некоторое время свою беспокойную братию, чтобы лично проверить, правда ли, что у индейцев мусо есть богатейшие залежи изумрудов. Но напрасно он думал, что в испанском лагере воцарились мир и спокойствие. Слишком велика была жажда наживы в сердцах конкистадоров, чтобы могла утолить ее доля, полученная каждым из них при разделе. Эрнан Кесада — он теперь замещал своего брата — не собирался покровительствовать Сагипе. Ведь тот еще ничем не расплатился за проявленную к нему «дружбу». А платить ему было чем. Разве сокровища убитого сипы Тискесусы не перешли к нему по наследству, и, говорят, они были немалые?! Так заверил его молодой соперник Сагипы. К тому же Сагипа — узурпатор и не имеет права распоряжаться этими богатствами.

Направляясь на встречу с Эрнаном в тот жаркий июньский день, Сагипа и не подозревал, что через мгновение он станет пленником. Его скрутили по рукам и ногам и учинили унизительный допрос. Сагипа заявил, что ему ничего не известно о кладе Тискесусы. Но свежи еще были в памяти испанцев воспоминания о лихой удаче Франсиско Писарро в Перу, чтобы отказались они повторить его эксперимент здесь, в стране муисков.

И вот под давлением Эрнана Кесады Сагипа пообещал испанцам заполнить целую хижину золотыми украшениями и выставить четыре больших блюда с изумрудами. Для сбора выкупа сипа испросил 20 дней сроку. Сагипу поселили рядом с домом Кесады и выставили у дверей часовых. Оставалось одно — ждать.

И действительно, все эти дни Сагипу посещало множество индейцев, они приносили сверкающие плюмажи из перьев диковинных птиц, морские раковины и костяные колокольчики. Однако золота не было. Возмущенные солдаты стали требовать ответа у Сагипы. «Дороже золота считаются эти вещи в моей стране»,— заявил им на это пленный правитель. Трижды просил сипа отложить срок исполнения обещания и наконец на требования испанцев ответил, что не может выполнить его: «Мои индейцы,— сказал он,— видя, что я взят под стражу и со мной плохо обращаются, спрятали все золото».

Испанский лагерь негодовал. Как только старший Кесада вернулся в Боготу, солдаты потребовали, чтобы он проучил сипу за обман. Генерал отдал приказ заковать индейца по рукам и ногам. Впоследствии, оправдываясь на суде в Испании, он скажет, что ограждал Сагипу от гнева конкистадоров, что оставил

ему жен и слуг и обходился с ним с почтением, которого требовал высокий сан знатного индейца.

Кесада решил заняться административными делами. Страна муисков была замирена. Наиболее могущественных ее правителей, как сипы Тискесусы и саке Кемуинчаточи, уже не было в живых, другие, подобно Сагипе, находились в плену и ничем не угрожали испанцам. Теперь можно было по-хозяйски оглядеться и распорядиться завоеванной страной. Каждого из своих солдат Кесада наделил землей вместе с сидевшими на ней индейцами. Индейцы должны были построить для новых хозяев дома, засадить поля, одеть и снабдить испанцев всем необходимым.

Себе Кесада взял плодородные долины вокруг Боготы. Отошли к нему и владения правителя Гуатавиты, с которым генерал был дружен. Гуаска Тикисоке крестился и принял имя дона Фернандо: всем представителям индейской знати в честь их древнего происхождения испанцы при крещении давали дворянское звание. Таким путем они надеялись превратить правителей в послушное орудие и с их помощью править покоренными му-исками.

В августе 1538 г. состоялась торжественная церемония: введение земель муисков во владение испанской короны. Близ Боготы собрался в полном составе отряд Кесады. Солдаты обнажили мечи и шпаги. Генерал Кесада несколькими ударами меча очистил от травы небольшую площадку и громко произнес: «Именем самого достойного короля — императора Карла V я беру во владение эту землю!» Краткий молебен закрепил новое владение испанской короны и на небесах. Страну нарекли королевством Новая Гранада. Как свидетельствует сам Кесада, он назвал открытые земли в честь испанской Гранады, в которой жил сам, потому что испанская и американская Гранады были очень похожи друг на друга — обе зажаты в горах, и климат в той и в этой был скорее прохладный, чем жаркий.. Так заокеанские колониальные владения Испании пополнились еще одним королевством.

Настало время отправиться в Испанию, чтобы по традиции тех лет представить королю отчет о совершенном открытии. Однако Кесаде пришлось отложить отъезд. До него дошла весть о том, что на восточных границах земель муисков находится храм Солнца. В ноябре 1538 г. Кесада, наблюдавший за строительством бригантин на берегу Магдалены, срочно возвратился в Боготу.

В лагере он застал смуту и разброд. Из знатного пленника Сагипа превратился в узника, осыпаемого оскорблениями и угрозами. Конкистадоры потеряли всякую надежду увидеть сокровища Тискесусы. Они потребовали, чтобы Кесада приказал подвергнуть пыткам непокорного правителя, силой вырвать у него тайну местонахождения клада.

Много лет спустя, давая объяснения в Совете Индий по этому поводу, Хименес Кесада скажет, что ему было трудно защищать индейца! Ведь испанские солдаты пустили слух, будто бы он был в сговоре с Сагипой, чтобы одному воспользоваться потаенными богатствами Тискесусы. Спасая Сагипу от разъяренной толпы, Кесада предложил судить его. Возможно, это и было выходом из положения. Завоеватели предъявили Сагипе иск на 10 миллионов золотых песо и 10 тысяч изумрудов. Выслушав обвинителя, защитника — им генерал назначил своего брата Эрнана, и свидетелей — индейцев, которые едва ли понимали смысл происходившего, Кесада вынес приговор: «Пытка веревкой, поскольку здесь, на земле, столь далекой от христианской, нет более соответствующих случаю орудий

пыток». Оговорка столь же красноречивая, сколь и циничная.

Под одобрительный ропот испанской солдатни с Сагипы сорвали одежду. Присутствовавшие при сем индейцы стыдливо опустили глаза, ибо нет большего позора для повелителя, чем явиться обнаженным перед своими подданными. И вот уже руки его закинуты назад и крепко связаны. Еще мгновение, и могучее тело индейца провисло на искалеченных руках. Медленно опускается и вновь подымается веревка, а вместе с нею и Сагипа. Великий сипа молчал.

Ничего не добившись, испанцы вновь посадили его в тюрьму. А в феврале 1539 г. Богота была дотла опустошена страшным пожаром, подозрения пали на Сагипу. Его вновь пытали, и павший духом правитель пообещал своим мучителям показать место, где был спрятан клад Тискесусы. А кто знает, может быть он хотел в последний раз посмеяться над завоевателями? Высоко в горах, в местечке, где были горячие источники, Сагипа указал место. Много ям вырыли испанцы, но ничего в них не нашли. Взбешенные, они схватили Сагипу и исполосовали ему ноги, а затем поднесли к ним огонь. Молчание, гордое молчание было им ответом.

Впоследствии нашлись свидетели, которые уверяли, что пытал Сагипу Эрнан Кесада. Потерявшего сознание, окровавленного Сагипу снова привезли в тюрьму, где 8 апреля 1539 г. он умер. Если верить утверждениям старшего Кесады, он отсутствовал в это время и слишком поздно узнал о случившемся. Возможно, это было и так. Конечно, многие подробности событий тех дней навсегда останутся неизвестными, но ясно одно: Кесада, с честью выходивший и из более трудных положений, не использовал до конца свою власть и авторитет, чтобы спасти жизнь индейского правителя. Дабы соблюсти форму закона, столь дорогого сердцу каждого испанца, Эрнан Кесада как старший судья пообещал ознакомить Совет Индий с делом погибшего касика Сагипы.

Теперь уже ничто не задерживало Кесаду в стране муисков. Давая последние наставления, он не предполагал, что капризная судьба готовит ему коварный удар. Вернее, сразу два удара.

История седьмая
ВЕЛИКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Так случилось, что капитан Себастьян Белалькасар, заместитель маркиза Писарро, который открыл провинцию Кито, следуя берегом Южного Моря, и Николас Федерман — заместитель губернатора в провинции Венесуэла, что принадлежит Вельзерам, соединились в этом селении Санта-Фе с людьми из Санта-Марты; каждый из них пришел в эту хорошую землю своей дорогой.
Из сообщения в Совет Индий. 1539 г.

Истинным провидцем был генерал-капитан Кесада, когда на берегах Магдалены призывал поторопиться своих отчаявшихся солдат. Сам того не ведая, он угадал правду: одновременно с ним путь в страну муисков прокладывали еще два конкистадора.

В дождливый мартовский день 1539 г. от капитана Ласаро Фонте, который жил тогда на южных землях муисков, пришло неожиданное сообщение. Как

обычно, оно было записано на только что выделанной оленьей шкуре: «Сеньор генерал! — писал Фонте.— Вчера около селения Паска появилась группа неизвестных христиан, их ведет некий Николас Федерман, немец».

Чтобы понять, что искали немцы в Новом Свете, нам придется пересечь Атлантический океан и вернуться в Европу.

В Испании XVI в. многие торговые и административные дела вершили иностранцы — немцы и фламандцы, генуэзцы и флорентийцы. Богатейшие немецкие торговые дома — Вельзеры и Фуггеры в Аугсбурге и Эйхингеры в Констанце — давно были кредиторами испанской короны. Когда же испанский король Карл I стал в 1519 г. императором огромной Священной Римской империи, в которой объединились Испания, Нидерланды, Германия и часть Италии, влияние иноземных, и прежде всего немецких, купцов и банкиров в жизни страны еще более возросло. Даже и по нашим масштабам размах деятельности немецких торговых домов был огромным. Только оборотный капитал Фуггеров, выраженный в золоте, по подсчетам современников, равнялся пятнадцати тоннам.

У Вельзеров были свои торговые отделения в Нюрнберге, Франкфурте, Лейпциге и Кельне, в Лионе и Женеве, в Риме, Милане и Неаполе, в Антверпене, Вене, Лиссабоне, в Барселоне, Сарагосе и, конечно, в Севилье. Компания имела собственного представителя при королевском дворе. Судя по сохранившимся бухгалтерским книгам, Вельзеры поддерживали тесные коммерческие связи с тридцатью семью городами Европы. Интерес самих Вельзеров к торговле восточными пряностями уходит в далекую древность. Уже в 1368 г. торговля эта была весьма оживленной. И естественно, что открытия Колумба не могли оставить равнодушными Вельзеров. В 1493 г. они вели переговоры с португальским двором о том, чтобы под началом немецких капитанов послать самостоятельную экспедицию на поиски пути в Катай (Китай).

Чем глубже внедрялись испанцы в Западные Индии, тем сильнее разгорались аппетиты Вельзеров.

В 1526 г. в Санто-Доминго была учреждена первая немецкая торговая фактория. А спустя два года севильские торговые агенты Вельзеров Энрике и Херонимо Вейлеры подписали с испанской короной договор на завоевание и заселение Венесуэлы. Так в покорение Нового Света включились и немецкие конкистадоры, вот почему новая глава в истории Венесуэлы была отмечена эпохой правления немцев.

По условиям договора Вельзеры и Эйхингеры обязались:

1)- завоевать всю Венесуэлу от мыса Ла-Велы до мыса Маркапаны и заселить ее немецкими колонистами, насколько возможно, без ограничений;

2) основать на завоеванных землях колонии и построить крепости для их охраны;

3) снарядить четыре корабля, вооружить 300 солдат и нанять 50 опытных немецких рудокопов для разработки залежей золота, серебра и других металлов.

По разным известиям, императору Карлу V было уплачено за совершение этой сделки от пяти до двенадцати тонн золота. В результате переговоров Вельзеры и Эйхингеры получили неограниченные полномочия. Испанская корона даровала им вечное право верховного суда над жителями покоренных земель, а также право обращать индейцев в рабство. Губернаторов же и

королевских наместников в Венесуэлу Вельзеры и Эйхингеры назначали из членов своих семей с ежегодным окладом в 300 тысяч мараведи[16], при этом все титулы передавались по наследству. Немецкие торговые дома могли также беспрепятственно ввозить в Индии и вывозить оттуда разные товары без всяких пошлин (соль, например), владели собственным флотом, занимались работорговлей. Испанский королевский двор без особого воодушевления следил за деятельностью всемогущих немцев в Новом Свете, не без основания опасаясь, что земли, предназначенные Испании самим провидением, могут оказаться под немецкой пятой.

Испанский хронист Бартоломе де Лас-Касас в своей «Краткой истории разрушения Западных Индий» отметил это событие примечательным заголовком: «Как исключительно богатая провинция Венесуэла была разграблена и опустошена немцами».

В 1529 г. на ее берегах высадился первый представитель дома Эйхингеров Амбросио Эйхингер или, как называли его испанцы, Альфингер. Сначала он безуспешно пытался наладить ловлю жемчуга на побережье, затем несколько раз обошел озеро Маракайбо, разграбив на своем пути все индейские селения. Добыча, однако, оказалась невелика. Тогда Альфингер пересек северные отроги Восточных Кордильер, вторгся во владения индейцев тайрона и бонда и вышел к низовьям реки Магдалены. Но и в этих местах он добыл так мало золота, что оно никак не могло удовлетворить аппетиты немецких компаний, которые рассчитывали найти здесь по крайней мере свою Мексику. Они посылают нового добровольца попытать счастья в далекой Америке. Им оказался молодой Николас Федерман из Ульма.

В XVI в. Ульм был вторым после Аугсбурга городом в Средней Германии. С конца XVI в. город получил право чеканить свою монету, «ульмское золото» было одним из самых надежных в европейской торговле. Платки и шали из Ульма пользовались заслуженной славой в соседних странах, и ни один испанский путешественник не пускался в дорогу, предварительно не обзаведясь «ольмскими накидками».

В одной из зажиточных ульмских семей между 1505 и 1510 гг. и родился Николас Федерман. Он был современником Кесады и Алонсо де Луго и принадлежал ко второму поколению конкистадоров. Юность свою Федерман провел в Венеции. Подобно другим отпрыскам из состоятельных бюргерских семей он постигал в ней, столице мировой торговли, азы и премудрости торгового дела, изучал географию, навигацию и итальянский язык.

В 1529 г., покинув мирные холмы и долины Швабии, Николас отправился в Новый Свет в качестве торгового агента дома Вельзеров. Напрасно тщеславные потомки Федермана изображали его на портретах в стальных латах, в шлеме, осененном пышными перьями. Нет, юный Федерман из Ульма начинал свой путь в Америке как обычный торговец и солдатом был прескверным. После первой же стычки с индейцами он обратился в позорное бегство, на поле боя остались разбитый щит и поломанная шпага.

В 1530 г. Федерман назначается заместителем губернатора Альфингера, генерал-капитаном и старшим судьей провинции Венесуэлы и, не теряя времени, отправляется в первое свое путешествие в глубь страны. Цель экспедиции — найти выход к Южному морю, то есть к берегам Тихого океана, от которых, как

[16] Мелкая разменная монета. 450 мараведи равны 1 песо.

считалось, рукой подать и до островов пряностей. Южного моря он не нашел, однако успел оставить память о себе везде, где ни побывал. Так, первым делом он разграбил пять индейских селений в окрестностях города Коро, а 500 индейцев увел с собой в глубь Венесуэлы.

Хронисты спорят, кто из них двоих — «мисеро» (презренный) Амбросио или «мисеро» Николас ввел обычай надевать на индейцев-носильщиков железные ошейники, которые соединялись общей цепью. Если один из носильщиков падал замертво, его не расковывали. Дабы не терять драгоценного времени, голову умершего просто снимали с плеч. Отряд следовал дальше.

Как правило, в каждом селении Федерман забирал все ценное — маис, картофель, плоды, плащи из хлопка. Золото вымогали так: всех индейцев сгоняли в особый загон и выпускали из него за выкуп — по одной золотой поделке за каждого члена семьи. Бартоломе де Лас Касас в самых черных красках рисует портреты немецких конкистадоров: «Альфингер и Федерман прославились... более неразумной и кровожадной жестокостью, чем жестокость самых лютых тигров, бешеных волков или львов. Ослепленные корыстолюбием, они проявили такую алчность, прибегали к таким искусным путям в добыче и грабеже золота и серебра, отбросив при этом весь страх перед богом, королем и весь человеческий стыд, что никто из конкистадоров не может с ними сравниться». В 1530 г. Федерман дошел почти до отрогов Восточных Кордильер, где не раз получал сведения о богатой золотом стране по ту сторону гор. Однако болезни, голод и людские потери заставили его вернуться обратно.

Федерман отбывает в Европу. За короткое время он пишет «Индийскую историю» — путевой дневник и отчет об экспедиции одновременно. В нем он стремился показать, сколь богатые перспективы открываются перед Вельзерами в благословенной богом Венесуэле. И кажется, ему удалось убедить своих хозяев. В 1533 г. он подписывает с домом Вельзеров контракт, «стандартный» контракт, который обеспечивал- все мыслимые гарантии компании и предъявлял Федерману поистине драконовские требования.

Николас Федерман должен был в течение семи лет верой и правдой служить Вельзерам, способствовать любой деятельности, имеющей целью «благосостояние и благоприобретение» последних, вести «все торговые дела, переговоры и операции».

В течение долгих семи лет он не имел права отказаться от службы, а вот Вельзеры могли прогнать его в любой момент, даже «если бы на это не было никакой причины». В таком случае Федерману запрещалось впредь заниматься каким-либо торговым делом.

Ему надлежало выполнять любые — письменные и устные приказы хозяев, представлять отчеты в любое время, когда от него это потребуют, воздерживаться от азартных игр, в которых он мог бы потерять деньги, и сторониться общества «дурных женщин». После смерти Федермана его наследники должны были принять окончательный расчет, представленный компанией, без права требовать каких-либо объяснений.

Поистине красноречивый документ, поистине кабальный, откровенно хищнический договор! Семейство Вельзеров выжимало все соки из тех, кто нанимался к ним на службу. В этом скоро убедился не один только Федерман. Расчет, граничащий с грабежом, цинизм, переходящий в жестокость, посулы райской жизни, которые обернулись предательством,— все это испытали на себе

не только индейцы, но и соотечественники Вельзеров — немецкие рудокопы.

Большая часть рудокопов была законтрактована Вельзерами в Силезии. Открытие залежей серебра в Силезии в конце XV в. вызвало прилив туда крестьян и ремесленников, но скоро рабочих рук стало слишком много. Вельзеры воспользовались безработицей и нищетой силезских горняков. Первый договор был подписан в июле 1528 г. 14 рудокопов обязались выехать в Санто-Доминго на «свой счет и риск» по морю или по суше. Им не обещали ни твердого заработка, ни иных гарантий, лишь выдали небольшую сумму на проезд до пункта назначения. Чуть позже к первой партии присоединились и другие добровольцы.

Продав свое имущество, люди отправились в далекий путь. Сначала они плыли по Эльбе до Гамбурга, затем добрались морем до Амстердама и к концу 1528 г. оказались в Севилье.

На севильских улицах только и было что разговору о богатствах заморских земель. Уповая на лучезарное будущее, рудокопы подписали дополнительное соглашение. Вельзеры гарантировали им питание в течение первых трех месяцев жизни в Америке, обещано было и твердое жалованье. С рудокопов взяли слово не работать ни на себя, ни на третьих лиц, а также не сообщать посторонним каких-либо сведений об Индиях без разрешения на то компании. «Если же через год кто-нибудь из рудокопов заболеет из-за климата или условий жизни,— елейно вещал текст соглашения,— тот будет немедленно за счет торгового дома перевезен в Европу».

В 1529 г. в Санто-Доминго собралось 80 немецких рудокопов. Однако то, что ждало их на венесуэльской земле, оказалось страшнее всех мук ада. Вельзеры не выполнили ни одного своего обещания. С первых же дней заболели почти все рудокопы, и ни один не получил ни еды, ни питья. Не нашлось ни одного человека, который взялся бы помочь им.

«С нами обращались как с собаками, а не как с христианами, запрещали, чтобы на- лечили и снабжали припасами».— «Да и залежей мы никаких не нашли, хоть и искали, ибо почвы здесь совсем иные, и, чтобы найти что-либо, надо родиться в Индиях».— «Жара была столь велика, что туземцы ходили обнаженными, без всякого стыда. После девяти утра ни один немец не мог появиться на солнце, не теряя при этом сознания. Земля вредна для здоровья, есть и пить на ней нечего, кроме гнилой воды, кореньев, да трав» — вот выдержки из жалоб тех немногих счастливцев, которым удалось возвратиться в Европу. Да и то только потому, что их пожалел капитан корабля: а между тем у него был строгий приказ Вельзеров — бросить несчастных на африканском берегу.

Федерман знал, на что шел, когда подписывал сей кабальный контракт. Но он надеялся на удачу и в 1534 г. отправился в Венесуэлу. У него были свои планы, свой ключ к успеху. Федерман полагал, что знает дорогу в Эльдорадо.

Первым ее обозначил Эрнандо Писарро, который вез золото Атауальпы в Испанию и остановился проездом на Антилах. На настойчивые вопросы, где находится «Дорадо», он отвечал, что искать его надо по прямой линии, если вести ее на юг между островами Эспаньола и Сан-Хуан, другими словами, где-то в Венесуэле. Эрнандо Писарро дал заведомо неправильный адрес, чтобы сбить с толку всех, кто рвался в Перу.

Однако его слова были приняты как должное именно потому, что задолго до появления старшего Писарро в Санто-Доминго там уже ходили слухи о золотой стране где-то в глубине карибского побережья. Виновником их был

Амбросио Альфингер, который во время экспедиция на Магдалену услышал от местных индейцев об исключительно богатой стране Херира. Название это не было вымыслом. Херира — плоскогорье к северу от страны муисков, в нескольких переходах от реки Лебрихи, которой достиг Альфингер. Но к тому времени у него уже не было ни средств, ни проводников, чтобы продвинуться хотя бы на шаг дальше. На обратном пути Альфингер был убит индейцами. Сообщения о стране Херира вскоре приобрели таинственный смысл, так появился новый вариант «Дорадо».

Сама Венесуэла давала много пищи этим слухам. Истоки рек Меты и Гуавьяре зарождались на восточных склонах Кордильер, по другую сторону которых, по рассказам индейцев гуахибо, живших окрест, была богатая золотом страна. Так родилась версия о «Дорадо-Гуахибо». Федерман, которому отлично известны были все три версии Эльдорадо, пришел к выводу, что они исходят из одного источника, и он, кажется, знал, где его искать.

Коро, колония, которую немцы основали на восточном берегу озера Маракайбо, переживала лихие времена. Письмо, отправленное кабильдо (городским советом) в Севилью в начале 1535 г., рисует обстановку в городе в самых мрачных красках: «...в Коро насчитывается 140 колонистов, из которых две трети — тяжело больны, и все так бедны, что у многих нет даже рубашки, чтобы прикрыть наготу. Обладатель плаща из хлопка денно и нощно благодарит Господа за оказанную ему милость. Все жители — поголовные и безнадежные должники Вельзеров, а задолжали они и за лошадей, и за ткани, и за провиант. Чтобы уплатить все эти долги, нужно отыскать новое Перу!»

Вельзерам стало ясно, что Венесуэла оказалась отнюдь не земным раем. Это была узкая прибрежная полоса с невыносимым для европейцев климатом, бедными каменистыми почвами — на них ничего не родилось! Не было здесь обещанных легендами золотых рудников. Вдоль берега тянулись горы, а в горах таились воинственные племена индейцев, которые стояли на страже внутренних областей. Вот почему Вельзеры, нарушив все свои обещания, в одностороннем порядке прекратили всякое снабжение колонистов и солдат, прибывших в Венесуэлу. У тех оставался только один выход: пробиваться внутрь материка, чтобы не умереть голодной смертью на берегах Атлантики!

В конце 1535 г. Федерман вышел из Коро. Снаряжение, боевые припасы, инструменты, провиант и материалы, предназначенные для постройки крепости близ мыса Ла-Велы, были погружены на три корабля. Возведение крепости на западном берегу озера Маракайбо было одной из первостепенных задач экспедиции Федермана, ибо тем самым Вельзеры заявляли свои права на эту область. «Все были совершенно уверены, что эта экспедиция будет весьма удачным путешествием и что в январе 1536 г., в разгар лета, ее участники будут на берегах Магдалены» — так напишет впоследствии Николас Федерман. Судьба рассудила иначе.

Поначалу Федерман направился было в предгорья Сьерры-Невады, чтобы проникнуть оттуда в таинственную страну Херира, о которой мечтал его предшественник Альфингер. Однако, извещенный о том, что из Санта-Марты двинулось на юг внушительное войско Кесады, он переменил решение. И поступил благоразумно. Ведь Кесада получил от губернатора Луго приказ во что бы то ни стало воспрепятствовать попыткам солдат Вельзеров вторгнуться на территорию губернаторства Санта-Марты.

Федерман повернул обратно в Коро, откуда в октябре 1537 г. вышел с отрядом из 300 пеших солдат и всадников. Теперь он избрал путь через восточные льяносы, которые омывали реки Мета и Гуавьяре. Это была дорога на «Дорадо-Гуахибо», она и должна была привести солдат в страну Херира. По правую руку от них громоздились Восточные Кордильеры. Этот путь был немного знаком Федерману по прежним экспедициям. Перешли реку Пауто (приток реки Меты), затем саму Мету и двинулись к истокам реки Папамене, то удаляясь от Кордильер, то приближаясь к ним вплотную. Федерман, как и многие его предшественники, заблуждался, полагая, что этот горный массив подобно Сьерра-Неваде под Санта-Мартой был окружен тропической сельвой и что его можно обойти с востока. А между тем горам не было видно конца.

За время этого тягостного пути Федерман стяжал себе славу одного из самых жестоких конкистадоров. Участники его экспедиции засыпали Совет Индий потоком жалоб. Вероятно, кое-что они и преувеличили: ведь Федерман был немцем, многие члены его отряда — испанцами, а испанцы, немцев не жаловали. Однако многие факты, упомянутые в этих документах, .достоверны. Вот они.

Два испанца из Санта-Марты, случайно попавшие в отряд Федермана, пожелали вернуться обратно, но были по приказу Федермана повешены. Солдат Дельгадо поплатился жизнью только за то, что забыл на привале свою шпагу. Федерман зажал его руку в стремени и пришпорил коня. Тело солдата тащилось по земле до тех пор, пока тот не испустил дух. Солдат Овьедо был наказан сотней ударов палкой, чтобы впредь не сходил с дороги.

Те, кто не мог идти, так и оставались лежать на тропе. Не раз, возвращаясь старыми путями, оставшиеся в живых видели, как тела их товарищей растаскивали птицы. Федерман спокойно говорил в таких случаях: «Что я могу поделать? Это война! Слабые умирают первыми!»

Над участниками экспедиции постоянно висела угроза голодной смерти. Многие утверждали, что по 40 дней питались травой, кореньями, тростником, улитками. Если же удавалось разжиться маисом, капитан половину брал себе, а остальное скармливал лошадям. Правда, впоследствии Федерман уверял, что в пути он кормил больных птичьим мясом, сам же довольствовался маисовыми зернами.

Лишь в феврале 1539 г. в истоках реки Гуавьяре Федерман впервые встретил индейцев, у которых в ушах были изящные золотые украшения. Оказалось, что они получают их от богатого народа, что живет по ту сторону Кордильер. Это была первая весть о муисках. Федерман решил подняться в горы. 40 дней понадобилось для этого, причем три недели пришлось идти по бесплодным верховьям реки Арьяри, а затем пересечь холодные ненаселенные плоскогорья — парамо Сумапаса. Много индейцев, испанцев и лошадей замерзло в пути. Память об этом походе сохранила карта этих мест. До сих пор одна из местных вершин в отрогах Кордильер носит имя Федермана.

Когда наконец измученные и обессиленные солдаты Федермана в начале марта 1539 г. вышли в долину Паска — а лежала она на южных рубежах страны муисков,— их постигло страшное разочарование. Со слов Ласаро Фонте, они узнали, что еще два года назад все прилегающие долины и горы захватили люди Кесады. Вскоре и сам генерал примчался на встречу с Федерманом. Подчеркнуто по-хозяйски пригласил он соперника пожаловать к нему в Боготу на отдых.

Предстояло решить щекотливый вопрос: кому из них двоих принадлежит земля муисков. В конце концов решили обратиться в Совет Индий как к высшей инстанции по разбору спорных дел.

А пока суд да дело, 27 марта 1539 г. Федерман подписал соглашение с Кесадой: он передал всех своих людей под начало генерала, чтобы они во всем ему помогали. Со своей стороны Кесада дал ему золота на 4 тысячи песо и на такую же сумму изумрудов, а также выделил ему во владение индейцев селения Тинхаки. Вельзеры утверждали, будто Федерман получил 15 тысяч песо. Так или иначе, но богатств у Федермана не было при жизни, их не обнаружили и после его смерти. Впоследствии Кесада с похвалой отзывался о том стремлении к миру и выдержке, которые Федерман проявил в эти тревожные и напряженные дни.

Беспокойные времена наступили для генерала Кесады. Не успел он оправиться от потрясения, которое вызвал в его лагере неожиданно появившийся Федерман, как опять-таки с юга пришло новое известие: через Магдалену переправился неизвестный отряд испанцев и движется по направлению к Боготе.

Так кто же были эти очередные претенденты на богатые земли муисков? Откуда пришли эти незваные гости? Путь их начался далеко на юге, в легендарном Перу.

Сын лесника, торговца лесом из городка Белалькасар, что в Эстремадуре, Себастьян вовсе не мечтал о заморских подвигах. Если бы не осёл, безнадежно застрявший в трясине, и страх перед наказанием, он, верно, и не появился бы в Кадисе. А там на пристани стояли корабли, готовые уйти в Атлантику. Бурное плавание через океан молодой Себастьян предпочел бурному объяснению с хозяином погибшей скотины. Скрыв свою подлинную фамилию, назвавшись Себастьяном из Белалькасара, он сел на корабль и вскоре оказался в Новом Свете. Первое время он обретался в Панаме, потом в Никарагуа, где основал город Леон. В 1530 г. судьба свела его с Франсиско Писарро. Вместе с ним Себастьян Белалькасар добрался до перуанских владений. Кое-что ему досталось при разделе сокровищ страны инков. Но вот беда — награбленного оказалось мало, а желающих прибрать к рукам богатства этой необычной земли с каждым днем становилось все больше.

И не случайно взор беспокойного дона Себастьяна устремился к северным областям Перу. Здесь, на американской земле, самые необычайные слухи постоянно распаляли воображение завоевателей; то здесь, то там счастливцы открывали благодатные земли; жажда все новых обретений одолевала воинов конкисты. Вот почему Себастьян Белалькасар в качестве заместителя Писарро отправился на покорение северных племен, их столицы города Кито. Много индейских селений разорил он, много новых земель завоевал, однако все это принадлежало Франсиско Писарро, от имени которого он действовал. А между тем Белалькасар мечтал отделиться от Писарро. Именно в это время, летом 1535 г., и произошла знаменитая встреча в селении Льяктасинга с исхудавшим пленным индейцем. То, что поведал этот индеец, могло озадачить и самого бывалого конкистадора.

По словам пленного, его привела в Кито чрезвычайно важная миссия: грозный правитель страны Кундинамарки, что раскинулась к востоку от Анд, просил военной помощи у инки Атауальпы против своих врагов. «Ты опоздал, посланец. Великий инка мертв»,— ответил Себастьян. «А далеко ль находится твоя земля?» — «Десять или двенадцать лун пути, о господин».

Когда индейца далее спросили, имеется ли в его стране желтый металл (ему показали при этом на золото), он с готовностью ответил, что его у них вдоволь. «А великий касик,— сказал он,— украшает себя сверкающими зелеными камнями и имеет обыкновение натираться золотым порошком и смывать его в водах озера». Эта весть прозвучала для всех как удар грома, как подарок самого провидения. Немедленно решили искать страну этого чудесного «позолоченного человека» — «эль омбре дорадо», или Эльдорадо.

По словам индейца, страна находилась за восточными склонами Анд. Но почему все же Белалькасар не повернул на восток сразу после Кито? Да потому, что, даже если ему и удалось бы найти страну чудесного «золотого касика», она опять-таки подпадала под начало Писарро. Ведь ему принадлежали 270 лиг Тихоокеанского побережья к северу и югу от Лимы и внутренние области.

Вот почему Белалькасар в декабре 1537 г. устремился от Кито на север. Отряд состоял из 300 человек; каждый шестой на коне. За отрядом следовал огромный караван носильщиков и внушительное стадо свиней. Одних носильщиков — а это были индейцы кечуа, силой уведенные Белалькасаром,— насчитывалось около 5 тысяч человек. Все это войско, растянувшись на добрых пол-лиги, направилось по горным перевалам к Западным Кордильерам, высокой цепи, что вытянулась вдоль Тихого океана. Испанцам открылись благодатные долины, плодородные и цветущие. На месте оживленных индейских селений Белалькасар заложил города Попаян, Кали, Ансерму и другие. И только после этого в июле 1538 г. он двинулся на восток. «Я,— писал он впоследствии,— отправился через снежные вершины, я шел через них восемь месяцев и постоянно на каждом переходе встречал на своем пути многочисленные селения, и еды там было вдоволь».

В начале 1539 г. отряд Белалькасара вышел к верховьям Великой реки — Магдалены. С трудом он переправился на правый берег и прошел 80 лиг вниз по течению. Однако топкие чащобы (в свое время они основательно измотали солдат Кесады) заставили Белалькасара перейти реку и продолжать спуск по левому берегу. Впрочем, и здесь было не лучше. Так же как и в свое время Кесада, Белалькасар не предполагал, что вожделенное Эльдорадо лежит еще восточнее, за горной грядой, по правую руку от него. И кто знает, может быть, отряд Белалькасара так и дошел бы до самого устья Магдалены, как вдруг на противоположном берегу появились неизвестные всадники. Это был Эрнан Кесада, высланный на разведку. Нельзя сказать, чтобы Белалькасар был рад этой нежданной встрече. Он уже было принял решение вновь одолеть центральный массив и вернуться в плодородные долины реки Кауки. Там по крайней мере он был единственным хозяином. Анонимный историк утверждает, что Эрнан Кесада буквально умолял его «заглянуть» в Боготу. Дело в том, что в лагере Кесады истощились все запасы оружия, а у «перулерос» — испанцев, прибывших из Перу, было чем поживиться. Уступив настояниям, те поднялись в Восточные Кордильеры и вышли к столице муисков почти одновременно с Федерманом.

В истории завоевания Нового Света это было единственное в своем роде зрелище. У индейской Боготы на равнине раскинулись треугольником три лагеря, в каждом из них, как уверяют хронисты, было по 160 солдат, по одному капитану и одному монаху. Все эти три отряда конкистадоров начали свой путь соответственно с севера, северо-востока и юго-запада Южной Америки. Однако судьбе было угодно распорядиться так, чтобы они встретились в стране муисков.

Лагерь перуанцев утопал в довольстве и изобилии. Здесь ни в чем не нуждались. Одетых в бархат, шелк и атлас солдат Белалькасара обслуживала многочисленная индейская свита, огромное стадо свиней избавляло их от забот о провианте.

Люди Кесады были одеты скромнее. Давно превратились в прах их камзолы и куртки. Теперь испанцев было трудно отличить от муисков — ведь на солдатах красовались плащи, рубашки и шапки, изготовленные индейскими мастерицами.

Уныло выглядел немецкий лагерь. Солдаты Федермана с трудом приходили в себя после изнурительного похода. Покрытые шкурами диких зверей, изможденные и отощавшие, они отнюдь не украшали это сборище завоевателей.

Непредвиденная встреча трех вооруженных отрядов конкистадоров, каждый из которых защищал свои собственные интересы, была чревата самыми мрачными последствиями. Здесь к месту было бы вспомнить о судьбе братьев Писарро. Несмотря на то что страна инков была завоевана общими усилиями, раздоры и распри между конкистадорами, по временам затихавшие, вскоре вспыхнули с такой силой, что в 1537 г. вылились в ожесточенную распрю. Одиннадцать лет шли в Перу непрерывные усобицы. Сначала в мир иной отправился главный герой конкисты Перу Франсиско Писарро, за ним последовали три его брата и главные соперники Франсиско Писарро — Диего Альмагро и его сын, совсем еще юноша. При этом сложило голову множество «писарристов и альмагристов», соратников вождей-соперников. Нечто похожее могло произойти и в Новой Гранаде.

Для Кесады наступило время другой войны — войны без выстрелов, войны нервов, в которой побеждал самый выдержанный и хладнокровный.,

Все говорило о том, что взрыва не избежать. Федерман утверждал, что Новая Гранада принадлежит Вельзерам. Чтобы обосновать свое право на Новую Гранаду, Белалькасар заявил, что она и есть Эльдорадо, ради которого он покинул Перу.

Казалось бы, превосходство Кесады было налицо: он первым проник на земли муисков и к приходу соперников успел завоевать большую часть племен, которые жили в этих горах. Успехи Кесады никто не мог подвергнуть сомнению. И все-таки у него было уязвимое место: его боевые припасы подошли к концу. Не было ни седел, ни подков, почти все кони хромали, а какая же без этого конница! Не было пороха для ружей и аркебузов, изъеденные ржавчиной шпаги ломались при первом же ударе. Несколько негодных арбалетов, горсть наконечников для копий да десяток мачете — вот и все его снаряжение.

Начнись вооруженная борьба, Кесаде и его людям пришлось бы сражаться врукопашную. А между тем солдаты Федермана, хотя и выглядели потрепанными, принесли с собой инструменты из железа, гвозди, мечи и пики. В отряде Белалькасара всего этого добра также было вдоволь.

Достоверно известно, что Кесада и Белалькасар стремились заполучить в союзники Федермана. Белалькасар не раз уговаривал немца соединиться с ним и выгнать Кесаду из Новой Гранады. И все-таки взрыва не произошло, очевидно благодаря исключительным дипломатическим способностям Кесады. Он заключил договор и с Белалькасаром. Тот обещал продать людям Кесады большую часть амуниции и снаряжения. 40 перуанцев решили остаться в Новой Гранаде, остальные вернулись на завоеванные ими земли в долине реки Каука.

Генерал Кесада поспешно завершал административные дела. После опустошительного пожара, спалившего дотла индейскую Боготу, Кесада обратился к дону Фернандо де Гуатавите с просьбой прислать мастеров для застройки нового города. Его заложили в живописном местечке Теусакильо на левом берегу реки Боготы, где раньше располагалась летняя резиденция сипы. Индейцы быстро и ловко возвели каркасы 12 домов и покрыли их на индейский манер пальмовыми листьями. Посредине оставили место для кафедрального собора. Новый город нарекли Санта-Фе-де-Богота (Богота святой веры)[17]. 27 апреля 1539 г. состоялось торжественное освящение новой столицы.

Три претендента на Новую Гранаду решили отправиться в Испанию, чтобы потребовать у Совета Индий третейского суда. Однако в последний момент Белалькасар тайно вызвал своих людей в порт Гуатаки, где стояли бригантины. Коварный перуанец хотел силой посадить своих соперников на корабли, а сам остаться в стране муисков единственным ее хозяином. И если бы к пристани не подоспел Эрнан Кесада с солдатами, этот вероломный план вполне мог бы осуществиться.

Памятуя об этом событии, Кесада настоял на том, чтобы впредь они путешествовали только вместе, втроем. В начале июня 1539 г. эта могучая троица пустилась вниз по Магдалене в обратный путь. Теперь Кесаде и его спутникам предстояло завоевать признание в Европе. И как знать, не будет ли это делом более трудным, чем их заморская одиссея.

История восьмая
СО ЩИТОМ ИЛЬ НА ЩИТЕ?

Ох, уж эти мне жалобщики из Индий! Честное слово, среди живущих там нет недостатка в клеветниках!
Из письма архиепископа Луиса Сапаты. 1550 г.

С волнением вглядывался Кесада в знакомые берега. Дикие, полузатопленные чащи. Гиблые места. Тишина. На душе его росла тревога. Впрочем, и настроение его спутников отнюдь не было безоблачным.

Все трое с беспокойством думали о будущем. Что мог предложить Федерман всемогущим Вельзерам после долгих и бесплодных скитаний? Ничего, кроме Новой Гранады. Доказать, что она часть территории Венесуэлы и, следовательно, принадлежит его хозяевам, было для него делом жизни. Белалькасар также не был уверен в благополучном исходе своих хлопот при дворе. Самовольно сбежав от своего начальника Франсиско Писарро, он продолжал оставаться у него в подчинении и новые земли открывал под его знаменами. Сам Кесада, который завоевал страну муисков, мечтал стать губернатором этих земель на законном основании. Но ведь он знал, что преимущественное право на них имеет сын умершего Педро Фернандеса де Луго небезызвестный Алонсо.

Всего две недели понадобилось кораблям, чтобы спуститься к устью Магдалены. А два года назад на этот же путь ушло долгих 11 месяцев. Напоследок Магдалена преподнесла путникам сюрприз: ее ревущие бурные воды отнесли

[17] * В XVI—XVIII вв. город обычно называли сокращенно — Санта-Фе.

суда далеко на запад. И пришлось конкистадорам отдать якорь не в Санта-Марте, куда они направлялись, а в Картахене.

Жители пыльной Картахены с превеликим удивлением наблюдали за высадкой экипажа двух легких бригантин. По виду как бы испанцы, но в диковинных и ярких плащах. Вся живописная группа быстрым шагом направилась к зданию местного кабильдо. Через день все уже знали, что знаменитый Гонсало Хименес де Кесада, правая рука почившего губернатора де Луго, вернулся из дальних странствий живым и здоровым и с кошельком, туго набитым золотом.

И не успел Кесада осмотреться, как на горизонте появился одноглазый капитан Гальегос! Он не мог простить Кесаде его удачи и немедленно сочинил объемистую жалобу, в которой обвинил генерала во всех смертных грехах, особенно напирая на то, что тот присвоил его долю добычи.

Пришлось Кесаде вспомнить юность, запутанные процессы, в которых ему приходилось участвовать, чтобы со знанием дела отвести все упреки бывшего соратника. Ему удалось перенести тяжбу в высшую инстанцию — Совет Индий, но грозные предчувствия сжимали его сердце. Надвигалась новая полоса в его жизни, когда надо было с не меньшим упорством отстаивать свое право на завоеванную им страну. На смену мушкетам и индейским стрелам пришло другое оружие — клевета и подлоги, зависть и связи при дворе. Это была другая конкиста — без запаха пороха и свиста стрел, но и она, Кесада знал это, обильно сеяла смерть и бесчестье.

В июле 1539 г. три конкистадора отплыли из Картахены в Испанию на бригантине «Сан-Хуан». Из-за сильных ветров корабль не смог пристать ни в Кадисе, ни в Сан-Лукар-де-Баррамеде. Только в Малаге им удалось сойти на берег. И здесь пути трех завоевателей, судьбы которых так причудливо переплела капризная фортуна, разошлись, и разошлись навсегда.

Сразу же повезло Белалькасару. Он не получил Новую Гранаду, но зато был назначен губернатором провинции во главе с городом Попаяном и стал хозяином огромной и богатой страны. Долины Западных Кордильер и берега реки Кауки густо заселяли трудолюбивые индейцы, искусные земледельцы и ювелиры. Так Себастьян Белалькасар, долгое время бывший лишь тенью Франсиско Писарро, сам стал владетельным сеньором.

Что же произошло с двумя остальными нашими героями?

Николас Федерман прямо из Малаги направился в Севилью. Настроение у него было бодрое. В письме к другу он беззаботно писал: «Если мои услуги не оценят так, как они этого заслуживают, я останусь в Европе, где на 20 тысяч дуро проживу легче и спокойнее, чем на 100 тысяч в Венесуэле».

Бартоломе Вельзер, отец семейства и глава банкирского дома, так же как и королевский двор, пребывал в это время во Фландрии. Туда же пришлось проследовать и Федерману. Он никак не мог предвидеть рокового исхода этой встречи. Бартоломе Вельзер сухо заявил Федерману, что все заботы по тяжбе за Новую Гранаду, или, как ее тогда еще называли, «Долину замков», он берет на себя. А вот что касается лично его, Федермана, то ему предлагается подписать новый контракт, срок старого истекал как раз в 1540 г.

Однако условия договора были столь неприемлемы, что Федерман 'наотрез отказался подписать его. Тогда Бартоломе потребовал у конкистадора подробного отчета о прибылях. Федерман не выполнил и этого требования и на следующий

же день был арестован и препровожден в Гентскую тюрьму.

Началась долгая и безнадежная для Федермана борьба за спасение своего имени. Вельзеры предъявили ему иск, требуя возместить им убытки на сумму в 110 тысяч дукатов, и заявили, что Федерман тайно привез с собой из Индий «много золота и серебра и камней изумрудов в огромном количестве». Конкистадор в свою очередь обвинил немецкий банкирский дом в злоупотреблении властью на заморских землях, благодаря чему королевской казне был, по его словам, нанесен ущерб в 200 тысяч дукатов. Совет Индий, члены которого горячо ненавидели Вельзеров и считали освоение заокеанских колоний сугубо испанским делом, с радостью ухватился за контробвинение!

Вскоре вопреки воле Вельзеров Федерману разрешили переехать в Испанию. В феврале 1541 г. он появился в Мадриде, где и прожил около года под домашним арестом. Тяжба его с Вельзерами была перенесена в Совет Индий. Вскоре, однако, у него обострился старый недуг, «профессиональная» болезнь многих конкистадоров — тяжелые приступы тропической лихорадки. В феврале 1542 г. Федерман умер, не дождавшись решения своего дела. Таков был конец завоевателя, который родился, как писал его современник хронист Кастельянос, «для того, чтобы повелевать людьми».

Попытка Николаса Федермана восстать против одного из самых могущественных людей тогдашней Европы свидетельствует о большом личном мужестве этого человека. Но в этом поединке, ему не суждено было победить.

Со смертью Федермана интерес Вельзеров к Новому Свету значительно ослабел. В Венесуэле погибло шестеро немецких агентов: Амбросио Альфингер, основатель городов Коро и Маракайбо; конкистадоры Ганс Зайсенхофер и Георг Шпеер, первооткрыватели рек Мета и Гуавьяре; Генрих Рембольдт, завоевавший провинцию Кумана; Филипп фон Гуттен, представитель одной из самых аристократических германских фамилий, и, наконец, Бартоломе Вельзер, старший сын главы банкирского дома Бартоломе-отца.

Постепенно коммерческая деятельность дома Вельзеров сворачивается не только в Венесуэле, но и на Антильских островах. Процесс, начатый при жизни Федермана, не окончился с его смертью. В 1556 г. известная в Европе торговая компания «Бартоломе и Антонио Вельзер» из Аугсбурга отказалась от спора, решения которого она безрезультатно добивалась в течение долгих шестнадцати лет. Вельзеры навсегда потеряли право на владение Венесуэлой. Так пришел конец недолгому царству немецких банкиров на американской земле.

Чем же занимался все это время наш главный герой? Каков был исход его хлопот при королевском дворе?

С первых шагов Кесады по родной испанской земле его самого, так же как его действия и поступки, окружила завеса тайны. Неизвестно, что заставило его медлить с визитом к королю. В Малаге Кесада остановился у родственников. Однако не слишком ли велика была дань, отданная им родственным чувствам, если только в ноябре 1539 г., то есть три месяца спустя после высадки, он прибыл наконец в Севилью.

В ноябре 1539 г. под мрачными сводами Торговой палаты появился высокий сухощавый человек в роскошном ярко-алом плаще. Неизбежные в таком случае формальности, таможенный досмотр. Объявив свое имя, Кесада вручил хранителю королевских драгоценностей 9 кожаных сумок с изумрудами, всего их там было 363 штуки, и тяжелый мешок с золотыми слитками на 40 тысяч песо.

Другими словами, 60 килограммов чистого золота! Особенно поразила чиновников золотая цепь с четырьмя дивной красоты изумрудами, оправленными в эмаль. Поистине это был королевский подарок испанскому королю.

Однако прием, оказанный Кесаде сильно его разочаровал. При дворе царила атмосфера, открыто враждебная конкистадорам. Именно тогда Лас Касас развернул беспрецедентную в истории конкисты борьбу за права американских индейцев. Подготавливались «Новые законы», которые должны были вступить в силу в 1542 г. Испанская корона намеревалась чувствительно ущемить интересы завоевателей в Новом Свете.

В Совете Индий царил Хуан де Вильялобос. Это был самый активный защитник интересов испанской короны за все время ее владычества в Новом Свете. Он не доверял конкистадорам. При нем был введен строжайший контроль за золотом, которое они сдавали в казну, и за их собственными доходами. Бесчисленные соглядатаи докладывали ему о малейшем передвижении, словах и поступках завоевателей, прибывших из-за моря.

Как только стало известно, что Кесада появился в Севилье, на него посыпались жалобы и в Торговую палату, и в Совет Индий. Первым заявил о себе, как и следовало ожидать, Алонсо де Луго. Он потребовал долю отца. По его настоянию на драгоценности, привезенные Кесадой, был наложен арест.

Кесаде пришлось защищаться.

— Да, Луго-старший получил причитающиеся ему десять частей добычи, хотя и недовольны были этим мои товарищи-конкистадоры. Однако, собираясь отправиться в Испанию, я узнал, что губернатор умер, и солдаты потребовали разделить его долю.— Далее Кесада продолжал: — И кроме того, прошу учесть, что тот, кто станет губернатором, будет должен мне четыре тысячи песо в возмещение суммы, которую я отдал Федерману; к тому же я не получал жалованья, твердо обещанного мне как генерал-капитану по 300 тысяч мараведи в год, и, следовательно, мне задолжали еще 4 тысячи песо.

Тем не менее Совет Индий потребовал у Кесады отдать золота и изумрудов на 5 тысяч песо, что составило долю Алонсо де Луго, и наложил на него тысячу песо штрафа. Для верности Кесаду посадили под замок в темницу, находившуюся здесь же в здании Совета Индий.

Тем временем ретивые ищейки донесли Вильялобосу, будто бы Кесада привез и утаил гораздо более того, чем сдал в казну. На сцене появились и другие жалобщики: хозяева судов, законтрактованных в свое время Луго-старшим, потребовали возместить им убытки. Не заставил себя ждать и бравый капитан Гальегос. Тяжба затягивалась на неопределенное время.

Долгие препирательства, нудное сутяжничество, быть может, доконали бы Кесаду, но на его долю выпала нежданная удача. Луго-младший добровольно, но небезвозмездно передал ему должность губернатора Новой Гранады. Еще свеж был горький привкус, оставленный у молодого повесы знакомством с сей «неблагодарной землей». Однако 6 сентября 1540 г. король потребовал, чтобы Алонсо де Луго немедленно выехал, в Новую Гранаду. Велико было разочарование Кесады. Вместо почестей и славы — доносы и конфискации, интриги и поношения.

С трудом разделавшись с потоком жалоб, Кесада в конце 1541 г. покинул Испанию. В Совет Индий пришло донесение о том, что он отправился во

Францию с единственной, как утверждали злопыхатели, целью подороже продать там свои изумруды. За ним было установлено тщательное наблюдение.

Оставим на время нашего героя коротать дни в печальней изгнании. Вернемся снова за океан, в далекую Новую Гранаду. Благодатная земля «Долины замков» весьма бурно переживала последствия конфликтов, которые разгорелись в Севилье.

В 1541 г. в Новой Гранаде объявился Алонсо де Луго, самый что ни на есть законный губернатор, новый повелитель бедных муисков. Мнение современников об этом испанском рыцаре было единодушно. Вот что сказал о нем апостол индейцев Лас Касас: «Это один из самых жестоких и скудоумных тиранов. Он надругался над Господом Богом и опозорил имя испанского короля, обманывая как индейцев, так и христиан». Благородный епископ был недалек от истины. Вот краткий перечень «подвигов», которые это «дитя своего века» совершило за сравнительно недолгий срок.

По прибытии в Новую Гранаду он арестовал капитана Суареса Рендона и двух братьев Кесады. Теперь, когда облеченные властью люди были устранены, можно было начать «знакомство» с королевством.

Перво-наперво Луго занялся изумрудными копями. После обстоятельной ревизии он конфисковал в свою пользу всю добычу за много лет. Королевские чиновники, естественно, стали возражать и незамедлительно попали в тюрьму. Бравый дон Алонсо во всеуслышание объявил себя «одним из первых открывателей, завоевателей и колонистов этого царства». Чтобы слова его не расходились с делом, он срочно издал указ. Согласно этому указу, владения старых конкистадоров переходили в его, Луго, собственность. Немного спустя оборотливый Алонсо стал хозяином земель южных муисков. В конце 1544 г. Алонсо де Луго под угрозой физической расправы бежал из Новой Гранады, прихватив с собой капитал в 300 тысяч дукатов. Но благодаря влиятельным связям при дворе он не подвергся наказанию. Как тут не вспомнить, что сестра его жены Мария де Мендоса была супругой дона Франсиско де лос Кобоса, личного секретаря императора Карла V!

О жизни Кесады в изгнании мы знаем мало достоверного. Очевидно, Кесада предпочитал не распространяться о тех годах, а жизнеописания своего он так и не составил. Не исключено, что он предпочел переждать монаршую немилость в надежде на то, что рано или поздно подует ветер перемен.

И перемены действительно наступили. В 1544 г. вспыхнул мятеж против испанской короны, который возглавил брат уже погибшего тогда Франсиско Писарро — Гонсало Писарро. Начались волнения и в Мексике. С оружием в руках конкистадоры защищали свои земли и привилегии от армии королевских чиновников, хлынувших в заморские колонии. Тогда-то королевский двор решил не обострять отношений с далекой и своевольной конкистадорской братией.

Кесада счел момент благоприятным и вернулся в Испанию. Однако напрасно он думал, что кипевшие вокруг его имени страсти улеглись. В Совете Индий никогда и ничего не забывали. К февралю 1545 г. ретивые королевские служаки собрали воедино все доносы, «героем» которых был Кесада, и объявили: лиценциат Гонсало Хименес де Кесада нанес ущерб испанской короне в размере 200 тысяч дукатов. Избежать нового судилища было невозможно. Со свойственной ему энергией и решительностью он принялся защищаться. Была поднята на ноги вся родня, более пятидесяти свидетелей пришло в Совет Индий дать показания в

пользу бывшего генерала. Главным среди них был уже знакомый нам индеец Гонсало де Гуаска.

После отъезда генерала из Новой Гранады в Испанию его переводчик индеец дон Гонсало попал в разряд нежелательных лиц. Читать и писать по-испански он выучился так быстро, что вскоре стал грамотнее многих конкистадоров. Независимость и достоинство, с которым он держал себя, горячность, с которой защищал интересы соплеменников, снискали ему ненависть завоевателей. По решению совета Боготы в начале 1546 г. дон Гонсало де Гуаска как «беспокойный индеец» был изгнан из Новой Гранады. В августе он появился в Севилье. А в декабре начался процесс Кесады.

Одним из первых и главных обвинений было традиционное умаление королевской пятины — доли короны в золоте и изумрудах. Доносчики утверждали, что Кесада, находясь в Испании, будто бы швырял изумруды направо и налево. Как личный переводчик генерала и очевидец всех дней конкисты Гонсало де Гуаска показал: «Золото и камни, добытые у индейцев, хранились на виду у всех. Золотые украшения — нагрудные цепи, ожерелья, короны подвешивались к двери палатки или дома, где жил генерал Кесада. Таким путем солдаты изо дня в день могли наблюдать за всеми этими вещами. Коробки и кожаные сумки с изумрудами также подвязывали к крыше на веревках так, чтобы никто тайно не мог дотронуться до них. Все эти драгоценности постоянно охраняла специальная стража, которая часто менялась».

Нашлись свидетели, подтвердившие, как строго велись книги двойного учета добычи, каким придирчиво строгим был раздел добытого. Те немногие камни, которые Кесада привез в Испанию, были частью его доли, которую он честно заслужил.

Неприятнее всего для Кесады был разбор обстоятельств гибели последнего великого сипы Сагипы. Защищаясь, Кесада признал, что несет ответственность за смерть индейского вождя, однако виновным себя не считает. «Я,— сказал Кесада,— был не в состоянии оградить его жизнь от посягательств солдат. Первую пытку веревкой, легкую и неопасную для жизни касика, действительно велел произвести я. Что же касается второй, то я ее и не санкционировал, и не принимал в ней участия, и вообще это было сделано без моего ведома. Мои же попытки защитить Сагипу привели только к тому, что меня самого солдаты стали подозревать в сговоре с Сагипой и грозились повесить вместе с ним на одном дереве. Слухи о сокровищах, которые он будто бы скрывал, лишили христиан разума. Все, что я смог сделать, дабы предотвратить физическую расправу над Сагипой,— судить его по всем принятым в Испании законам. Это продлило ему жизнь на полгода».

Свидетель Гонсало де Гуаска утверждал, что Сагипа умер не от пыток и не содержался в тюрьме, а свободно ходил по улицам Санта-Фе; что за пять или шесть дней до смерти свидетель слышал, как Сагипа жаловался на боль в голове; что в последний вечер свидетель ужинал вместе с Сагипой, а рано утром вышеназванного Сагипу нашли мертвым и т. д. Очевидно, что подлинных обстоятельств гибели Сагипы суд так и не установил. Но хотя доводы Кесады и были довольно шаткими, обвинение в убийстве с него сняли.

Во время суда стало известно о гибели одного из самых ярых врагов Кесады — Гальегоса в стычке с индейцами под Картахеной. Полностью разоблачил себя Алонсо де Луго, который, награбив огромное состояние, бежал из Новой Гранады.

Кесаде же удалось оправдаться по всем пунктам обвинения. Он отделался легким штрафом в 100 дукатов. Эта победа наложила начало новому взлету Кесады.

В мае 1547 г., восемь лет спустя после выезда из Новой Гранады, он получил наконец то, о чем мечтал долгие годы. Ему присвоили звание маршала королевства Новая Гранада, установили годовую ренту в 2 тысячи дукатов. Как алькальд столицы Санта-Фе он получил еще 400 дукатов.

Три богатых селения — Гуатавита, Согамосо и Фонтибон были закреплены за ним в вечную собственность. Помимо прочего Кесаде была выплачена задолженность — по 2 тысячи дукатов.за год.

Так Кесада с большим опозданием, но стал богат и знаменит. Была ему оказана и высочайшая королевская милость: он получил право на собственный герб. В оглашенном по этому поводу королевском указе говорилось: «Их императорское величество Карл V дабы вознаградить вас за услуги, оказанные испанской короне, и увековечить в памяти потомков сии достойные подвиги, повелевает присвоить вам герб. И да будет состоять он из двух частей. В нижней его части над волнами изображается гора, поросшая деревьями и вся в изумрудах. В верхней части — лев, держащий в правой лапе острый меч».

Волны у основания горы должны были напоминать об историческом выходе Кесады из Санта-Марты; сама гора символизировала подъем на Боготское плоскогорье, а изумруды, обильно ее усеявшие, указывали на изумрудные копи, открытые Ке-садой; лев с обнаженным мечом олицетворял саму конкисту. В те времена было обычно отображать на гербах, как в своеобразных «трудовых книжках», самые значительные события из жизни конкистадоров. Так, Диего де Ордас, который воевал вместе с Кортесом в Мексике, поднялся на кратер действующего вулкана Попокатепетль. Вскоре с милостивого разрешения самого императора на фамильном гербе Ордаса уже красовалась курящаяся гора.

Получив право носить изысканный, переливающийся серебром и золотом герб, Кесада, очевидно, счел себя удовлетворенным. И ему не была чужда страсть к геральдической символике.

Теперь можно собираться и в дорогу... домой. Как ни странно, но Кесада все эти долгие годы не переставал себя чувствовать гражданином новой родины — новой заморской Гранады. Недаром на всех судебных процессах в Испании он упорно называл себя жителем Санта-Фе-де-Богота.

«Как примет меня земля муисков?» - вот о чем беспокойно думал Гонсало Хименес де Кесада, стоя на борту бригантины, которая неслась на запад через Атлантику. Рядом с ним был его верный «индио» -— индеец Гонсало. Шел декабрь 1550г. Осталась поаади суровая пора жизни, пора скитаний и преследований. Долгих десять лет добивался Кесада у королевскего двора признания того, что совершил за три года.

История девятая
КОНЕЦ РЫЦАРЯ ЭЛЬДОРАДО

Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века.
Надпись на саркофаге Гонсало Хименеса де Кесады

Жители королевства Новая Гранада шумно и празднично встречали

маршала Кесаду. Нет, его не забыли. Медленно пробираясь, сквозь плотную толпу индейцев и солдат, старых друзей по конкисте, он уже знал, что среди них не появятся его братья.

Потрясенный Кесада в который уже раз слушал рассказ о последних днях их жизни. Франсиско приехал в Боготу как раз тогда, когда вернулся из восточных льяносов Эрнан Кесада. Если тогда что-нибудь и могло утешить Эрнана, который после двух лет скитаний по тропической сельве едва держался на ногах, так это возможность выплакаться на плече родного брата. Франсиско тоже не повезло. Исколесив Перу и северное Чили, он так и не разбогател, но зато приобрел тьму недругов и завистников. В надежде на то, что более удачливые братья поделятся с ним немалыми, по слухам, богатствами, Франсискв отправился на север.

Не успели братья отдохнуть и осмотреться, как в Новую Гранаду нагрянул Алонсо де Луго. Наиболее вероятные и влиятельные его соперники, они первыми попали под арест. Алонсо грозился вывезти их в Испанию и отдать там под суд. Братья решили бежать и с первым попутным кораблем тайно отплыли на побережье. В Картахене беглецы пересели на судно, идущее На Кубу. Во время перехода разразилась частая в этих широтах тропическая гроза. Эрнан Кесада стоял на корме. Молния угодила ему прямо в голову. Он умер мгновенно. Впоследствии в Боготе говорили, что это рука провидения огнем, низвергнутым с неба, отомстила Эрнану за убийство великого сипы. Та же самая молния сразила наповал и стоявшего рядом с ним младшего брата Франсиско, который был совсем непричастен к смерти Сагипы.

Известие о гибели обоих братьев было первым ударом для маршала Кесады. Последующие не заставили себя ждать. За 11 лет заметно изменилась Новая Гранада. В Санта-Фе появились мощеные улицы. Вместо соломенных хижин, построенных еще при нем, выросли двухэтажные каменные здания с резными деревянными балконами. Оделся в камень и кафедральный собор. Монастыри и церкви появились вокруг Боготы. На полях всюду колосилась пшеница, вытеснив излюбленную муисками «абу» — кукурузу. Свиньи и овцы, завезенные Алонср де Луго, расплодились с фантастической быстротой.

Однако что сталось с индейцами? Куда девались ярко одетые толпы, следовавшие раньше за ним по пятам. Откуда эти унылые, изможденные лица, грязные лохмотья вместо белоснежных плащей? Кесада отдал приказ провести перепись индейского населения. Результаты переписи ошеломили его. За каких-нибудь десять лет муиски, которые прежде «кишели на полях словно мухи», значительно сократились в численности. Кровавый хаос первых лет завоевания и болезни, занесенные испанцами, были тому не единственной причиной.

Многие сотни индейцев приняли смерть от рук христиан сразу же после отъезда Кесады из страны. Первым погиб Акиминсаке — юный наследник скончавшегося Кемуинчаточи. Осенью 1539 г. он праздновал свадьбу по католическому обряду. Красавица Кухумина, избранная из числа самых знатных девушек, должна была стать его женой — «саончей». Множество индейцев собралось в Тунхе по этому случаю. Среди них правители и вожди, знатные воины и родовые старейшины. Все принесли богатые дары. Неизвестно, кто из испанцев пустил слух, будто свадьба молодого саке — только благовидный предлог для маскировки задуманного восстания.

Ни сам Акиминсаке, ни прекрасная Кухумина, ни знатные гости не успели отведать свадебного напитка — пенистой сапкуа. В ту страшную ночь все они

были схвачены испанцами. У Акиминсаке пытками хотели вырвать признание о готовившемся мятеже. Юноша не дал никаких показаний. На следующее утро его вместе с другими знатными индейцами обезглавили на центральной площади города. Акиминсаке только что исполнилось двадцать два года. Предназначенные ему свадебные дары разделили между собой испанские солдаты. Ими командовал Эрнан Кесада.

Расправа над Акиминсаке потрясла муисков. Спала, наконец, пелена с глаз суеверных индейцев. Теперь они еще раз убедились, как коварны и жестоки эти суачиас, люди, вознамерившиеся стать посланцами самих богов.

Отрубленную голову Акиминсаке индейцы выкрали. Голова стала символом восстания. Она объединила в одном союзе давних врагов. Новые сипа и саке, избранные в глубокой тайне, обменялись золотыми коронами в знак единения против пришельцев.

Осенью 1539 г. они совместно с правителями Гуатавитой, Дуитамой, Согамосо и главами других племен собрали 20 тысяч воинов. Жрецы-оракулы передали вождям волю великих богов: изгнать чужеземцев с земли муисков, которую они осквернили. В назначенный день все касики должны были вооружить своих воинов и убить поставленных над ними сеньоров. Однако испанцам стало известно о готовившемся восстании. И говорят, секрет выдали индейские женщины, наложницы конкистадоров. Шел январь 1540 г.

И тогда испанцы решили вырвать самые корни смуты: истребить индейскую знать. И снова огонь и меч загуляли по землям муисков. В один из таких дней в покои дона Фернандо де Гуатавиты ворвался отряд испанцев. Связав ему руки, они вытащили правителя на площадь и изрезали его на куски. Так, не успев сказать и слова, погиб тот, кого в язычестве звали Гуаска Тикисоке — Парящий орел, кто был последним Эльдорадо. Слишком поздно ему стало ясно, что ярмо рабства, которое принесли народу чужеземные захватчики, было страшнее давних междоусобиц и склок.

В кровавых расправах гибли знатные и незнатные муиски. Индейцы защищались отчаянно. На западе под Белесом капитан Гальегос, захватив в плен 300 индейских воинов, отрубил им носы и большие пальцы рук. Мирные жители прятались в неприступных скалах. Ни уговорами, ни угрозами завоеватели не могли заставить индейцев покинуть эти укрытия. Тогда было решено брать осажденных измором. Когда голод становился невыносимым, старики, женщины и дети бросались в пропасти, но победителям не сдавались. Многие индейцы, покинув насиженные места, уходили в тропическую сельву на восток. К концу 1540 г. в Новой Гранаде стало тихо. Но тишина эта была подобна смерти.

Вот почему не застал Кесада в живых и дона Фернандо, правителя Гуатавиты. Быть может, желая искупить вину за страшную его смерть, он с особенным участием отнесся к наследнику последнего Эльдорадо — молодому дону Хуану.

Дон Хуан приходился племянником погибшему Гуатавите и при рождении получил имя Гуаска.Паусо — Орлиное перо. Он был первенцем старшей сестры Гуатавиты, и ему на роду было написано стать преемником дяди. Когда в «Долину замков» вторглись испанские конкистадоры, Гуаска Паусо жил высоко в горах, в уединенном храме. Много лет провел он в своем заточении, готовясь со временем принять высокий сан правителя и совершить священное омовение в водах озера Гуатавиты. Но Орлиное перо так и не дождался своего часа.

Когда после смерти старого Гуатавиты он спустился в долину, там было все кончено: воины перебиты завоевателями, родня отсиживалась в пещерах, от селения остались одни обгоревшие столбы. Некому было облачать его в драгоценные одежды, воздавать ему царские почести. Пустынны были берега священного озера. Юный Эльдорадо не мог бросить в его воды ни золотого песка, ни украшений. Он был правителем без армии, королем без королевства. Одним из последних среди индейцев Гуаска Паусо принял христианство и стал называться доном Хуаном де Гуатавитой.

Дон Хуан часто гостил в поместье Кесады и вскоре женился на донье Марии, девушке-метиске, которая воспитывалась в доме маршала. Индеец быстро научился испанской грамоте и удивлял своими познаниями бывалых конкистадоров и соплеменников. Но особенно выделяло дона Хуана среди других вождей чувство гордости за свое индейское происхождение. А это вызывало раздражение у испанских сеньоров.

Ведь муиски давно перестали быть хозяевами не только своей земли, но и своей судьбы. В доме испанского господина их жены и дочери были служанками и наложницами, в поле индейцы работали как батраки, неделями пасли скот, подолгу не видя своего дома, гнили заживо на изумрудных копьях, словно вьючные животные, переносили на плечах и своего хозяина, и его поклажу. Зарастали травой и осыпались аккуратные терраски, на которых муиски прежде высевали маис, фасоль, картофель.

Но алчным завоевателям было мало и этого. Их ненасытная утроба требовала регулярных воздаяний: годилось все — плащи и плоды, ремесленные изделия. Словно ярмо, душила индейцев эта невыносимая подать — «трйбуто».

Кесада вскоре убедился, что, хотя он и запретил собирать подать более двух раз в году, испанцы взыскивали ее гораздо чаще, как кому вздумается. Тогда он приказал взимать налоги в строго определенном размере. Этот шаг вызвал глухой ропот среди конкистадоров.

Немало господ прибавилось на шее у бедных муисков, пока Кесада отсутствовал в стране. Перед отъездом в Испанию ом наделил своих сподвижников индейцами, чтобы те одевали и кормили новых хозяев. Однако ветеранам приходилось туго. Теперь со всех сторон на них напирали королевские чиновники, святые отцы, богатые дворяне, хлынувшие в Новую Гранаду из Испании. Вся эта жадная до дарового хлеба толпа стремилась лишить старожилов — «antiguos de la tierra» — их привилегий и высосать последние соки из индейцев. Кесада с присущей ему энергией взялся защищать интересы товарищей по конкисте. Естественно, что число его недругов умножилось.

Наступило время Кесаде собраться с мыслями и описать все большие и малые события грандиозного похода в Новую Гранаду, рассказать про обряды и обычаи муисков. Он берется за обработку своих черновиков — толстых тетрадей, которые были заполнены им еще в Европе во время изгнания. Вскоре на его столе уже громоздились три объемистых тома, исписанных неторопливым витиеватым почерком. Героями этого повествования были индейцы долины Суэска. Кесада был дружен с их правителем — кряжистым меднокожим Суамене, имя которого в переводе значило «Клюв совы» — мудрая, сова была покровительницей индейцев Суэска. Все те, кому посчастливилось читать эти тома, отмечали яркий, образный язык Кесады и стремление автора самым добросовестным образом описать все стороны жизни муисков.

Но при всем том, что Кесада и душой, и мыслями сросся с Новой Гранадой, у него был объект поклонения, который жил в Испании. Им был не кто иной, как сам император Карл V, хотя тот жил и царствовал за тридевять земель от страны муисков. Много сил и времени отдал Кесада труду, который был им назван «Анналы императора Карла V». За ними вышел в свет небольшой трактат «Различия в военном искусстве Старого и Нового Света». Конкистадор-практик, Кесада пробовал себя и в теории. Для прихожан столичной церкви он написал книгу проповедей.

Несомненно, разносторонним и талантливым человеком был Гонсало Хименес де Кесада. И не открой в свое время Колумб Америки, как знать, не стал ли бы Кесада историком или дипломатом. Но нет, среди всех прекрасных искусств он отдавал Предпочтение искусству открывать и завоевывать новые земли. Очень скоро административные и литературные дела ему прискучили. Да, он был основателем, хозяином, патриархом Новой Гранады. Не об этом ли мечтал он долгие годы! Но увы, вновь и вновь в поседевшую уже голову Кесады стали приходить мысли о новых походах и еще не завоеванных Эльдорадо. Собственно, в существование Эльдорадо таким, каким оно рисовалось в легендах, Кесада не верил. Опыт сделал его скептиком. А вот в вероятность открытия такой же плодородной земли, какой была Новая Гранада, он верил глубоко и горячо. Тем не менее свой проект он назвал проектом Эльдорадо, понимая, что это привлечет к нему охочих людей и облегчит подготовку к экспедиции.

В начале 1557 г. Кесада обратился к королю; он просил разрешения организовать новый поход в Эльдорадо. Но дела при дворе вершились медленно, еще медленнее шел обмен посланиями через Атлантику. Одним словом, переписка эта заняла более десяти лет. Наконец указом от 15 ноября 1568 г., подписанным в Эскориале испанским королем Филиппом II, Кесада получил долгожданное разрешение, боевой чин аделантадо и несколько дополнительных селений с индейцами, чтобы изыскать средства на экспедицию.

Намерение Кесады пуститься в льяносы Ориноко взбудоражило Новую Гранаду. Старые участники конкисты и юные воины, оседлав своих лучших коней, собрались под знаменем Кесады. С ним отправилось 500 человек, восемь священников и монахов, двоим из них поручалось вести летопись похода. Как обычно, с ним был Гонсало де Гуаска. Индеец не верил в Эль-до-радо, но покинуть старого друга не решился.

О серьезных намерениях Кесады говорило многое: он взял с собой огромное стадо скота — 300 коров, 400 лошадей, 1000 свиней. Всю эту живность он собирался разводить в новом месте, вокруг новых городов и крепостей. Весь груз и все хлопоты по обслуживанию, испанского отряда по обыкновению возлагались на плечи индейцев. 1500 муисков, мужчин и женщин, шли в обозе.

Все это войско Кесада снарядил за собственные деньги, истратив на поход около 200 тысяч долларов по нынешнему счету. Солидные издержки и солидный возраст — 60 лет. Остается удивляться, как такой пожилой человек, с подорванным здоровьем, каким был тогда Кесада, мог решиться на столь рискованное предприятие. Ведь всего лишь за два года до этого он слезно умолял не принуждать его к браку. В прошении на имя Филиппа II Кесада писал: «Я не в состоянии ни подняться по лестнице, ни сделать десяти шагов без великого труда. Связать себя союзом с женщиной сейчас — значит, прямо открыть дорогу в могилу». Но когда дело касалось конкисты, не жалко было ни денег, ни

собственной жизни.

И все потому, что Кесада был абсолютно уверен в успехе. При этом он имел весьма смутное представление о сложной системе больших и малых рек бассейна Ориноко, превращающих его в сплошные топи.

В начале 1569 г. Кесада вышел из Боготы на восток. Передвигались очень медленно из-за чудовищно большого обоза. Скот гнали впереди. Как только испанцы спустились с плоскогорья и вступили в оринокские саванны, начался ад. Нестерпимая жара, мириады насекомых, проливные дожди. Даже ветераны конкисты, испытавшие все ужасы плавания по Магдалене, заявили: «То, что мы испытали тогда,— ничто по сравнению с теперешними страданиями».

Когда в живых осталось 45 человек, поднялся бунт. Двадцати солдатам Кесада разрешил вернуться обратно и продолжил тяжкий путь. Около впадения Гуавьяре в Ориноко он остановился. Он понял, что не будет больше ни Мексики, ни Перу, ни Новой Гранады. Не будет больше рядом с ним и верного индейца Гонсало. Его скосила лихорадка. Кесада вернулся в Боготу. И что же! Так велика была вера в новые благословенные земли, что жители Боготы сказали: Кесада пошел по неправильной дороге. Правда, не все в Новой Гранаде разделяли оптимизм почитателей Кесады. У королевских чиновников была одна цель — выжимать из Новой Гранады все соки, дабы не оскудевала королевская казна. Вот почему их крайне раздражали в Кесаде наклонности старого конкистадора. Дело дошло до того, что в 1575 г. аудиенсия Боготы отказалась заслушать его «отчет о деятельности».

Однако городские власти вскоре пожалели о том, что так сурово обошлись с маршалом. Осенью запылали поселки вдоль всей западной границы Новой Гранады. Это восстали индейцы гуали, жившие вдоль берегов Магдалены. Ими руководил бесстрашный вождь Юлдама. К Кесаде направляются ходоки. Они умоляют его использовать свою власть, авторитет и немалый опыт, чтобы привести к покорности индейские племена. Кесада согласился, хотя и был тяжело болен: своей последней, карательной экспедицией он руководил, лежа на носилках, и возглавлял атаку с высоко поднятым копьем в руках.

Спустя четыре года, 15 февраля 1579 г., в возрасте 70 лет Гонсало Хименес де Кесада скончался. Последние годы его жизни были омрачены страшной болезнью. Утверждают, что старца поразила проказа. Кесаду мучила не только физическая боль, но и мысль об огромном долге в 60 тысяч дукатов, печальном итоге его последнего похода. Страшная бедность, если не сказать нищета, в которой он доживал свои дни, скрываясь в глинобитной хижине около селения Токаймы, так и не позволила ему погасить задолженность.

Мучительно и одиноко умирал человек, словно в насмешку прозванный рыцарем Эльдорадо. Нет, не богатства завещал он грядущим поколениям. Своим потомкам он оставил Новую Гранаду, страну смешанной, индейской и испанской, культуры. Свои рукописи — итог кропотливых трудов, в которых была запечатлена история жизни его поколения, он передал духовным отцам Новой Гранады, монахам-доминиканцам. Ну, а для путников, которым вдруг пришлось бы застрять на пыльной дороге возле его дома, он завешал держать наготове кувшин со свежей водой. Ведь окрест были места пустынные и жаркие.

По-разному распорядились завещанным наследники Кесады. В течение многих лет люди, забредавшие в окрестности Токаймы, наслаждались холодной водой возле домика, последнего прибежища Кесады. Монахи, которые приняли

на хранение бесценные рукописи Кесады, были столь к ним «внимательны», что вскоре их растеряли. Вот почему сейчас установлена премия в 2 тысячи песо тому, кто обнаружит оригиналы его трудов. А что касается наших современников, граждан республики Колумбия, то их теперь уже 21 миллион. Заселив древнюю землю «Долины замков», они чтут Гонсало Хименеса де Кесаду как основоположника нации. Останки его покоятся в бронзовом саркофаге в церкви Святого Креста, что стоит на площади Сан-Франсиско в городе Боготе.

Но было бы несправедливо, если бы, закончив свою историю о великом и нищем рыцаре Эльдорадо, мы не упомянули бы о судьбе того, кто был потомком «позолоченного касика». Дон Хуан де Гуатавита пережил Гонсало Хименеса де Кесаду на несколько лет. Его дочери вышли замуж за испанцев. В кругу многочисленных внуков, говоривших на странном языке — наполовину испанском, наполовину индейском, он любил рассказывать про дела и обычаи своих славных предков, живых героев подлинного Эльдорадо.

Послушаем эти рассказы и мы.

ИСТОРИЯ «ДОЛИНЫ ЗАМКОВ» КОТОРУЮ ПРАВДИВО И БЕЗ УТАЙКИ РАССКАЗАЛ ДОСТОСЛАВНЫЙ ДОН ХУАН ДЕ ГУАТАВИТА[18]

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ,
повествующий о начале распри между великим силой и великим саке и о том, как приход суачиас положил коней, их лютой вражде

Христиане часто говорили мне, что у нас, муисков, нет в прошлом ничего достойного упоминания, что наше прошлое полно несуразиц и нелепиц. Я, чистокровный индеец Гуаска Паусо, перворожденный из рода Орла, хочу поведать о том, что хранили в памяти наши предки и мудрые жрецы. Мы не умели записывать слова, как это принято было у христиан, поэтому древние предания обо всем, что давным-давно совершилось на земле муисков, и есть наша история.

Никто из наших отцов — блюстителей старины — не помнит, когда муиски заселили эти благодатные долины и горы. О тех далеких временах ходила среди нас удивительная молва. Вот как, по рассказам, сотворялся мир.

Вначале была ночь, и только ночь. Но однажды родился свет, и им овладело Чиминигагуа — существо всемогущее и великое. Чиминигагуа сперва обучал свет служить ему, а потом создал больших птиц. И разнесли они в своих клювах клочки света во все концы вселенной и озарили самые дальние ее уголки. Владыка всего сущего, Чиминигагуа, сотворил также Солнце, Луну и все прекрасное в этом мире. А чтобы земля не пустовала, он населил ее людьми. Мужчин он сделал из желтой глины, а женщин из побегов одной высокой травы.

Недалеко от Тунхи поднимаются скалистые горы, почти всегда скрыты они в тумане. В горах этих есть ложбина, а в ложбине маленькое озеро. Из него, говорят, после того как появился свет и было создано все сущее, вышла одна женщина. Звали ее Бачуе, что значит «выступающие груди». Бачуе велела людям поклоняться Солнцу и Луне и научила их жить по закону. Но еще долго люди жили в невежестве. И вот однажды в селение близ Боготы пришел старец с бородой и длинными волосами до плеч. И пришел он с востока, из мест, где зарождается Солнце. Одни звали его Бочика, другие — Уе или Немтерекетеба. Этот Бочика научил муисков многим полезным делам — ткать красивые плащи и прикрывать ими наготу, возделывать йомги и абу[19], делать разноцветные горшки, ковать украшения из золота.

Так прожил он много лет и, повелев муискам хранить верность его заветам, умер во владениях касика Согамосо. С тех пор правители Согамосо считают себя потомками Бочики и унаследовали от него волшебный дар: могут они насылать и дождь и град, засуху, подвластны им солнце, луна и звезды.

Толкуют, будто со дня смерти Бочики до прихода христиан в нашу землю

---

[18] Хуан де Гуатавита, умерший в конце XVI в., был дружен с хронистом Родригесом Фресле. Воспоминания старого Гуата-виты об обычаях, обрядах и древней истории муисков Фресле включил в свою историческую хронику. Выдержки из его труда, а также отрывки из работ других хронистов эпохи- завоевания и положены автором в основу всех четырех рассказов этой части книги.

[19] * Так муиски называли картофель и маис.

минуло ни много ни мало, а двадцать раз по 60 лет. Но этот срок так велик, что я сомневаюсь, мог ли кто-нибудь его высчитать.

Однако миром и благоденствием недолго наслаждался наш народ. Вскоре появилась прекрасная женщина — Уитака. Она совратила муисков, научила их пить да плясать, и вскоре забыли они заветы мудрого Бочики.

Тогда возмущенный Чибчачум, бог — покровитель муисков, решил наказать легковерных людей. Он запрудил реки Сопо и Фунсу и затопил долину, в которой лежало селение Богота. А Уитаку превратил в сову и дозволил ей появляться на глаза людей только в полуночную пору. Всем жителям пришлось уйти в горы, и там стали люди умирать от голода. И взмолились они тогда к Бочике. И явился он в образе человека, попирающего радугу, и бросил свой золотой посох на берег реки Фунсы. Разверзлись скалы и ушли прочь лишние воды. А там, где упал посох, родился могучий водопад Текендама. И ныне он краса и гордость наших мест.

Святые отцы-христиане, насмехаясь над нами, говорили, что все эти сказания — пустые бредни. Но многим ли отличается от наших сказаний повесть о сотворении мира, записанная в священной книге христиан Библии? И разве не сказал христианский бог Ною после потопа: «И положу радугу в тучах, и будет она знаком союза между мною и землей?»

Когда на нашей земле появились чужеземцы-христиане, они встретили здесь множество касиков, которым простой народ платил дань. И все эти касики служили и подчинялись двум разным владыкам, самым могущественнным и великим. Один из них, сипа Тискесуса, правил землями южных муисков, и столица его называлась Богота. Другой — великий саке Кемуинчаточа повелевал северными муисками и сидел в городе Тунхе.

Были и независимые касики, но их становилось все меньше, а поскольку сипа и саке все время враждовали, малым касикам приходилось туго. Волей-неволей примыкали они либо к сипе, либо к саке, и семена раздора прорастали повсюду, и не было мира на земле муисков. И борьба эта велась издавна и переходила по наследству от древних к их потомкам.

Однако так было не всегда. Старики говорили, что в давнюю пору не было ни сипы, ни саке. Тогда все племена жили привольно и каждое селение признавало лишь своего касика. Его любили, почитали и платили ему в знак признания легкую дань.

В те времена не было властителя более могущественного, чем наш далекий предок касик Гуатавиты. И признавали его муиски вождем не потому, что он угнетал их свободу. Они чтили касика Гуатавиты как правителя древнего и знатного рода. К тому же в его владениях лежало озеро Гуатавита, а место это издревле почитали священным все муиски.

О той незапамятной старине в народе ходило много удивительных сказаний-. Особенно много наслышался я о самых первых саке, творивших будто бы дивные чудеса. Вот одно лишь сказание из множества о великом саке Гаранчаче. Говорят, что некогда жили люди вокруг Тунхи и не было над ними никакого властителя. И были они очень набожны и, дабы не прогневать Солнце, каждое утро посылали на священный холм самых красивых невинных девушек, и светило радовалось их красоте. И вот одна из этих девушек родила «чуекуту» — большой красивый изумруд. Счастливая мать приложила его к груди, и через несколько дней стал он младенцем. Нарекли его Гаранчачей и воспитали в доме

касика как сына Солнца. А когда минуло ему 24 года, стал он править в Тунхе и подчинил себе многие племена. И стал он, этот Гаранчача, большим тираном и не разрешал говорить с ним, иначе как прильнув грудью к земле. Строго карал он даже за самые легкие проступки, обременял подданных чрезмерными податями, а тех, кто не платил, вешал или сажал на кол.

Гаранчача воздвиг своему отцу — великому Солнцу огромный храм, где в положенные дни приносил обильные жертвы. Дорогу к храму его слуги устилали тонкими раскрашенными плащами. Процессия двигалась так медленно, что три дня шла к святилищу, другие три дня Гаранчача в одиночестве молился там и три дня уходило на обратный путь.

И рассказывают, так он почитал богов, что десять раз за ночь ходил в священную долину Ирака на реке Согамосо молиться в храмах и святилищах. За это рвение Солнце дало ему и его наследникам дар превращать людей в змей, ящериц, гусениц. И жил он будто бы 250 лет.

Поистине древний и знатный род царствовал в Тунхе. Настало время, и прославленные владыки возжелали покорить соседние племена. Первую кровь пролил саке Мичуа. И здесь от сказок и преданий я перехожу к событиям, которые хорошо помнили все.

Итак, саке Мичуа первый решил силой оружия покорить соседей. Он рубил головы касикам и капитанам, защитникам древних вольностей, а их подданных увечил, отрезая им носы, уши, руки и ноги; совершал он и иные жестокости. Все признали его верховным господином и покорились ему. Но очень скоро у саке появился соперник. Поднял голову Сагуанмачика — «Разъяренная пума». Он начал править в 1470 г., за 67 лет до появления на нашей земле христиан. От предков достались ему сильное войско и тучные, благодатные поля вокруг Боготы. Сагуанмачика возвысился еще больше и захотел отложиться от правителя Гуатавиты, которому платил дань. Скоро представился и случай. Подданные Гуатавиты индейцы Сутагао и Паска, жившие на юге страны, восстали против своего господина. Собрав 30 тысяч воинов, Гуатавита послал Сагуанмачику против непокорных индейцев. Сипа разбил врагов и с богатыми трофеями вернулся домой. На победном пиру Сагуанмачика, похваляясь своей воинской удалью, говорил, что ему, а не трусливому Гуатавите пристало быть повелителем всех окрестных племен. Узнал об этой дерзости Гуатавита и призвал к ответу неверного вассала. Но тот не явился. Тогда Гуатавита осадил Боготу. Поход этот удачи ему не принес. Гуатавитяне были разбиты и отступили, воины же сипы проникли в их владения.

Пришлось Гуатавите обратиться за помощью к своему союзнику, грозному саке Мичуа. И вот саке Мичуа отправил послов к Сагуанмачике со строгим наказом явиться к нему и объяснить, как тот посмел вторгнуться на земли своего повелителя Гуатавиты. Но непочтительный сипа дурно обошелся с посланцами саке Мичуа и отказался явиться к нему. Этим нанес он владыке владык тяжкое оскорбление.

Издавна у нас существовал обычай избирать среди мудрых и многоопытных старцев самых искусных, чтобы могли они достойно справляться с обязанностями «кеме», так называли мы послов. И были это лучшие знатные люди, приближенные к правителю, члены его семьи и дома.

Перед началом войны было принято обмениваться посольствами. Кеме по очереди излагали требования и претензии враждующих сторон, объявляли войну

и просили о перемирии. Соперники с почетом встречали послов противной стороны, воздавали им почести и одаривали их подарками. Сагуанмачика изгнал послов Мичуа и нарушил тем самым древний обычай. Решив наказать выскочку, Мичуа с войском в 40 тысяч человек двинулся против недруга. Но воины, которые охраняли границы владений сипы, не дали пройти войску саке, и тот, убоявшись врага, уклонился от боя.

Более шестнадцати лет длилась передышка. За это время Сагуанмачика не единожды подвергался нападению свирепых панче и подвластных племен, которые никак не хотели смириться с тяжелым рабством.

Все эти годы Сагуанмачика готовился к решительной схватке с воинами Мичуа. Около 1490 г. близ селения Чоконты, а оно лежит на самой границе владений сипы и саке, произошла долгожданная встреча грозных соперников. На высоких холмах лицом к лицу сошлись два войска — 50 тысяч воинов сипы и 60 тысяч воинов саке. Однако битва длилась недолго. Ярость бойцов была так велика, что оба правителя были убиты в первые же минуты боя. А после смерти вождей сражение прекращалось — таков был стародавний обычай. Все жители от мала до велика облачились в знак траура во все черное. Великие жрецы совершили торжественное погребение погибших владык. Место убитого сипы занял его племянник Немекене, что значит «Кость пумы». За время своего правления он прославился среди муисков как смелый воин и как мудрый муж. Его соперником был восемнадцатилетний Кемуинчаточа, который правил северными муисками долгих 40 лет, до появления христиан. Прежде всего Немекене укрепил границы своих владений. Своему наследнику племяннику Тискесусе он поручил привести к покорности восставших индейцев Фусагасуги, которые отказались выплачивать дань. Виновников смуты принесли в жертву, многим воинам в назидание отрубили руки.

Сам Немекене, возглавив другую часть войска, отправился на запад против грозных панче и прогнал их прочь. А на севере между тем появились новые враги. Индейцы Сипакиры и Немокона, владельцы соляных копей, решили, что самое время напасть на сипу. Но его воины были наготове. Они рассеяли противников и преследовали их до самой ограды касика. И стал с тех пор Немекене хозяином этих обильных земель.

Гуатавита воспользовался тем, что великий сипа сражался с врагами на севере, юге и западе, и, желая вернуть былую свободу, перестал платить ему дань. Таким образом, Немекене вынужден был вновь пойти войной на Гуатавиту и союзных с ним вождей. Это были опасные враги, потому что они всегда могли ударить ему в спину. Тогда сипа задумал покорить Гуатавиту не силой, а хитростью. Подданные Гуатавиты повсеместно славились как искусные ювелиры. И тот охотно отпускал своих мастеров для работы в чужих владениях, но требовал, чтобы в обмен за одного мастера ему присылали двух слуг. И вот Немекене вызвал к себе около тысячи ювелиров-гуатавитян. А к Гуатавите явилось 2 тысячи отборных воинов сипы и .до поры до времени служили ему так, как если бы он был их владыкой. Но они только ждали сигнала о нападении. Не желая проливать лишнюю кровь, сипа решил подкупить вассала Гуатавиты касика Уэски, который охранял дорогу к селению Гуатавиты. Частыми подарками и лестью Немекене склонил его к измене, и тот пропустил ночью воинов сипы и сам присоединился к нападающим. Спящего Гуатавиту захватили врасплох вместе с его многочисленной семьей. Он и вся его родня — жены, братья,

племянники и сыновья были убиты. Так легко досталась Немекене победа над богатой и многонаселенной провинцией.

Оставив в ней гарнизон из опытных воинов, Немекене решил одним ударом покончить с соседом и союзником Гуатавиты касиком Убаке. Шесть или семь лун (месяцев) защищался Убаке, но скоро понял, что не одолеть ему Немекене, и стал он просить мира. Убаке признал власть сипы не только над собой, но и над всеми своими вассалами. Он согласился и на то, чтобы сипа оставил воинские гарнизоны везде, где пожелает, но с условием, чтобы Немекене взял себе в жены двух его дочерей. Этим побежденный касик рассчитывал смягчить бремя рабства. Великий сипа милостиво оставил себе старшую дочь Убаке, которая стала его наложницей, а младшую отдал брату, назначив его править покоренной провинцией Гуатавиты. Воины Убаке долгих 20 дней оплакивали свой разгром, убитых собратьев и тех, кого увели в рабство. С великой скорбью просили они у Солнца прощения за грехи, из-за которых впали к нему в немилость.

Теперь, решил Немекене, настало время померяться силами с великим саке Кемуинчаточей. Созвал он всех союзных и зависимых вождей и дал им 30 дней срока. И обратился он к ним с такими словами: «Тот касик, который в самый краткий срок соберет опытных и отважных воинов и лучше вооружит их, станет возлюбленным нашим братом и будет награжден знаками отличия. Тем самым смогу я на деле оценить, какие чувства вы питаете ко мне и сколь охотно мне служите».

И так велика была слава Немекене, что в указанное время в ограду его явилось великое множество касиков, каждый со своим отрядом. Лучшие, прославленные в боях воины отозвались на призыв своего повелителя. А вооружены они были тяжелыми боевыми палицами из пальмовой древесины, длинными пиками и копьями, на которые насажены острые наконечники из закаленного на огне черного дерева. У каждого через плечо переброшена длинная толстая веревка — ею надлежало вязать пленников. С поясов свешивались панцири броненосцев — в них лежали камни для пращей и маленькие стрелы для копьеметалок. Все запаслись деревянными щитами, которые были обтянуты шкурами ягуаров, оленей и пум. У многих были такие же шлемы. Самые знаменитые воины прикрыли грудь и спину простеганными накидками из хлопка. У каждого отряда были свои знамена и знаки различия, особые флажки на пиках и палатки для военачальников. В окружении главных вождей Немекене устроил генеральный смотр воинов, что собрались на равнине перед Боготой. И радость наполнила его сердце.

Затем, как требовал обычай, принесли пленников в жертву Солнцу и богам войны, чтобы успешен был военный поход. Жрец-прорицатель вопросил великих богов и сказал, что удача ждет войско и что в поход надо выступать без малейшего промедления.

Огромное войско, за которым шли носильщики с провиантом и военным снаряжением, вторглось во владения могущественного вассала саке Турмеке. И хотя хозяин Тунхи был богаче сипы и у него было больше вассалов, но в одиночку и он не мог справиться с Немекене. Кемуинчаточа отправил к касикам Гамесы, Согамосо, Дуитамы и Сачики посольства, призвав дать совместный отпор грозному врагу.

Армии встретились на равнине, разделенной небольшой речкой. Перед

началом битвы соперники обменялись посольствами.

Сипа велел передать такие слова: «О Тунха, мудрый повелитель, сдается мне, ты так уверен в своей силе, что тщишься соперничать со мной! Ты, о муж, дающий советы другим! К тебе обращаюсь я, не подвергай себя риску. Путями более благоразумными, чем война, ты добьешься господства над подвластными народами; не вовлекай же их в битвы, в которых я всегда побеждаю. Известно всем, что я владыка всех гор и долин. Не искушай же судьбу и признай мою власть, ибо знатен и славен мой род. Внемли моему гласу, и я прощу тебя, и тебе уготовано будет достойное место на всех торжествах. Пойдешь же супротив меня, не избежишь моего гнева! Еще есть время, подумай, прежде чем начнется сражение и не кинутся на тебя те разъяренные, которых я веду. Сожаление движет мною, ибо не хочу я смерти стольким славным воинам».

На следующий день Немекене получил ответ от саке Кемуинчаточи. Он гласил: «Великий Немекене! Странно мне, что такой владыка, как ты, предлагает покориться без боя... Ты говоришь, что я должен пасть к твоим ногам, ибо род твой знатен, но мой род еще древнее. Пусть битва решит исход нашего спора, пусть каждый на деле покажет свою мощь и докажет знатность крови и происхождения. А если тебе жаль губить воинов, поступи как отважный муж. Выйдем бороться один на один, померяемся силами, и пусть тот, кто не возьмет верха, станет данником победителя и признает его своим владыкой». Уверенный в себе сипа принял вызов и вознамерился тотчас же сразиться с Немекене, но вожди отговорили его от столь неразумного поступка. Такой великий повелитель, как Богота, сказали они, не может снизойти до боя с касиком, судьба которого уже предрешена.

И битва началась. Ярость сражающихся была велика. Поле покрыли короны и щиты из золота, плюмажи из перьев вперемешку с трупами убитых. Крики нападающих и стоны раненых заглушали могучие звуки морских раковин, которыми музыканты подбадривали воинов. Сипа и саке находились в гуще боя, вдохновляя своих воинов. Телохранители и стражи защищали владык, которые восседали в отделанных золотом носилках. И вот неожиданно острая стрела вонзилась Немекене в грудь. Вытащив стрелу собственными руками, сипа понял, что рана его смертельна. Он собрал всех военачальников и повелел им отомстить за свою смерть и не прекращать битвы до победы, которая казалась ему совсем близкой. Однако весть о том, что сипа тяжело ранен, вызвала смятение в его войсках. Воины дрогнули, а затем пустились в бегство. Бойцы саке преследовали врагов по пятам вплоть до самой Чоконты, Немекене вернулся в Боготу, и хотя жрецы и пытались его исцелить, но смерть пришла к нему на пятый день. Это произошло за 14 лет до появления христиан, другими словами, в 1522 г. Так и не удалось великому сипе стать единовластным хозяином «Долины замков».

Племянник и наследник убитого Тискесуса, хотя и не был так отважен и мудр, как Немекене, с первых же лет своего правления начал готовиться к войне с саке, ибо жаждал возмездия. Рассказывали мне, что Тискесуса (а означает это «Великий, носящий благородные украшения на лбу») как-то увидел знамение. В доме отдохновения близ селения Туны была у него купальня. И однажды ему привиделось, что вода, в которой он омывал свое тело, окрасилась в цвет крови.

Ужас объял Тискесусу. Но жрецы истолковали все это как благоприятное знамение. Они сказали: «О великий! Радуйся! Ты искупался в крови презренного Тунхи». Однако нашелся жрец из Убаке по имени Попон, который часто общался

с демоном. Он предрек Тискесусе, что тот будет купаться не в чужой, а в собственной крови, ибо его убьют пришельцы из других земель. Впоследствии тот жрец упорно сопротивлялся крещению, и только перед самой смертью стал пономарем. Так мудрый прорицатель предрек Тискесусе гибель от рук христиан. Но тогда сипа ему не поверил.

Настал 1536 год. Собрав большое войско, Тискесуса решил наконец покончить с саке. Кемуинчаточа узнал об этом через своих соглядатаев, которые тайно шныряли в стане сипы и обо всем доносили своему великому повелителю.

Новый правитель Гуативиты Гуаска Тикисоке тяжело переносил позорное иго рабства, столь недостойное славы его предков. В нем горела святая жажда мести за смерть своих близких, погубленных Немекене. Вот почему, как только стало известно о вызове, который бросил сипа его старому союзнику и покровителю саке из Тунхи, Парящий орел поспешил ему на подмогу.

И вот снова над полями «Долины замков» заколыхались боевые стяги, разнеслись трубные .звуки морских раковин, оповещая всех о великом сражении. Но нет, на этот раз не скрестились в крепком ударе боевые топоры и палицы. И не потому, что трусы завелись на той или другой стороне. На поле вышла процессия жрецов в черных и оранжевых одеяниях. Призвав к себе военачальников, они объявили, что битву придется отложить, ибо настало время паломничества к священным озерам. Пришлось сипе и саке согласиться на короткое перемирие. Три дня народ муисков, оставив все свои дела и нарядившись во все лучшее, приносил жертвы и совершал праздничные возлияния. И было общее веселье.

В ночь перед паломничеством сипа Тискесуса призвал к себе своих боевых капитанов и сказал им коротко, но настойчиво: «Завтра вы начнете священный бег, однако знаем ли мы намерения наших врагов?! Спрячьте оружие под плащами, и если на нас нападут — мы будем защищаться. Если же вы увидите врагов безоружными — смело нападайте на них сами, и так победим мы меньшей кровью». Капитаны передали приказ сипы всем воинам и велели держать его в строгой тайне.

На следующий день ликующий народ муисков могучим потоком устремился к священным озерам. И вот тогда-то по сигналу сипы его воины и напали на своих противников. Они не боялись совершить это святотатство, ибо пообещал им сипа прощение грехов, заверив, что сами боги на их стороне. Подданные Кемуинчаточи в смятении бежали к своим домам. Тискесуса праздновал победу. Он считал, что сбылась давняя мечта его предков повелевать всеми долинами и землями муисков.

И тут случилось непредвиденное. К сипе прибыли два посла от саке. Но не весть о повинной принесли они. Воистину чудно было слушать то, что рассказывали кеме. А сообщили они вот что: «О великий! Стало известно, что в твои владения со склонов Опона спустились люди, которых прежде никто не знал и не видел и у которых на лице много волос. А вместе с ними пришли звери, очень большие и ужасные видом. И звери эти громко голосят, но речь их нам непонятна. Эти люди собираются наложить дань на твои земли, как это ты сам делаешь в своих владениях. Наши жрецы вопрошали богов, кто эти люди? И ответили боги: они послали своих сыновей, чтобы наказать тебя и твоих подданных за все твои святотатства». Разгневанный Тискесуса прогнал послов саке и выслал своих лазутчиков разузнать все подробности. Вскоре те вернулись и подтвердили прежние сообщения слово в слово. «Послы говорили правду, о

великий, сыны Солнца — их восемь раз по двадцать и странные звери — их три раза по двадцать вторглись в наши земли и беспрепятственно продвигаются к тебе».

Пришлось великому сипе забыть о своих дерзновенных помыслах и обороняться от новых невиданных врагов. Но он остался один на один с ними. Подвластные касики и капитаны были рады избавиться от тирании Тискесусы, они не хотели защищать его из-за высокомерия и надменности, с которыми сипа обращался со всеми индейцами. Однако бедные индейцы! Избавившись от одного гнета, они вскоре попали в еще худший. И напрасно радовался старый саке Кемуинчаточа посрамлению своего давнего недруга и обидчика. Несчастный, думал ли он, что его ждет подобная же судьба! Только гордый Дуитама вовремя разгадал этих презренных суачиас, но что он мог поделать один! Разброд погубил страну муисков. Когда же правители поняли, какие беды несет им иго христиан, было уже поздно. Сыновья Солнца стали полными хозяевами наших жизней.

РАССКАЗ ВТОРОЙ,
где речь пойдет о том, как правили великие владыки многочисленным народом муисков и в каком страхе и покорности их держали

Мне не раз приходилось слышать, как христиане ругали нас, муисков, и называли народом дерзким и непочтительным. Так скажу я: мало в словах этих правды. Ибо смирению и покорности нас учили с самого детства. И так уж повелось издавна, что младшие повиновались старшим, дети — родителям, жены — мужьям. Что же до правителей, больших и малых, то перед ними муиски испытывали благоговейный трепет. И столь велико было 8то преклонение, что христианам казалось оно неслыханным и невиданным.

Ни один муиск не посмел бы взглянуть в глаза своему повелителю, И мы немало удивлялись, как вольно и несдержанно вели себя испанские солдаты, когда близко подходили к генералу Кесаде, трогали его за руки и смотрели прямо в лицо. И сколько раз я сам говорил Кесаде, чтобы он наказал наглецов, но он лишь усмехался и говорил, что они, христиане, не видят в этом ничего зазорного.

Для муиска взглянуть в глаза владыки — значило содеять великое святотатство. Ведь правители были люди самой знатной и древней крови, они высоко стояли над простым народом, они беседовали с богами, и дарована им была магическая сила. Вот почему древний обычай требовал, чтобы к правителю обязательно являлись с подарком. Вошедший должен был упасть на колени поодаль от трона, повернуться спиной к правителю и пасть ниц. При дворе же великого сипы полагалось каждому просителю иметь тяжкий груз на спине, дабы всем воочию было видно, сколь принижен перед ликом владыки его подданный.

Вот почему среди муисков существовало наказание, которое было для нас хуже любой смерти. Так, если вор, предупрежденный дважды, не возвращался к добропорядочной жизни, его приводили к касику, силой поворачивали голову и заставляли взглянуть в глаза повелителя. Затем виновного отпускали домой. Страшнее позора нельзя было представить. С этого дня никто во всей округе не разговаривал с ним, никто не помогал ему на поле, никто не сватал за него своих дочерей, род его прекращался. И провинившийся сам искал себе смерти.

Все, что окружало правителя, почиталось священным. И если великого сипу

одолевал кашель, то особа, к нему приближенная, вставала на колени и, отвернув лицо, с трепетом принимала мокроту в тонкий платок.

Стоит ли говорить, с каким почтением и страхом выслушивались! все приказания великих. Испанцы такогои в жизни не видывали, хотя и превозносили перед нами свои порядки.

Множество касиков управляло народом. Но не все они были равно именитыми, ибо одни были более, другие менее знатного рода. Так, касик Тибакуя был на испанский манер как бы коннетаблем, касикам Гуатавиты, а значит, и мне, равнялись по знатности герцоги, касик Субы был как бы вице-королем, ну а самого великого сипу можно было сравнить разве только с испанским королем.

Титул «касик» был нам неведом, его принесли с собой христиане и стали так называть всех наших правителей от мала до велика. Мы же самых главных называли «усаке», и были это вожди древних и многочисленных племен, главы знатных родов и особо отличившиеся военачальники. Сипа Тискесуса был «усаке усакия» — что значит великий из великих.

Знатных усаке окружали зависимые вожди низшего ранга — «сибин тиба», и прозвали их испанцы капитанами. Без этих капитанов правители не решали ни одного важного дела, а прежде советовались с ними, сзывая их в свою ограду: нужно ли заключать мир или начинать войну.

Но пожалуй, больше всех почитали муиски воинов-атлетов «гуеча» («приносящих смерть»). Храбрейшие из храбрых становились гуеча и получали почетное право обрить голову обсидиановыми ножами. Другие же высокородные лица носили длинные волосы и весьма заботились о том, чтобы они всегда были иссиня-черного цвета. Седина считалась неприличной, так как напоминала всем о старости и близкой смерти.

И были эти гуеча великанами. В бою они сражались с пикой в одной руке и с боевой палицей в другой. А волосы они потому и обрезали, чтобы сподручнее им было наносить удары и чтобы не могли их самих схватить за волосы и захватить в плен. Доверенные слуги выискивали гуеча в больших и малых селениях и, найдя, представляли великому сипе. Им отводили особые кварталы в селениях, где они набирались силы и ловкости, учились искусству побеждать врага. Потому гуеча доверяли самые важные дела, они охраняли сон правителей и сопутствовали им в походах. В битвах гуеча сражались отрядами по 50 человек в каждом, и любимые цвета их знамен были красный и черный. Кровь и смерть означали эти краски.

Самые же прославленные воины жили в Фоске, Тибакуе и других селениях, лежащих на самой границе с землями ужасных панче. Собиралось там временами до 5 тысяч гуеча. После первых сражений и первых пленных, отбитых у панче, гуеча прокалывали себе в ушах отверстия. В них они вставляли тончайшие золотые трубочки по числу убитых и плененных врагов. У самых заслуженных гуеча побед бывало так много, что золотые трубочки вставлялись в крылья носа, в губы и в щеки, так, что лицо такого гуеча щетинилось золотыми блестками. Великие сипы так ценили своих гуеча, что постоянно награждали их дорогими подарками, раздавали им выгодные должности, назначая править покоренными племенами, посылали им красивых наложниц. На славных же пирах они занимали самые почетные места — по правую руку от правителя.

Но сколько бы ни говорили мы о величии и могуществе знатных касиков,

оно не было бы столь полным, если бы не почитали их и не боялись пуще смерти простые индейцы, слуги и «купкуа» — те, кому разрешалось сидеть только около самого входа в дом: и не имели эти купкуа никаких прав, кроме одного — умереть, когда этого захочет их хозяин и повелитель. Этих «увходасидящих» испанцы называли рабами. Правители муисков добывали себе рабов в боях и походах. Сипа Тискесуса, похваляясь своими воинами, говорил: «Вот мои храбрые мужи, все, кто приносит мне птиц, летающих в небе, кто умерщвляет и берет в плен бесчисленных врагов, восстающих против моей власти, кто добывает нам рабов у многих народов, наших недругов». Рабы были носильщиками и домашними слугами, сопровождали вождей в их походах и выполняли все их прихоти. Красивые пленницы пополняли гаремы знатных правителей и воинов. Жизнь раба не представляла никакой ценности, и их владельцы распоряжались ею, как хотели. Самых знатных пленников оставляли для жертвоприношений на случай закладки нового дома касика или храма или на случай битвы и победы. Пленным касикам имели обыкновение выкалывать глаза. Их оставляли в живых, чтобы глумиться над ними в дни великих празднеств. И так росла слава правителей, окруженных рабами и простыми людьми.

Цветущими полями славилась «Долина замков». С утра до вечера работали там в поте лица земледельцы. Сперва они обрабатывали земли правителей и жрецов и уж потом только переходили на свои поля. Другие лепили из глины красивые горшки и посуду. Золотых дел мастера трудились у своих горнов, выделывая из золота фигурки священных птиц, зверей и насекомых, чтобы украшали себя люди и ублажали своих богов.

А когда наступало время, приносили они в амбары и житницы своих касиков много всевозможной снеди. Приносили початки золотистой и медно-красной абы, корзины йомги (испанцы их называли земляными орехами), связки листьев агавы — из нее делалось целебное питье, битую птицу и кроликов, пчелиный мед и оленину — украшение стола великих правителей, плащи и пояса из хлопчатой ткани, тыквенные бутылки, белоснежную соль.

Не забывали и о воинских доспехах: несли пики и палицы, толстые нагрудники, шлемы и щиты. Так оделял своих правителей каждый народ всем тем, что водилось и произрастало на его земле. Но больше всего ценились золотые украшения — браслеты и носовые подвески, короны-полумесяцы, плащи всех цветов и размеров, благословенные богами и правителями изумруды. Так наполнялись доверху амбары и житницы и радовались сердца владык, потому что можно было теперь устраивать пиры, воевать с соседями, воздвигать роскошные храмы и оделять подарками верных воинов и капитанов.

Но у простых людей были и другие повинности. Они возводили и подновляли дома правителей и стены дворцов и храмов, прокладывали новые дороги и следили за старыми, смотрели, чтобы не осыпались террасы на склонах гор. Словом, служили касику верой и правдой. А когда в ограде правителя трубили священные морские раковины, созывая воинов в поход за данью и рабами, все союзные и вассальные касики быстро откликались на этот зов. Так было заведено исстари и совершалось из года в год на нашей земле.

С радостью подчинялись своим правителям люди, и не было в их сердцах зависти, и не знали они лени. И так продолжалось до той поры, пока сипа и саке не обложили данью многие прежде независимые племена. Под тяжестью дани стали роптать народы. И чтобы взыскать положенное, не раз приходилось

подневольным касикам прибегать к силе.

А действовали они таким образом. Когда какой-нибудь индеец опаздывал с уплатой подати, посылал к нему касик своего слугу с дикой кошкой, медведем или пумой, звери же эти содержались во дворце для особых целей. Слуга привязывал зверя к двери дома должника, сам же устраивался рядом. И доколе провинившийся не вносил недоимки, должен он был кормить зверя кроликами и голубями, а слугу одевать и ублаготворять. Все это накладывало на бедного индейца столько забот, что впредь он не запаздывал с уплатой подати. Когда же при дворе касика не было диких зверей, пользовались другим способом. Если после отсрочки дань не выплачивалась, в дом приходил сборщик податей и заливал водой очаги. Огонь не разрешалось разводить до тех пор, пока долг не погашался полностью. Вот почему должник торопился: ведь без очага нет и жизни. Теперь понятно, откуда у индейских правителей собирались огромные богатства — золотые украшения и изумруды. О сокровищах этих, которые хранились в потаенных местах, знали только жрецы да особо доверенные слуги. Когда стало ясно, что суачиас — обыкновенные люди, а никакие не посланцы богов и очень жадны к золоту и изумрудам, правители решили не уступать им своих богатств.

Первым тайно пришел к моему дяде Гуатавите касик Симихака. Он нагрузил сокровищами 40 рабов и попросил его как главного хранителя священного озера принести все эти драгоценности в жертву великой женщине-змее, чтобы силой своих чар изгнала она бородатых из пределов нашей земли. Исполнил он волю правителя Симихаки в следующую же ночь. А за ним последовали и другие. Много золота навсегда скрылось в глубоких вода,х Гуатавиты.

Но были и такие касики, которые зарывали свои сокровища в землю, надеясь, что когда-нибудь они выкопают их и принесут в жертву богам, как и положено. Чтобы скрыть подземные тайники, убивали рабов, которые закапывали сокровища. Так, известно мне, что касик из Чиа нагрузил 100 рабов и отправил их в горы. После того как работа была закончена, рабы эти, так же как и два капитана, указавшие им место захоронения клада, были на пути домой тайно убиты.

Уж кому-кому, а мне все это ведомо доподлинно: ведь старый Гуатавита поступил таким же образом. Он отобрал сотню самых крепких своих рабов, вызвал сборщика податей я повелел ему уложить в мешки золотые украшения, бесценные плюмажи из перьев священных птиц, сосуды с золотым порошком, которые предназначались для меня, его наследника. Затем указал одну недоступную и неприметную для глаз пещеру. Люди перенесли туда сокровища моих предков, не ведая, какая судьба им уготована. Никто из них не вернулся. Об этом позаботились 50 самых верных гуеча. После того как все узнали, какой грабеж учинили христиане в столице старого саке и как погиб храм великого Солнца в Согамосо, так же поступили многие правители. И напрасно христиане ищут наши сокровища. Их надежно хранит земля муисков.

Правда, случалось и иначе, находились и такие легковерные правители, которых обводили вокруг пальца не знающие стыда испанские солдаты и даже христианские святые отцы, большие любители индейских сокровищ.

Так, знаю я, что старый касик Убаке был очень дружен с отцом Франсиско Лоренсо, большим знатоком наших языков и обычаев. Стало тому известно, что у

старика Убаке есть тайное святилище, но путь к тайнику знал лишь жрец, который его охранял. Тогда Лоренсо подкрался незаметно к хижине, где жил жрец, и забрался на дерево. Он хорошо знал, как индейцы беседуют со своими богами, и обратился к хранителю сокровищ, как того и требовал обычай. Сперва пораженный жрец обомлел и лишь на третий призыв отозвался:

– Я здесь, владыка. Приказывай!

— О том, что ты охраняешь, доведались христиане. Они хотят прийти и лишить меня сокровищ. Перенеси их.

— А куда, о владыка?

— В пещеру, что в лесу за твоим домом.

— Твоя воля – закон, о владыка.

После этих слов жрец поспешно удалился, а хитрый монах слез с дерева и спрятался у входа в пещеру. Пять раз входил в нее индеец, сгибаясь под тяжестью нош. А вечером Лоренсо обнаружил там пять мешков с фигурками из золота. Потом он эти фигурки переплавил и получил 6 тысяч песо. Вот как обманывали нас бесстыдные христиане.

Но не только сокровищами владели правители муисков. Боги даровали им многие привилегии и почести, дабы знал простой народ свое место на земле.

Сипа передвигался с пышностью, достойной его великого сана. Специальные слуги несли его на деревянных носилках, обитых в несколько слоев золотым листом. Это были «стражи носилок», их избирали из числа знатных юношей. Они подолгу учились своему делу, чтобы и в воздухе чувствовал себя сипа столь же незыблемо, как и на земле. Перед ним шла многочисленная свита, разгоняя встречных. Рабы и слуги очищали дорогу от камней и мусора, покрывали её плащами и цветами. Остатки этих дорог и по сей день сохранились близ Боготы.

Дворцы и храмы строили и украшали лучшие мастера, ибо великолепие дома владыки — его честь и слава. Гаремы знатных касиков были многочисленны, десятки красивых женщин с радостью служили своим владыкам. Так, только в ограде сипы Тискесусы под строгим надзором жили 400 наложниц, которых свозили к нему со всех земель.

Помимо дворцов как в Боготе, так и в других селениях сипа имел летние резиденции в укромных местах, где он отдыхал со своим двором и женщинами. В местечке Табио сипа купался в горячих источниках. В долину Тинансуку сипа приезжал, когда зной выжигал поля вокруг Боготы.

Золотые украшения, отраду богов, и цветные хитрой раскраски плащи носили только правители и их родичи. Плащи не обертывали вокруг тела, а набрасывали на плечи так, что концы их волочились, подметая землю.

Простолюдины носили грубые белые плащи. Мои же предки ввели такой порядок: заслуженных воинов у нас награждали расписными плащами. Того же, кто осмеливался нарядиться в цветной плащ без разрешения, правитель Гуатавиты карал штрафом. Особо выдающимся касикам даровалось право передвигаться в роскошных носилках, и был это высший знак почета. Для простого юноши срок затворничества, когда жрецы раскрывали ему тайны древних обрядов и церемоний, длился 20 дней. У знатных же юношей обряды посвящения растягивались на долгие месяцы, что отвечало их высокому положению. Будущих же правителей еще в отрочестве отвозили в уединенные храмы, где они жили многие годы.

Затворничество это было очень строгим. Наследнику заказано было глядеть на солнце, поэтому он выходил из дому только ночью; из страха перед жестоким наказанием он избегал соприкасаться с женщинами. В определенные дни жрецы избивали своего воспитанника тяжелыми палками. Как только юноше исполнялось 16 лет, ему просверливали уши и ноздри и вдевали в них золотые подвески. С этого времени он мог украшать себя золотыми нагрудными пластинами и браслетами. Все эти испытания закаляли тело и душу знатных затворников. Лишь пройдя суровый искус, могли они справедливо, достойно и мудро повелевать своими подданными.

Только при дворах правителей лакомились сочным и ароматным оленьим мясом. Со времен Немекене простые индейцы лишились права охоты на этого королевского зверя. И хотя оленей было великое множество и ходили они стадами, словно овцы, делая потраву на полях, без дозволения сеньора никто не мог поднять на них руку. Простой народ кормился кроликами да птицей. Обычно каждый касик держал у себя в доме искусных охотников, которые забивали столько оленей, сколько было надобно хозяину. На случай войны запасались копченой олениной, которую раздавали воинам перед битвой.

Однако тот, кто жил с почетом в окружении богов и прославленных воинов, должен был так же пышно и достойно умирать. После смерти тело касика переходило во власть жрецов. Они извлекали внутренности, и высушивали тело на медленном огне. Затем его натирали смолой «мокоба». В желудок, глаза, рот, ноздри и уши покойного закладывали золотые шарики и изумруды. (Христиане узнали об этом обычае и выискивали царские захоронения, чтобы очистить покойников, напичканных драгоценностями.)

Благородные останки обертывались погребальными мантиями, и на некоторые из них шло по 30 вар тонкой благоуханной ткани. Потом тело клали в чехол из оленьих шкур. Чехол обвязывали частой веревочной сетью, а сверху к нему прикрепляли восковую маску умершего.

Не так давно около селения Суэски открыли большую пещеру, вход в которую был завален каменной плитой. Это было древнее кладбище знатнейших людей. Там нашли 150 мумий, и они сидели по кругу, как бы воздавая посмертные почести тому, кто пребывал в середине. А находилась там мумия последнего касика Суэски прославленного Суамене, друга генерала Кесады. Так что всякий нынче может убедиться, что все, рассказанное мной,— правда.

Индейцы же Боготы покойников хоронили иначе. С момента воцарения сипы жрецы готовили ему тайное место для погребения. Когда сипа умирал, тело его помещали в выдолбленный ствол священной пальмы. Снаружи и изнутри ствол покрывали тонкими золотыми пластинами в три слоя. Затем гроб опускали в глубокую яму и засыпали его тонким слоем песка. Сверху же укладывали убитых жен, слуг и рабов, верно служивших своему повелителю при жизни. После чего яму тщательно заравнивали землей, чтобы скрыть всякие следы захоронения. Порой отводили на могилу воды ближайшего ручья, чтобы навсегда утаить от людских глаз место успокоения великого владыки.

Но хотя и велика была честь последовать за своим хозяином в мир иной, а расставаться с жизнью никому не хотелось. Чтобы облегчить женщинам и рабам прощание с землей, их опаивали настоем из табака, дурман-травы «тектек» и сапкуа. Но случалось, и этого было мало. Многие успевали прийти в себя и умирали в отчаянии, как призналась в этом одна индеанка. Христиане откопали

ее спустя день после того, как она была похоронена на могиле почившего касика Убаке. Женщину вытащили полумертвой: на голове у нее были глубокие следы от ударов, которые ей нанесли жрецы, прежде чем засыпать землей.

Христиане возмущались, рассказывая об этой истории, но ведь мы, муиски, верим, что наши правители живут и на том свете. А коли так, то справедливо ли лишать их общества тех, кто ревностно и с любовью служил им на земле!

Правители муисков умели держать в страхе своих подданных. В моих долинах, где повелевал я и мой род, строго каралось любое нарушение древних законов. Ведь наша земля была святая, и на ней не было места отступникам. Если мужчина совершал легкий проступок, то он обязан был поститься дней пять или же его заставляли стоять на коленях с вытянутыми вперед руками. Стоило ему опустить руки, слуги били его по локтям. Воров лупили палкой и заливали им глаза водой с перцем. Женщин сажали на два часа на холодный с острыми выступами камень. Трусов заставляли носить женскую одежду и делать женскую работу, доколе это угодно было касику. Беглецов, покинувших поле боя раньше своих капитанов, бросали на съедение диким зверям. В других владениях у простых индейцев отрубали руки, носы, уши, выкалывали им глаза.

Великие и малые правители устраивали во дворцах особые загоны, где содержались разные дикие звери. Обреченного на смерть могли посадить в этот загон, других же бросали в глубокие ямы с водой, где плавали ядовитые змеи. Яму накрывали каменной плитой, и смерть погребенного под ней была так же мучительна, как и позорна.

Но был и другой вид казни — преступнику отрубали голову или сажали на кол. Христиане сперва премного удивлялись обилию этих кольев в наших селениях. Генерал Кесада даже говорил мне, что, по его мнению, на дорогах нашей земли встречается больше столбов и больше висельников, чем на его родине в Испании. Чаще всех так казнил своих людей грозный саке Кемуинчаточа. Когда христиане овладели его столицей Гунхой, они набрели к западу от города на холм, весь уставленный высокими, в человеческий рост, столбами. На каждый из них было насажено обнаженное тело индейца. Ходил слух, что такой смертью карал он всех, даже и родичей, за малейшее ослушание. Пораженные христиане так и назвали это зловещее место «холмом виселиц».

Но был среди муисков правитель, который держал в страхе индейцев и не прибегая к жестоким казням. Я говорю о касике священной для всех нас долины Согамосо. Все в округе почитали его и стремились заручиться его благосклонностью. Говорили, что он мог по желанию вызвать дождь, снег или град, наслать страшную хворь. И после прихода христиан правитель Согамосо, в язычестве Номпаним, а в христианстве дон Алонсо, поднимался на гору в красном плаще и рассеивал па ветру красную охру, давая этим понять всем, что вскоре людей поразит кровавый понос. В другой раз, одетый в белый плащ, он разбрасывал пепел и объявлял при этом, что скоро наступит засуха и все умрут с голоду. Чтобы пророчества его были более внушительны, он придавал своему лицу суровое и мрачное выражение.

И хотя много лет живет новой жизнью «Долина замков», а правители Согамосо и поныне пугают своих подданных. Так, нынешний касик дон Фелипе острастки ради говорит своим индейцам гневно: «Вы, собаки, потеряли страх. Забыли, видно, что все мне подвластно: могу накликать на вас зловонную чуму, наслать черную оспу, ломоту в суставах, жар-горячку и другие страшные недуги.

Забыли вы, что это я всемогущий создал все, что дает всходы,— травы, овощи и злаки». Вот почему дона Фелипе боятся, как никакого другого правителя, не только индейцы, но и сами христиане, которые, я заметил, не менее суеверны, чем мы, индейцы.

Известно мне, что генерал Кесада казнил за разные проступки своих военачальников. У нас же таких порядков не было. Никакие законы и кары, обычные для всех, на знатных не распространялись. А уж если правитель нарушал обычай, смерти он не боялся, ибо не о плоти своей, а о чести заботились сильные мира сего. Любой провинившийся касик предпочел бы лишиться рук и ног, чем расстаться с длинными волосами или показаться на людях в разорванном плаще. Ведь волосы и плащи они приносили в жертву, и, кто терял их, тот обрекал себя не только на позор и бесчестье, но и утрачивал благосклонность богов.

Правда, иногда касиков наказывали их жены, но это случалось редко. Свидетелем одного из таких случаев стал генерал Кесада. Он со смехом поведал мне о нем. Как-то на второй год конкисты он зашел в ограду касика Суамене, что правил индейцами Суэски, и обомлел: Суамене защищал лицо и голову от ударов плетками и палками, которые сыпались на него со всех сторон. При этом он был крепко привязан к столбу. И колотили его девять женщин (его жены). За день до этого Суамене попробовал христианской «сапкуа» — и опьянел. Это серьезный проступок, ведь пить разрешалось только в дни великих побед и праздников. Жрец приговорил касика к наказанию палками, повелев исполнить приговор его женам. И били они своего мужа, как показалось Кесаде, весьма старательно. Но зато никто, кроме них, не видел позора касика Суамене, и была в этом высшая справедливость.

Как только христиане обосновались на наших землях и узнали наши порядки, они стали наказывать непослушных правителей индейским способом — обрезали у них волосы или разрывали их великолепные плащи. Но скоро касики притерпелись к этим оскорблениям. Тогда испанцы стали заключать их в тюрьмы. И постепенно правители утратили в глазах индейцев свою былую мощь. Так покончили с теми, кто был нашей честью и славой, на кого уповали великие боги и возлагала надежды свои многолюдная земля муисков.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ,
в котором будет поведано, сколь трудолюбив и искусен был народ муисков и как привольно жил он в благодатной «Долине замков»

Много дурного говорили о муисках христиане, не считали индейцев за людей и рассказывали всякие небылицы, возводя на них хулу и напраслину. Будто мы безрассудны и бесчувственны как ослы, трусливы как змеи и грязны как свиньи, не признаем ни закона, ни веры. Будто бы есть среди нас люди престранного сложения, вроде тех, о которых говорил отец Антонио Даса. И индейцы эти зовутся тутанучас, что значит «ушастые», и уши у них будто такие длинные, что волочатся они по земле и под ними могут-де спрятаться пять или шесть человек сразу; что есть среди нас и такие, что живут на берегу большого озера, а спят под водой, а некоторые индейцы якобы берут в дорогу цветы и

фрукты, чтобы нюхать их, и в этом вся их еда. И много другого несуразного можно было услышать от христиан. Горько вспоминать мне об этом.

Лучше расскажу я о том, что они в один голос одобряли и хвалили. О плодородной «Долине замков» с ее благодатным климатом. Христиане всегда с ужасом вспоминали о жаре на берегах Магдалены. Когда я спрашивал у генерала Кесады, что ему больше всего понравилось у нас, он неизменно ответствовал: «Ваш свежий воздух, ваше ласковое солнце, легкие дожди; эти благословенные богом места по сердцу нам, христианам».

Что и говорить, прав был главный суачиа. Наша земля холодна, но не слишком, холод не причиняет никакого беспокойства людям, так же, впрочем, как и солнечный зной. Что зимой, что летом у нас и не очень холодно, и не очень жарко. Лето — это когда нет дождя, хотя идет снег и прохладно, зима — когда идет дождь, хотя и жарко. Октябрь и март — самые дождливые месяцы, январь и август — самые сухие. Две зимы и два лета бывали у нас каждый год. Этой завещанной богами смене дождей и засух и подчинялись все земледельческие работы муисков.

Муиски не знали ни пшеницы, ни ячменя, и то, и другое привезли с собой христиане. Хотя христианам был люб их хлеб, но и наш ценили они высоко. Удивлялись они, что мы его ели и зрелым, и зеленым, что он созревал и в жарких, и в холодных землях, долго хранился без порчи, давал высокие урожаи. И называли мы наш хлеб — аба, христиане же прозвали его маисом. И было у нас 13 сортов маиса с белыми, желтыми, розовыми, светло-красными, пурпурными и даже черными зернами.

Початки женщины варили, получалась ароматная похлебка. Зерна мололи и из полученной муки делали «больос» — небольшие булочки или лепешки. Их заворачивали в маисовые листья, опускали в котел с водой или поджаривали, и был это «индейский хлеб». Мягкая и нежная каша из кукурузной муки и поныне называется в деревнях «индейской кашей».

Из заквашенных на воде зерен муиски приготовляли горячительный напиток — сапкуа, христиане прозвали его ничей. Ее пили на всех празднествах, будь то сватовство, жертвоприношение, день сева или урожая и т. д. Индейцы верили, что в сапкуа заключена магическая сила, приносящая победу над врагами и благополучие в жизни. Из маисовой соломы плели циновки и ковры, корзинки и мешки. Да, были мы, муиски, маисовым народом.

Очень часто в наших котлах варились йомги, второй наш хлеб. Христиане сначала не верили, что эти круглые крепкие клубни годны в пищу. На йомги испанцы натолкнулись сразу, как только поднялись в наши горы. Первую же долину, покрытую зеленой кудрявой ботвой, христиане окрестили «Долиной земляных орехов». Это и был картофель. Индейцам были известны многие сорта картофеля, различались они по цвету: белый, желтый, фиолетовый, и у всех вкусные мучнистые клубни. А один мой приятель-испанец дон Родригес так описывал нашу йомги своему земляку, который жил в Испании. «Картофель — род земляной груши, он, коли сварить его, нежен, как печеный каштан, и кожи на нем не больше, чем на трюфелях, а растет он под землей. И корни дают куст как у мака».

Помимо картофеля муиски выращивали «набо», по вкусу она напоминала христианам репу. Любили мы и юку. Муиски умело отмачивали ее ядовитые корни и жарили их. Сажали мы ибиа — , сладкую репу, ямс, рубию, а она похожа

на брюкву. Очень нравились христианам наши томаты, фасоль, тыква. Особенно пристрастились они к любимой нашей приправе — перцу ахи, без которого не обходилось ни одно кушанье. А на ананасы, гуайяву спрос был особенно велик.

Но что немало поразило пришельцев, так это то, что мы имели обыкновение нюхать пахучие сушеные листья и получали рот этого большое удовольствие. Иногда мы размельчали эти листья в порошок, закладывали его в короткие каменные трубки, и поджигали. И дым этот радовал сердце и был угоден богам. Христиане назвали эти листья табаком и вскоре стали заправскими курильщиками. Наилучшие сорта табака выращивали индейцы под Тунхой. В первые же годы своего правления испанцы построили там мельницу и на ней мололи табачный лист. Потом они стали вывозить его в Испанию, зелье это там называлось «табаком из Тунхи», и цена его была очень высока.

Год муисков — «сокам» — состоял из 12 месяцев. В январе, во всех долинах готовили земли для посевов, чтобы засеять их «к ущербу луны» в марте, до начала дождей первой зимы. Сначала сажали картофель, закладывая по одному клубню в каждую ямку, выбирая для этого самые солнечные дни января, месяца сухого и жаркого. На посев шел самый мелкий картофель. В марте пробивались маленькие ростки, к концу июля урожай уже поспевал. В первых числах июля индейцы имели обыкновение обрывать цветы и листья ботвы, оставляя один главный стебель, так как от этого, по нашему мнению, клубней становилось больше и они быстрее росли. В начале августа, в разгар второго «лета», муиски вновь сажали картофель, но уже на другом поле. Таким образом, собирали два урожая в год — второй урожай в декабре, и картофеля у всех было вдоволь. Маис родился единожды в году, созревая только через десять месяцев после посева, то есть в ноябре — декабре.

Странно нам было видеть, как сеют свою пшеницу христиане, разбрасывая зерна по вспаханному полю. Индейцы никогда так не делали. Муиски аккуратно укладывали несколько маисовых зерен в одну лунку и засыпали ее горсткой земли. Но прежде собирались сильные мужчины со своими семьями и насыпали высокие гряды шириной в три шага и высотой в две ладони. Такая гряда называлась «суна» (большая дорога), были и гряды, разделенные на две половины — «синка» (маленькая дорога).

С началом новой жизни мы перестали делать эти суны. Много сил и времени отнимали они у земледельцев. Но кое-где на склонах гор еще видны остатки длинных гряд. Словно змеи, они многорядно опоясывают склоны и задерживают дождевые воды. Индейцы же гуане так любили свою землю, что постоянно ее поили, отводя воду из рек на свои поля по длинным и глубоким канавам.

Чтобы все посаженное нами росло и приумножалось, было принято перед посевом посыпать землю толченой солью. И еще завещал нам великий Бочика, чтобы не подходили мы близко к полям, пока не заручимся согласием женщин. Ведь сеять, обрабатывать поля, собирать и хранить урожай — это не мужское дело. А все потому, что если сажают женщины, то маис вырастает с двумя или тремя початками, юка — с двумя или тремя корнями. Удел женщин рожать, и они поэтому знают, как вырастить во множестве любые коренья и плоды. Вот почему у нас без жен и дочерей никогда не начиналась работа в полях.

Зверей же и птиц было вдоволь на нашей земле. Ловили мы разных обезьян, медведей, муравьедов, тапиров, охотились на — «фуко», испанцы прозвали их

кроликами, и на «кури» — по виду крыс, а также на «пекари» — диких свиней. Благородные же олени — «ксика» бродили по горным лесам и долинам огромными стадами, как теперь бродят овцы. И хватало их правителям муисков в изобилии, так же как сейчас христианам — свиней и коров, которых они привезли из Испании. На прудах и озерах разводили жирных уток. Что же касается рыбы, то ею кишели все ручьи и реки. Рыбка «гуапуча» длиной с пядь — обычная пища жрецов — пришлась по вкусу христианам.

В отличие от испанцев муиски редко употребляли камень для построек. Дерево, глина и тростник — вот из чего возводились дома простых людей и дворцы знати, крепости и храмы. Лишь только наши северные соседи индейцы лаше строили из Грубого песчаника квадратные домики, крытые соломой.

От скромных жилищ простых индейцев дворцы правителей отличались не только большими размерами, но и стенами... ;В ограде, которая окружала мою столицу, было 12 ворот, охраняемых верней стражей. В каждом из четырех углов ограды возвышались столбы высотой в семь-восемь вар ярко-красного цвета. Некоторые столбы оканчивались деревянными клетками. Эти пурпурные сверкающие столбы, видные издалека, мы называли «красными руками солнца», а клетки, устроенные на их верхушках,— «сиденьями солнца». Ведь в них помещались знатные рабы, чтобы отдать по капле свою кровь владыке вселенной — Солнцу. И было это так. Выбирали самого красивого и родовитого пленника. Связанного по рукам и ногам, жрецы поднимали и усаживали его в «сиденье солнца» таким образом, чтобы открытой оставалась только грудь и голова жертвы. Затем самые прославленные воины и вожди забрасывали пленника стрелами. Тот, кто первым попадал в сердце или глаз, награждался знаками отличия. О нем пели весь год на праздниках и торжествах. Как только жертва испускала дух, воины бросали свои священные луки. В продолжение всей этой церемонии жрецы, что стояли у подножия «руки солнца», собирали по капле жертвенную кровь. И была эта кровь угодна и приятна великому Солнцу, и люди поэтому радовались от всей души. Вот каково было назначение красных столбов, которые так удивляли пришельцев.

Дома наши и дворцы строились надолго. И чтобы всем, кто жил под крышами новых домов, сопутствовала удача, обычай, древний, как само солнце, требовал совершить жестокий обряд. Прежде чем опустить опоры дома в заготовленные для них ямы, приносили человеческую жертву, чтобы умилостивить всемогущих богов. Под центральный столб нового дома правителя закладывали тело молодой знатной девушки. И считалось для нее великой честью умереть за благополучие всего народа. Затем начинался многодневный праздник, на который приглашались жители всего селения, а также бродячие шуты и затейники.

И все время, пока пировали, пели и плясали в новом доме касика его гости, у ворот ограды стояли два старых индейца. Тела их были обнажены, и не полагалось им ни еды и ни питья. Накрытые громадной сетью, которой обычно ловят птиц, старики играли на флейтах грустные мелодии. И знаменовали эти старцы неминучую смерть, которая всегда на ногах, всегда наготове собирать в свою страшную сеть бедных людей, лишая их всех мирских радостей.

Чем еще богата была земля муисков, так это ремеслами. Золотые руки были у наших людей, и прославили они себя далеко вокруг. И пожалуй, искуснее всех были горшечники и ювелиры-гуатавитяне. И говорю я об этом без ложной

скромности, ибо и сейчас еще могут подтвердить все индейцы, что лучшие золотые украшения, радость живых и мертвых, самую красивую посуду делали у нас. Наши ювелиры как прославленные мастера золотых дел расходились по соседним землям и подолгу жили там, выделывая на своих горнах удивительные украшения: короны, тяжелые серьги, оттягивавшие до плеч уши знатных правителей и воинов, причудливые нагрудные пластины, жезлы и другие знаки власти. Особенно дорого ценились браслеты и бусы из нанизанных на золотые шнурки маленьких фигурок лягушек, ящериц, змей, всевозможных птиц, обезьян, рыб. И были золотые фигурки священными, ибо многие наши боги принимали облик этих зверей. И каждый, кто хотел заслужить благосклонность богов, имел обыкновение сплошь увешивать свою грудь и руки этими священными связками.

Славились также и другие золотые вещицы, без которых не обходился ни один индеец, как бы ни был он беден. И назывались они «чунсо», христиане же переделали их на свой лад — в «тунхо». Так вот, их очень смешили наши чунсо.

Чунсо — это человечек размером с ладонь. Из золотой проволоки делались рот, нос и уши. Руки-проволочки держали разные предметы: если это воин — копьеметалку или лук и стрелы, если правитель — скипетр, если чунсо — женщина,— ребенка или ткацкий станок. И сотни таких чунсо христиане отыскали в храмах, озерах, святилищах и алтарях. И было им непонятно, почему мы закапываем золотых человечков и прячем их в жертвенных копилках, и удивлялись они, до чего же похожи на нас эти человечки.

Наполовину угадали правду христиане. Чунсо действительно были нашими подобиями. А как могло быть иначе? Если просила женщина удачи в ткацком ремесле, то заказывала деревенскому ювелиру чунсо-женщину с прялкой в руках. Просил земледелец урожая и получал от ювелира чунсо-мужчину с мотыгой и киркой. А славные воины заказывали чунсо с веревкой через плечо, чтобы взять в плен знатных иноплеменников. И когда о чем-либо просили богов, то оставляли им в знак памяти свое чунсо. Без этих человечков ни одно моление не доходило до богов. Вот почему нашим ювелирам всегда хватало работы,

Правда, они делали вещи не из чистого золота, а всегда пополам с медью и называли этот сплав «тумбагой». И был этот сплав прочный и твердый, но не радовал глаз цветом, чтобы придать блеск изделию из тумбаги или скверного золота, применяли наши ювелиры тайный способ. Есть у нас одна трава. Берут ее, с положенными молитвами выжимают из нее сок и смазывают им изделие. Затем подносят изделие к огню высушивают. И чем больше соку пошло на вещь, тем больше времени надо держать ее над огнем. А чем больше она накаляется, тем ярче горит, как будто бы сделана вещица из самого что на есть чистого золота.

Получая от нас украшения, христиане обычно переплавляли их в слитки. «Чистое» золото на глазах превращалось в чистую медь. Вот и сердились они, но при этом не могли надивиться мастерству наших ювелиров. Все умели муиски: и лить, и чеканить золото, сваривать лист с листом, тянуть тончайшую проволоку. И делали все это муиски получше, чем сами христиане.

Самые лучшие гончары жили в селениях Тинхака, Токансипа, Гуатавита и Гуаска. Рядом с этими селениями располагались древние копи, где и по сей день индейцы добывают прекрасную глину. Бесчисленное множество кувшинов для переноски воды и чичи, горшков для варки, чаш, блюд, подносов, котлов, кадильниц и жаровен расходилось из этих мест по всем долинам. Посуду расписывали яркими красками: белой, желтой, красной, серой, коричневой и

черной в двух-трех оттенках. Когда открывались богатые ярмарки, невозможно было пройти мимо гончарного ряда, казалось, сама радуга Кучавира разбросала там свои цвета. Но особенно почитаемыми среди гончаров были те, которые изготовляли большие сосуды-копилки, в которых хранились *к* Жертвоприношения. И были эти сосуды сделаны в виде человеческих фигур. Многие из них имели отверстие на голове или на животе, куда и складывались золотые чунсо и изумруды. Одни копилки стояли вдоль стен храмов, другие закапывались по шею в пол. Как только такая копилка наполнялась доверху, жрецы прятали ее в потайном месте.

Из всех ремесел, пуще всего славилось ткацкое. Известно, что хлопок растет только в теплых землях. Там и были у нас поля, которые приходилось защищать от грозных панче.

Много хлопка вывозили из льяносов, что на востоке от нас. За каждую ношу хлопка-сырца, а ноша — это кипа, которую может унести на себе человек, давали один плащ... Доставив хлопок домой трудными переходами, муиски пряли его, ткали и раскрашивали. Из одной поклажи можно было изготовить один большой плащ и четыре маленьких. У муисков ткали только женщины. Они постоянно сидели за станком, выделывая плащи, платки, пояса, ленты и другие вещи для своих детей и мужей.

Муиски изготовляли разные ткани: и очень тонкие, из которых делались плащи для всяких надобностей, и грубое, толстое полотно, которое не пропускало воду. Оно шло на мешки, на военные палатки-навесы для вождей, ими покрывали стены крепостей для защиты от дождя и солнца.

Но больше всего любили мы плащи «бой». Были они прямоугольные, края женщины обрубали и обшивали. Обычно плащ был длиной около трех вар, ширина же его в зависимости от станка колебалась от одной до полторы вары. И мужчины, и женщины одним таким плащом обертывали тело, прикрывая грудь и ноги ниже колен. Второй маленький плащ — «чиркате» накидывали на плечи. Большая заколка — «топо», золотая, серебряная, медная, а то и костяная, кто какую сможет приобрести, соединяла концы чиркате. Обуви не знали, ходили босиком. Для покраски полотна в красный, голубой, черный и прочие цвета ткачихи пользовались тем, что давала им природа. Так, например, из сочных плодов дерева «биха», подобного гранатам, получали жидкость красного цвета, которая шла на окраску тканей и тела. Черный и голубой цвета они получали из индиго.

Плащ расписывали от руки различными узорами. Вдоль всей его длины наносили полосы — «мауре», узкие ленты незамысловатого рисунка, чаще всего красные и черные. Узоры простые, но очень красивые. Чем больше было полосок на плаще, тем дороже он ценился. Но обычно их было не, больше четырех и цена за каждую была строго определена. Краски же на ткани были столь яркими и прочными, что ни время, ни дожди ничуть не вредили им. Раскрашенные плащи служили наградой лучшим певцам и бегунам на религиозных празднествах. Плащами одаривали своих невест женихи, плащами выплачивалась дань. Одним словом, с плащом индеец не расставался со дня рождения до смертного часа.

На плащи у нас можно было приобрести все, что запросит душа. Захватив в плен саке Тунхи и его дворец, испанцы выбросили бессчетное множество плащей, тканей, цветных бус. Только потом христиане поняли, что на них они приобрели бы втрое больше золота, чем награбили.

С появлением христиан за ткацкие станки сели и мужчины, и дети. Теперь в каждом доме сушатся и отбеливаются длинные полотна. Многими податями обложили нас новые хозяева. И платим мы им плащами и поясами из хлопка. Одно золотое песо приравнено к пяти варам ткани. И в Тунхе плащей скопилось уже столько, что нужно строить новые хранилища. А христиане ненасытны, им подавай новые и новые полотна.

Была и еще одна вещь, всем очень нужная. Я говорю о соли. Близ селений Немокона и Сипакиры во владениях сипы Боготы находились целые горы каменной соли и соленые озера. Соленую воду разливали по огромным кувшинам. Долгое время соль в них оседала, доколе не застывала в твердую массу. Когда же этот осадок измельчали, то получался мелкий порошок с приятным вкусом. А в соленой горе муиски прорубали узкие проходы и каменными топорами отбивали целые куски драгоценной соли. Из-за соляных разработок не раз вспыхивали войны между саке Тунхи и сипой Боготы. Тот, кто владел солью, был всегда силен. Это сообразили христиане. Придя к нам, они прервали торговлю солью. Тем самым они вынудили воинственных панче им покориться. Как ни грозен был отряд капитана Ванегаса, оружием он завоевать этот народ не смог. Только пообещав индейцам соль, он вынудил их пойти на мировую. Панче, когда христианские послы вручили им дары, отвергли бусы и украшения, но сразу же схватили кусочки соли.

Но чем поистине была богата Новая Гранада, это россыпями изумрудов. «Зеленый лед» сопровождал испанских солдат с первых же их шагов по земле муисков. Мне самому с восторгом говорил генерал Кесада о великих богатствах, которые достались христианам в нашей стране. Изумрудами же, считал он, «Долина замков» богата так, что в сравнение с нею не идет никакое Перу. И едва ли кому приходилось слышать о чем-либо подобном со дня сотворения мира.

Еще более утвердился Кесада в своем мнении, когда поднялся на знаменитый холм Итоко, что во владениях индейцев мусо. А холм этот отличался от всех других тем, что, кажется, весь был нашпигован изумрудами. Да, это была настоящая гора изумрудов. Зеленые камни зарождались в прослойках голубой клейкой глины, которая своим цветом спорила с небом. И появлялись они сразу, как птенцы из яйца, готовыми, сияя всеми восемью своими гранями, которые природа отшлифовала так, как этого не сделал бы ни один самый искусный ювелир. Камни появлялись на свет прозрачно-белыми, но со временем начинали темнеть, пока не становились совершенно зелеными. Часто встречались наполовину белые, наполовину зеленые изумруды. И такие запрещалось трогать. Обычно камни вырастали гнездами, но попадались и в одиночку, были они очень крупные, и потому называли мы их «сипами». Незадолго до прихода христиан холм Итоко был окружен индейцами-людоедами мусо, и муискам, как это ни прискорбно, пришлось оставить изумрудную гору в руках врагов.

Были у нас и другие изумрудные копи во владениях касика Сомондоко. Его подданные добывали камни во время дождей или сразу же после них. Счастливые индейцы Сомондоко собирали так много зеленых камней, что продавали их всем желающим. Священный камень изумруд считался излюбленным приношением великим богам.

Сомондокцы никого не допускали на свою изумрудную гору. Они усиленно распространяли слух, будто любого чужеплеменника, который только осмелился бы взглянуть на место разработки драгоценного камня, через месяц

настигнет смерть. Сдается мне, что сомондокцы нарочно пугали завистников, которые заглядывались на их богатства.

Кроме изумрудов муиски добывали из земли блестящий черный камень, который давал ровное жаркое пламя. Близ селений Топаги, Гамесы, Таско и в других местах были прорыты узкие, но глубокие канавы длиной от 100 до 200 вар. В них и добывался этот камень. Он согревал дома в холодное время, а вечерами разгонял ночную тьму. Хорошо служил этот чудо-камень и ювелирам, которые растапливали им свои горны, и тем, кто выпаривал соль в глиняных кувшинах.

А сейчас я хочу рассказать о том, что более всего радовало сердце каждого муиска, будь то бедный или знатный. И была этим любимым- делом торговля. Существовал древний обычай, по которому каждый четвертый день в славном городе Тунхе открывался рынок, и туда приходило бессчетное множество людей всех племен. Являлось также много касиков и вождей, чтобы поглядеть на властителя Тунхи и справить свои дела.

Не только близкие, но и дальние племена торговали с нами. Индейцы Сомондоко снабжали всю страну изумрудами, индейцы Немокона продавали соль. Морские раковины, предмет особой гордости муисков, служившие нам музыкальными инструментами и украшением для жилищ, доставлялись с восточных гор, из-за которых поднимается солнце. Золото в слитках и в песке поступало от индейцев с другого берега Великой реки. Индейцы северных племен, например люди сутагао, приносили на обмен смолу, меха, агаву — из нее плели веревки и сети, а также коку, биху и мед. Индейцы гуане сперва покупали соль у южных муисков и затем перепродавали ее за золото северным племенам; индейцы читареры торговали причудливо раскрашенными калебасами.

Самым знаменитым был рынок под городом Белесом, в селении Сорокота, на берегу реки Суарес. Здесь раз в восемь дней собиралось великое множество народа из Боготы, Тунхи, югамосо и соседних с муисками земель. Индейцы жарких и вы-окогорных долин обменивались тем, что им давала богатая природа. Все товары раскладывали по кругу на огромном камне, то предвещало счастливый исход всех сделок. Индейцы торговали спокойно, не повышая голоса.

Денег мы не знали, вместо них в ходу были изумруды, плащи и хлопчатые ткани, а иногда небольшие золотые слитки, по форме сходные с монетами, которые стали чеканить при христианах. Впервые Кесаде подарили такие монеты в селении Гуачета. Во дворцах и сипы, и саке испанцы нашли золотые сосуды тонкой работы, наполненные маленькими круглыми дисками. Соизмерялись они особым способом: вставлялись между указательным и большим пальцем руки. В случае если диск был слишком велик, его обмеряли специальными лентами. И называли христиане наши диски индейской монетой. И очень они были похожи на испанские песо, только что не стояло на них печати. Мы быстро поняли значение денег и сами стали плавить золото и делать из него настоящие монеты. Потом их пускали в оборот, торгуя между собой и с испанскими купцами.

Вскоре таких денег накопилось столько, что испанское песо обесценилось. Появились фальшивомонетчики, которые на наших слитках низкопробного золота (а они всегда делались из сплава с медью) ставили королевское тавро. Тогда власти спешно приказали собрать всю индейскую монету и промаркировать ее или же принимать от индейцев из расчета за одно испанское песо полтора песо индейского.

Муиски были великими ростовщиками. Так, если за товар в срок не платили, то каждый следующий месяц плата за него возрастала наполовину. У нас положено было честно платить долги. Как бы ни был болен, беден или пьян индеец, но, когда нужно было сказать, сколько он должен или сколько должны ему, он говорил чистую правду.

У нас был обычай строго различать дни работы и дни праздников. И мы ни в коем случае их не смешивали. Так каждый месяц делился на три части, по десять дней в каждой. Первые десять дней мужья не соединялись со своими женами, а все это время жевали коку, смешанную с дурман-травой, чтобы облегчить душу и тело от забот и волнений и предстать чистыми перед лицом грозных наших богов. Следующие десять дней все работали в поле, строили дороги, подновляли дома и приумножали таким образом свои богатства. А последние десять дней отдавались отдыху, домашним радостям и торговле. И такой порядок соблюдали все племена, только у некоторых перемена состояния наступала не через десять дней, как у нас, гуатавитян, а через три или семь дней. Вот почему народ муисков был крепок телом и духом и не знал праздности и лени. Прилежны были наши женщины, трудолюбивы земледельцы, закалены и выносливы воины, мудры жрецы и правители.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ,

в котором будут раскрыты таинства индейской веры и вся правда о «позолоченном человеке»

Святые отцы и монахи, которые наводнили Новую Гранаду, без конца бранили нас пресквернымиловами за то, что мы плохо молимся своему новому богу Христу и грешим против божественных заповедей, втайне поклоняясь идолам. Да, есть правда в этих словах. Я сам, хотя и прошел обряд крещения, а до сих пор, крестясь на деревянного Христа, мыслями обращаюсь к великому Бочике и всемогущему Солнцу. Только напрасно нас называют безбожниками. Это у испанцев есть лишь один бог, да и вспоминают они о нем только по воскресеньям. Мы же, муиски, народ богобоязненный, и не проходило дня и часа, чтобы мы не приносили жертв и не воскуряли благовония в честь наших могучих покровителей. И было их много у нас оттого, что одному божеству не по силам уследить за всем, что творится на земле, под землей и на небесах.

Вот уже много десятков лет христианские отцы, как злые собаки-ищейки, выискивают и вынюхивают места, где еще сохраняются наши священные алтари и жертвенники. И хотя жрецы через каждые восемь дней переносят их с одного потайного места на другое, нетронутых святилищ остается все меньше. Не так давно отец Алонсо Ронкилья привез в Боготу три сотни идолов и под горестные вопли индейцев, которых нарочно согнали на главную площадь, бросил статуи в жаркий костер.

Да и сейчас по округе рыщут целые отряды охотников за индейскими идолами. Третьего дня отец Мансера напал на верный след и в поздний час ночи ворвался в укромную пещеру около селения Рамирики. Там при свете чадящих факелов увидел он индейцев, коленопреклоненных перед королевским орлом из дерева в три метра ростом. Вокруг него стояли другие образы. Всех их испанцы

вытащили наружу, разрубили на куски и бросили в костер, который тут же разожгли. Индейцы схватились было за палки, видя смерть любимых богов, да устрашились они мушкетов. И так каждый день. Погибают наши боги, вместе с ними медленной смертью умирает народ муисков. Когда откроют и осквернят мое святилище, умру и я.

Великое множество богов, и добрых, и мстительных, в облике птиц и зверей окружало нас, муисков. Обо всех рассказать нет никакой возможности, только о самых великих поведаю я. Очень почитали мы прародительницу муисков Бачуе, являвшуюся нам в образе змеи, и видели мы в ней саму матерь-землю, которая посылает своим детям обильные плоды, не давая им умереть с голоду. Бачуе владела даром покровительствовать плодам, ей приносили в жертву смолу и плоды пальмы.

Ее божественный супруг великий Бочика властвовал над всеми стихиями, и не было ему равных среди богов. И часто являлся он людям в облике царственного орла. Высший среди всех, он покровительствовал только знатным правителям и славным воинам-гуеча. Моления простых индейцев не доходили до его державных ушей. Милосердный Чибчачум, который был «покровителем, опорой народа» Боготы, защищал торговцев, ювелиров и земледельцев.

Радуга Кучавира покровительствовала роженицам и страдающим лихорадкой, ей приносили в жертву золото низкого качества, изумруды и бусы. Кучавиру боялись. Появление в небе ее семицветного плаща вызывало ужас среди индейцев, ибо, по нашим, представлениям, приносила она людям смерть.

Был у муисков бог веселья — Ненкатакоа. Отвечал он за порядок в религиозных шествиях и на всевозможных празднествах. Помимо этого он помогал доставлять лес с гор и из жарких земель для постройки храмов и дворцов. В жертву принимал только чичу и вместе с нами напивался допьяна на наших праздниках. Изображали мы его в виде медведя, покрытого плащом, из-под которого торчал хвост. Было у него и другое имя — «Фо», лисица, и ее облик мог он принимать. И был он богом ткачей и художников, которые раскрашивали плащи.

Грозные Гигвае и Чибафруиме, жестокие боги войны, носили на плечах шкуры пум и ягуаров, а головы их закрывали маски в виде морд этих страшных зверей. Ненасытна была их утроба. Они умиротворялись, лишь когда к их ногам складывали головы военнопленных. А без их помощи ни один задуманный поход не бывал удачен.

И еще много можно было бы рассказать о наших богах, да нетерпение заставляет меня перейти к тем из них, кому мы обязаны жизнью. Речь пойдет о богах-вседержителях великих Суа и Чиа — Солнце и Луне. Не было пределов их величию, от них зависело жить или умереть народу муисков. Вот почему мы всегда заботились, чтобы днем и ночью их благотворные лучи освещали нас и нашу землю, чтобы не теряли они ни на минуту своей благодетельной силы. А для этого Солнце и Луну нужно было постоянно кормить человеческой плотью и кровью. Верили мы — если не жертвовать Солнцу невинных юношей, наступит конец света, все живое исчезнет с лица земли. Вот почему часто проливалась человеческая кровь на жертвенных холмах. Ибо так необъятно величие Суа, что не было на свете стен, которые могли бы вместить его сияние и благодать. Около каждого селения выбирались одинокие холмы и утесы. Вершины их первыми

встречали утренние солнечные лучи и поэтому посвящались могущественному Солнцу.

Лучшими, самыми угодными Солнцу жертвами считались мальчики, которых доставали далеко на востоке у чужих племен. Называли их «моха» или «гуеса» — бездомными. Неутомимые торговцы покупали шести-семилетних гуеса и так почитали их, что переносили на своих плечах, не разрешая им касаться грешной земли. Они стоили очень дорого: только правители сильных и больших племен могли приобрести такого мальчика, чтобы вымолить у Солнца расположение к своему народу. Лишь немногие правители, такие, как сипы Боготы, покупали сразу двух или трех «солнечных мальчиков».

Они жили в святилищах, где им воздавали божеские почести. Индейцы считали, что гуеса умели беседовать с Солнцем и передавать ему просьбы жрецов, молившихся о благе людей. Одной из главных обязанностей мальчиков было петь священные гимны. Когда начинали звучать их высокие, чистые голоса, индейцы плакали. По утрам жрецы носили гуеса на руках к источнику или на речку, чтобы они могли омыть лицо и тело. Их необычайно нежили, и никто, даже сам правитель, не мог есть с ними из одного блюда. Но если жрецы узнавали, что кто-нибудь из гуеса познал женщину, его изгоняли из святилища и он становился таким же юношей, как и все прочие.

Но вот приходила пятнадцатая весна, и гуеса достигал возраста, когда великий Суа призывал его к себе, чтобы обрести в его невинной крови и плоти свою бескрайнюю силу и могущество. Наступал у людей великий праздник. Лучшими благовониями и маслами умащивали тело солнечного юноши, наряжая его в богатые одежды. Длинная процессия жрецов, подняв гуеса высоко над головой, медленно и торжественно несла его в последний путь к священному холму. И бывало это в дни, когда боги очищали небо от самых легких облаков, чтобы ничто не мешало великому Солнцу принять к себе желанную жертву. На роскошный плащ опускали гуеса. Тягучие, грустные звуки флейт оглашали окрестности. И знали все, что жрецы, облаченные во все черное, рассекают в эти минуты грудь жертвы и извлекают из нее еще живое, бьющееся сердце! Теперь сердце «Поместят в священный сосуд, кровью же окропят все выступы Солнечного холма. Тело юноши хоронили с почетом в пещере или оставляли непогребенным на вершине. Жрецы возвращались Несколько дней спустя и, если не находили останков, радовались, считая, что Солнце удовлетворено и будет и впредь давать людям свет, тепло и обильную жизнь. Повинуясь этому обычаю, индейцы бросали к ногам христиан тела мальчиков, ибо приняли они поначалу христиан за сыновей Солнца. И хотя оспаривать заветы богов считается непростительным грехом у нас, муисков, но должен признать я, что сомнение давано поселилось в моем сердце. Теперь, когда многое прожито и недалеко свидание с самим Гуахайоке, демоном смерти, сдается мне, что жрецы напрасно проливали кровь в честь великого Суа. Ведь от гнева всесильных христиан он так и не смог нас спасти. Да и от засухи, и от недородов слишком часто страдали наши земли. Поэтому повелел я своему народу заменить кровь людей на кровь священных попугаев. И стали жрецы приносить в жертву Солнцу попугаев по 100—200 штук за один раз. Но прежде птиц обучали говорить на нашем языке, чтобы Солнце думало, что и они люди.

Но Суа принимал с благосклонностью и другие жертвы. В его честь сжигали в жертвенном огне изумруды. Чем могущественнее был правитель, тем больше и лучшего качества камни бросал он в пламя, посвященное Солнцу.

У муисков было множество храмов в больших и малых селениях, вдоль дорог, на берегах рек, озер, на священных холмах. Это были обычные дома или хижины. Пол был покрыт мягкой плетенкой и уставлен скамейками. На них лежали различные фигуры из золота, меди, дерева, глины, из нитей хлопчатника и воска, изображавшие богов. Эти фигуры мы приносили всегда парами — женский идол вместе с мужским, и служили они символами плодородия. Дворцы правителей и ворота храмов соединяли ровные дороги с валами по обеим сторонам.

Жрецы «ехчки», или, как называли их христиане, «хеке», считались людьми святыми и непорочными. Сан жреца переходил по материнской линии от дяди к племяннику, сыну его старшей сестры. Хеке — высшие жрецы — молились за целые племена и народы. Каждая община выделяла лучшие земли, чтобы кормить жреца, женскую прислугу и всех его помощников. Ведь не могли жрецы марать себя простой земной работой, так как они разговаривали с великими богами.

В особых зданиях при храмах — «кука» помещались маленькие мальчики — будущие жрецы. Жили они в строгом уединении, вдали от людских глаз, не зная мирских забот. И потчевали их только кашей из кукурузной муки без всякой соли. Впрочем, иногда им разрешалось подобрать какую-либо птицу или выловить рыбу из ручья. Старые жрецы наставляли их обрядам и церемониям, толковали им о верованиях, старинных преданиях, учили исчислять время, лечить недуги, беседовать с богами, произносить магические слова-заклинания.

Когда юноше-жрецу исполнялось 16 лет, ему прокалывали нос и уши и вставляли в них серьги и кольца из золота. Потом его вели к ближайшей протоке, где он омывал тело и наряжался в новые плащи. Оттуда он следовал со своей свитой в дом правителя, который возводил его в сан хеке, передавая ему право управлять божественными делами на своей земле. Это событие отмечалось большим праздником. Ибо все считали, что молодой жрец, полный сил и способностей, принесет удачу всем людям, вымолив ее у богов.

Жрец был обречен на безбрачие, иначе он лишался своего сана. Мы полагали, что святой человек, советчик людей в серьезных делах, приносящий жертвы богам, не должен предаваться похоти. Обычно жрец на людях говорил редко и мало, часто постился, подвергал свое тело истязаниям, теряя при этом много крови. Сон его был краток. Большую часть ночи он проводил, молясь богам и жуя листья коки.

И говорили нам жрецы, что души после смерти покидают тело и спускаются под землю оврагами с желтой и черной глиной, а затем переправляются через большую реку на лодках из паутины. Вот почему индейцы никогда не убивали пауков, чтобы не иссякала паутина на земле и чтобы легок был путь в иную жизнь, к месту, где все пьют, пляшут и веселятся.

Все, о чем я рассказываю, знали и видели многие христиане. И часто они смеялись над нами, называя нас невеждами и скудоумами. Однако то же самое я мог бы сказать и о них. Ибо многие их заблуждения сродни нашим. Так, христиане считали слюну целебной; верили, что наилучшее лекарство от всех болезней делается из крови змеи с добавлением еще семидесяти трех разных

разностей. Я видел сам, как они пытались исцеляться порошком из высушенных глаз раков. Христиане считали, что можно избавиться от конвульсий, если посадить паука в мешок, и от лихорадки, если повесить на шею цепочку кораллов. Тот же, кто окутает шею волосами индейской женщины, спасется от ревматизма. Змея же, положенная на плечи, будто бы излечивает зоб. И многое другое вспоминается мне, из чего заключаю я, что каждый народ заблуждается по-своему.

Так что много богов повелевало муисками, и потому великое множество больших и малых жрецов служило им в храмах, не зная покоя ни днем, ни ночью. Но были у муисков и такие боги, которых они делали собственными руками. Эти идолы были небольшие — у кого из золота, а если индеец был победнее, то и из глины или дерева, с отверстием в животе, в которое вкладывалось золото и изумруды. Индейцы настолько почитали этих идолов, что всегда носили их с собой — ив поле, и на рынок, и на войну в небольшой плетеной корзинке под левой рукой. Особенно набожными были подданные саке. Рассказывали мне, что в пылу сражений с христианами воины саке частенько роняли свои священные корзинки. Удивленные испанцы поднимали смешных божков, чтобы получше рассмотреть их. Индейцы же прекращали бой, полагая, что испанцы отбирают идолов, чтобы молиться им. Из-за этой неосторожности многие индейцы погибали.

Да, набожным и богобоязненным слыл народ муисков. Мы не только носили с собой своих богов, чтобы ни на минуту не расставаться с ними, но и повсюду видели их, куда бы ни падал взгляд. И казалось индейцам, что вся природа населена духами, требующими, чтобы их почитали. И поклонялись мы озерам и протокам, горам и скалам, если была у них причудливая форма. Особенность, которую они имели, казалась нам достойной почитания.

Но более всего на свете муиски почитали воду, живительную воду, сестру радости и дарительницу жизни. Во всякой воде таился для нас сокровенный смысл, ибо приносилась она в жертву великим божествам, озерная же гладь почиталась превыше всего.

Богата озерами земля муисков. Куда ни взгляни, тут и там в распадках между горами, на вершинах холмов голубеют большие и малые озера. И каждое из них — это слеза прекрасной Чии, грустящей по ночам о своем блистательном солнечном супруге. У каждого племени муисков было свое священное озеро. На севере славилось озеро Фукене, и было оно обиталищем бога Фу. На маленьких островках, рассеянных по водной глади, в святилищах жили жрецы. Множество паломников сходилось на берега Фукене, чтобы принести свои жертвы хозяину воды. На юге знаменита была лагуна Эбаке. Большое озеро Суэска почитали жившие окрест индейцы. Озеро Тота привлекало всех своей красотой. Но самым известным считалось озеро Гуатавита, все признавали могущество женщины-змеи Фуратены, поселившейся в чудесных водах этого озера. И так велика была слава озер у муисков, что неустанно тянулись они к их берегам.

Раз в три года в феврале — марте наступал великий день — «суна кухума», день «великой дороги», начиналось паломничество к священным озерам. И соединялись все муиски в братскую семью и забывали они о старых распрях и кровных обидах. И боги, видя это, также радовались и переставали- строить козни друг другу. Всякая вражда и боевые действия прекращались на срок паломничества. Подданные сипы и саке, их- союзники и соседи становились

участниками праздничного шествия, и длилось оно целых 20 дней. Жители севера начинали паломничество с озера Фукене, а жители юга — с Эбаке.

«Долина замков» приходила в движение. Везде толпились люди в праздничном убранстве, одни встречались с другими, одаривая друг друга богатыми подарками. Встречи превращались в веселые праздники, желтая сапкуа лилась рекой, и забывали индейцы о строгих предписаниях, которых они придерживались в обычное время. Да, в эти дни боги сквозь пальцы смотрели на нарушения древних запретов. А сколько драгоценных даров бросали ликующие паломники в озерные воды! Сколько лакомств скармливали они рыбам, обитавшим в священных водах, которые ходили там огромными косяками! Однако ловить рыбу запрещалось под страхом смерти. И старались все перещеголять друг друга, чтобы завоевать милость богов и привлечь их на свою сторону. И говорили мне старики, что священные воды с такой радостью принимали в свое лоно людские дары, что обычно спокойная и гладкая их поверхность покрывалась волнами. И чем выше были волны, тем пуще бились сердца людей, ибо значило это, что боги довольны. А когда боги довольны — и'человек счастлив. Так считают и христиане.

Но было еще одно, что любили наблюдать наши могущественные боги,— священные бега. Муиски считали, что в беге человек набирается мужества и силы, уподобляется птицам небесным, ближайшим помощникам богов. Один из богов, по имени Чакен, что значило «бегущий», больше всего любил бегать с нами по священным холмам и дорогам, помогая самым выносливым. И мы всегда знали, что рядом с тем, кто первым поднимался на священную вершину, всегда стоял легконогий Чакен. Так преданы были муиски этому искусству, что обучали ему своих детей с самого нежного возраста, чтобы, возмужав, могли они сравниться с самими богами. Священные бега устраивались на всех празднествах — строили ли новый дом правителю, радовались ли хорошему урожаю, поклонялись ли озерам. Если паломники обнаруживали близ озер святые холмы и пещеры, к ним тоже совершались бега.

Обычно состязались мужчины и девушки группами по шесть человек. Сам правитель намечал круг, которым должны были следовать бегуны. Первого, кто достигал священной вершины, премировали золотой короной, которую он получал право надевать на религиозных церемониях и в битвах. И приносила она ему славу и удачу. Индейцы верили, что войско, в котором сражаются прославленные бегуны, не знает поражения. Ибо бегуны были любимцами и избранниками богов. Девушек награждали плащами. Та, которая прибегала первой, получала шесть плащей, вторая — пять, последняя — только один. Победительница получала право носить свои плащи так, чтобы края их подметали за ней землю. И все расступались перед ней, потому что такие женщины считались между нами отмеченными божьей благодатью. Борьба часто была столь ожесточенной, что многие участники умирали, ведь им приходилось пробегать одну-две, а порой и четыре лиги и при этом без остановки. И бежали они так легко и стремительно, что со стороны казалось, будто они парят над землей. Всех умерших во время священных бегов, а также жертв чересчур обильных возлияний (многих убивала желтая сапкуа) как «святых мучеников» хоронили в пещерах, которые с тех пор становились священными. Покойникам жертвовали плащи, золото, изумруды.

Так проходили 19 дней «великой дороги». Наступал и день двадцатый, самый торжественный. Простые индейцы отправлялись к своим потухшим очагам. Все достойные, от глав маленьких общин до великих вождей и знатных воинов, собирались на священных берегах озера Гуатавиты. Великая змея, которая предвещала голод и болезни людей и смерть правителей, призывала к себе самых лучших своих сыновей, чтобы принять от них жертвенные дары.

День и ночь жгли благовония в огромных жаровнях у самой воды. День и ночь поднимались к небу дымки от курящегося моке, запах которого был так угоден богам. Рано утром на озере появлялись большие плоты. На них плыли жрецы и с молитвами бросали на дно богатые приношения. Каждый из них просил покровительства у жещины-змеи, исполняя пожелания простых людей. Сверкающие изумруды, дорогие бусы и ожерелья, золотые короны медленно и бесшумно исчезали в глубинах озера. Некоторым казалось, будто они слышали, как со стуком распахивались ворота подводного дворца. Это выходила из них прекрасная Фуратена, чтобы полюбоваться на сокровища, которые посылали ей люди. После окончания церемонии начинался трехдневный праздник, которым и заканчивалось паломничество.

Но бывали и другие случаи, когда тот или иной правитель, каждый на своем священном озере, приносил положенные жертвы. Так поступали все властители, если была у них нужда в заступничестве хозяина заветных вод. Только простые индейцы не могли заплывать в эти озера, и они кидали свои приношения прямо с берега, стоя к озеру спиной, ибо опасна была для глаз непосвященных озерная гладь.

Вот почему и в моей земле было принято время от времени нарушать благоговейную тишину озера Гуатавиты. По нескольку раз в году мои предки вверяли себя легкой, зыбкой бальсе, чтобы с ее помощью добраться до середины священных вод и вопросить Фуратену о будущем, ниспослать ей мольбу о богатом урожае, испросить избавления от тяжелого недуга. И так велики были доброта и щедрость женщины в облике змеи, что все наши просьбы она выполняла. И год от года земля ее сыновей и дочерей становилась богаче и обильнее, и росла ее слава у близких и далеких наших соседей.

Давно не принимает жертв прохладное лоно озера Гуатавиты. Когда я покинул свое суровое обиталище, где жил в заточении, долины и горы уже не принадлежали муискам. Мои подданные гуатавитяне были или убиты, или раздарены новым хозяевам. Погиб мой великий предок Парящий орел, и никто не знал, где он захоронил наши сокровища. И хотя я стал правителем, но не мог совершить священного омовения. Однако нельзя было нарушать древний обычай. В ночь перед избранием тихо выплыл я на середину озера. Не было на мне золотого покрова и не стояли на плоту блюда с богатыми приношениями. И воззвал я к великой Фуратене, чтобы благословила она меня править моим поверженным народом. Но не ответила мне женщина-змея. Покинула свою обитель всемогущая Фуратена. Не могла пережить она горькие страдания своих сыновей и дочерей. Осквернен и опозорен был ее дом. И видели люди, как однажды нечто огромное и темное вынырнуло из озерных вод. И были это извивающиеся кольца огромной змеи. Быстро поплыла она к берегу и вышла на отмель молодой и прекрасной женщиной. Печально было ее лицо, из глаз струились слезы. Последний раз взглянула она на встревоженные волны и обратилась в камень. Из-под тяжелого его основания вскоре забил звонкий ручей.

Стали приходить к этому камню индейцы, веря, что в нем омертвела Фуратена, бывшая владычица озера. И омывали они лицо ее слезами, чтобы отогнать все несчастья. А еще говорят, что сторожит каменная владычица сокровища подводного дворца. Нет числа этим богатствам. Сам же дворец покоится на золотых сваях, золотые столбы сияют в ограде, золотые щиты и пластины свешиваются с ворот и тихо звенят при движении волн. Змеятся дорожки, эыложенные изумрудами, золотыми песчинками вытканы узоры на стенах покоев. А в главном зале на помосте лежат золотые покровы правителей из рода Орлов, всех тех, кого благословляла Фуратена править своим народом. Вот какие драгоценности охраняет от глаз людей хозяйка озера, навечно обратившаяся в береговой камень.

Жадные христиане давно замыслили добраться до священных недр озера. Первым за это недостойное дело взялся капитан Ласаро Фонте, самый отчаянный воин в отряде генерала Кесады. Как только уехал Кесада в Испанию, Ласаро согнал окрестных индейцев и принялся рыть канаву на берегу озера. Но работа не ладилась. Кто-то по ночам засыпал все то, что землекопы прокладывали за день. Так и отказался испанец от своей затеи.

Но вскоре нашелся другой стяжатель — недостойный брат генерала Кесады Эрнан. Всем была известна его жадность до индейского золота. Собрал он своих рабов-индейцев и под страхом смерти заставил их рыть многие рвы и канавы. Хотел он понизить воды озера. Ему удалось достать несколько золотых рыб и птиц, и эта добыча стоила 4 тысячи песо. Однако важные дела вынудили его покинуть озеро, и больше он туда не возвращался. Потом, говорят, его убило небесным огнем, и была это месть великой женщины-змеи.

Но судьба этих нечестивых христиан не стала уроком для других. И вот недавно объявился некто Антонио Сепульведа. Много дней ходил он по берегу, что-то высматривая и высчитывая. Говорят, он подписал договор с самим испанским королем Филиппом II, и король дозволил ему осушить озеро Гуатавиту. И действительно, согнал испанец множество людей, и принялись они рыть огромную канаву. Вскоре ее заполнили озерные воды. И обнажились прибрежные скалы, дотоле скрытые от глаз людских. Сперва Сепульведа выловил старые башмаки. И все смеялись над ним. Потом в водорослях стали попадаться золотые змейки, орлы, бусы и ожерелья. Всего Сепульведа достал золота на 12 тысяч песо. А однажды сеть принесла маленькую сумку с большим изумрудом. Возликовал испанец и решил провести второй канал, чтобы забраться еще глубже. Но не хватило у него денег на эту работу. И сколько он потом ни копил, сколько ни сквалыжничал, а не по карману оказалась ему эта затея. Так и умер он в нищете, всеми забытый. И снова свершилась воля хозяйки сокровищ владычицы Фуратены.

Как только христианам стало известно, что были у нас и другие священные озера, принялись они рыскать по их берегам в надежде на легкую добычу. Не всем прошло это даром. Некто Карриага целыми днями нырял в воды Эбаке, сделав себе плот из надутых оленьих шкур. И однажды озеро выбросило его наверх посиневшего, с пустыми глазницами. И говорили индейцы, что хозяин озера взял душу, а тело послал людям в назидание охотникам за индейскими сокровищами. И с тех пор перестали христиане тревожить озера, опасаясь злой гибели.

На этом кончаю я свое повествование о народе муисков. Такова была его история. И да не забудут ее наши дети и дети наших детей! Пусть знают они свое

начало, свои корни и пусть чтут своих славных предков. Об одном жалею я, что не передам моему племяннику и наследнику Диегито священной тотумы, полной золотого песка, дабы мог он совершить желанное омовение. Прервались наши традции...

Силы изменяют мне. Большой паук уже выткал свою волшебную пелену в углу моего дома. Пора готовиться в далекий путь, в другую жизнь. Демон смерти Гуахайоке призывает старого индейца. Меня похоронят по христианскому обычаю, предадут мое тело бренной земле без украшений, жен и верных слуг. Не возложат на веки мои изумруды, чтобы светили они мне в дальней дороге. Но недаром я кормил паука его любимыми яствами. Будет душа моя плыть в паутинном, челне. Он доставит меня в край, где я снова стану тем, кем был в далекие времена, и воссоединюсь с моими предками.

Я, дон Хуан де Гуатавита, говорю всем — оставайтесь, я ухожу в страну вечной радости. Все, что поведал я,— чистая правда, и пусть страшный гнев богов обрушится на тех, кто добавит к моей повести хоть одно слово лжи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНДЫ

ПЛЕННИКИ ЗОЛОТОГО КОРОЛЯ

Он *на коне,*
В стальной броне,
В лучах и в тенях Ада,
Песнь на устах,
В днях *и годах*
Искал он Эльдорадо.
Эдгар По. Эльдорадо.

Со смертью Гонсало Хименеса де Кесады, рыцаря Эльдорадо, и дона Хуана, потомка последнего в истории муисков «позолоченного правителя», кончается наш рассказ о прекрасной «Долине замков». Настоящее, земное, не фантастическое Эльдорадо было «прописано» здесь, среди долин и гор Восточных Кордильер, на правом берегу реки Магдалены.

Однако суждено было случиться так, что удивительная церемония, совершавшаяся когда-то на озере Гуатавита и вскоре забытая потомками муисков, продолжила свою жизнь в легенде. И легенда эта стала таким же естественным достоянием Американского континента, как его высокие горы и могучие реки,— столь неотразимы были сказочное очарование и притягательная сила обряда, созданного щедрым воображением древних индейцев. Как справедливо заметил известный французский географ и путешественник Элизе Реклю, «не было индейской легенды, галлюцинации заблудившегося испанского солдата, миража на далеком горизонте, которые не рисовали бы перед воспаленными взорами конкистадоров образ того чудесного города, где царствует золотой человек, могущественный Эльдорадо».

История поисков путей к скрытой в горах стране муисков показывает, что слухи о ней расходились во все стороны. «Долина замков» была обречена. Если бы не повезло Кесаде, там появился бы Федерман, а если бы и этот сбился с дороги, пальма первенства досталась бы Белалькасару. Однако в конце концов повезло всем троим. Из них только один, Себастьян Белалькасар, искал «позолоченного человека». Вполне естественно, что ему и в голову не пришло сомневаться в существовании «золотого правителя». На этой невероятной земле все было возможно. И потом разве не справедливо, чтобы золотой страной правил человек, который купается в золотом порошке!

И все же на настойчивые расспросы Белалькасара об Эльдорадо-человеке солдаты Кесады отвечали неопределенно: «Да, вроде и был такой, но золота и у него, и в этой стране оказалось совсем немного». То ли оттого, что никому из конкистадоров не посчастливилось воочию увидеть этот обряд во всем его сказочном великолепии, то ли оттого, что не нашли они здесь каменных храмов и дворцов, крытых золотым листом, но встреча с «позолоченным человеком», реально существовавшим, прошла никем не замеченной. Никто из трех конкистадоров не упомянул о нем ни строчкой в своих донесениях. Правда, испанцы пытались осушить озеро Гуатавиту, но попытка эта не увенчалась

успехом: «золотой» улов был небогат. Значит, решили конкистадоры, это не то озеро, надо искать другое.

Казалось бы, слух о «золотом» касике, коль скоро он не подтвердился, должен был навсегда изгладиться из памяти людей. Но нет, через некоторое время он ожил с новой силой. Пройдя сквозь горнило разгоряченной фантазии испанских солдат, известие о «позолоченном человеке» обросло самыми фантастическими подробностями и, оторвавшись от земной, породившей его основы, превратилось в миф. Началась вторая жизнь Эльдорадо — Эльдорадо-легенды.

Новый, «обогащенный» ее вариант, изложенный известным испанским хронистом Овьедо в 40-х годах XVI в., гласил: есть-де в Западных Индиях чудесная страна, богатая золотом, серебром и драгоценными камнями. И правитель ее — «Золотой король», или «Эльдорадо», постоянно ходит покрытый слоем толченого золота, да такого мелкого, как толченая соль, ибо ему мнится, что облачаться в какое-либо иное одеяние будет не столь красиво; что украшать себя золотым оружием либо золотыми вещами, кои выковываются при помощи молотка, либо чеканятся, либо изготовляются каким иным способом,— грубо и обыденно, ибо другие сеньоры и государи носят оные, когда им вздумается, но вот осыпаться золотом — дело редкое, необычное, новое и куда более дорогое, ибо все, что каждодневно поутру одевается, вечером скидывается и смывается, выбрасывается и смешивается с землей, и проделывается сие каждый божий день. И расхаживать вот так, как он расхаживает,— эдаким манером одетым или прикрытым — вошло у него в обычай и не кажется ему ни непристойным, ни постыдным и весьма ему по нраву, ибо подобное облачение не скрывает и не уродует ни стройной его фигуры, ни его красивого телосложения, коими он очень гордится, и потому не желает прикрываться какой-нибудь одеждой либо платьем. Я, не раздумывая, предпочел бы золотую пыль из покоев сего властелина пескам из самых богатых золотых россыпей, какие только сыщутся в Перу или на ем белом свете!»

Муисский вариант мифа поразил воображение европейцев. Покрывать себя драгоценным песком и тотчас же смывать его водой — это казалось варварской бессмыслицей. Нашлось единственное разумное объяснение этому странному обычаю: порошок не жалели потому, что его было фантастически много! С точки зрения конкистадоров, такую роскошь мог себе позволить только человек, обладавший несметными запасами золота. Таким образом, муиски эффектно завершили легенду об Эльдорадо, придав мифу необычайную остроту и притягательность. В этом многозначном собирательном образе, словно в причудливом калейдоскопе, смешались великолепие городов, и храмов астеков, роскошь золотого убранства дворцов инков, благоговейный трепет муисков перед священными озерами.

Содержание легенды непрестанно менялось: то Эльдорадо — страна изобилия, то — золотой город, то — правитель необыкновенной страны. Каждое поколение завоевателей и путешественников перекраивало легенду по-своему, творцов легенд мало заботило, что концы с концами у них не сходились. Местонахождение Эльдорадо постоянно менялось. При этом наблюдалась одна закономерность: его искали там, куда еще не ступала нога европейца.

Целых два столетия после открытия Кесадой страны муисков все экспедиции, предпринимавшиеся на востоке Южноамериканского материка, в

бассейне Ориноко и Амазонки, руководствовались этим волшебным видением[20]. Царство «золотого правителя» скрывалось за следующей горой, за новым поворотом реки, на берегах неизвестного озера. И при этом искатели не знали только одного: самые богатые золотом страны, самые обильные и щедрые земли Нового Света уже были открыты.

Среди многих, кому эта легенда вскружила голову, был и испанский солдат Педро де Лимпиас. Годы изнурительных странствий ничему его не научили. Он испытал все тяготы и невзгоды, участвуя в экспедиции Федермана. Исхудавший, больной, но целехонький, он вместе с ним выбрался наконец на земли муисков, И что же — не досталось на их долю ни золота, ни золотых храмов, все ценное давно уже прибрали к рукам люди Кесады Зато у всех на устах были рассказы о «золоченом касике», который, как полагали, жил к востоку от здешних гор. Как раз в этих краях полтора года блуждал бравый солдат Педро. «Значит, прошли мимо Эльдорадо»,— рассудил Лимпиас, и, как только Федерман покинул Новую Гранаду, он вслед за ним улизнул в Санта-Марту, а затем и в Венесуэлу. Дон Педро был по-прежнему нищ, но теперь ему известна верная дорога в Эльдорадо.

Лимпиас нагрянул в Коро. Там в это время находились Филипп фон Гуттен, родственник знаменитого немецкого гуманиста Ульриха фон Гуттена, и совсем юный Бартоломе Вельзер, сын могущественного Бартоломе Вельзера. Восторженные речи Педро де Лимпиаса зажгли в сердцах немецких рыцарей новую надежду. Ведь сам фон Гуттен уже более пяти лет безуспешно разыскивал это самое Эльдорадо. Теперь, хвала господу, появился человек, который знал к нему путь наверняка.

В июле 1541 г. из Коро на восток отплыли крепкие бригантины. Они везли в порт Бурбурато новых искателей Эльдорадо. Сойдя на землю и в последний раз проверив готовность экспедиции, Филипп фон Гуттен дал приказ отправиться к селению Баркисимето, откуда открывался путь в глубинные области Венесуэлы. Главным проводником, советчиком и поставщиком самых что ни на есть правдоподобных рассказов об Эльдорадо был неутомимый дон Педро.

От Баркисимето он повел немецких конкистадоров прямо на юг, держась восточнее горной цепи, которую напрасно пытался взять приступом несколько лет назад. Все были уверены, что находятся на правильном пути. У ночных костров судачили о богатствах Эльдорадо; кое-кто осматривал и чинил прорехи на кожаных мешках. Они предназначались для того самого золотого песка, которым столь щедро и небрежно посыпал себя «позолоченный хозяин» золотой страны.

Бежали дни, Недели, а Эльдорадо не показывалось. Началась зима, другими словами, время всесокрушающих ливней. Отряд кружил между бесконечными речками и протоками, с трудом продираясь сквозь густые и топкие заросли тропической сельвы. Люди шли по пояс в воде, лишь иногда попадались твердые участки суши с редкими деревьями и высокой травой. Но тщетно. Вокруг было множество больших и малых озер, но нигде они встретили селения или города. Бедные жертвы Эльдорадо не предполагали, что в дождливый сезон здесь скапливалось много воды и вся земля превращалась в огромное озеро, которое периодически высыхало и появлялось вновь. Так прошел год. В середине 1542 г.

[20] В этой части книги рассказывается главным образом о тех экспедициях, которые привели к крупным географическим открытиям.

отряд фон Гуттена оказался около того самого индейского селения Ла Фрагуа (сейчас — Сан-Хуан-де-лос-Льянос), от которого они и начали свой путь. Поистине хозяин Эльдорадо водил их за нос.

Филипп фон Гуттен, вместо того чтобы вернуться в Коро, помятуя о печальной судьбе многих предшественников, принимает решение вновь отправиться на юг. Несомненно, этим выбором он во многом обязан неистовому Педро де Лимпиасу. Не случайно же тот оказался в числе сорока человек выносливых телом и духом, которые решились последовать за своим капитаном. И снова трудные переходы через могучие коварные реки Апуре, Мета, Гуавьяре. Куда же теперь?

«Теперь во владения индейцев Омагуа»,— убеждали конкистадоров местные индейцы, горевшие одним желанием — поскорее избавиться от непрошеных, жадных до золота и женщин горстей. «Чуть южнее — и вы попадете в царство великого Куарека. Город, в котором он живет, подобен золотому храму, его украшают золотые статуи богов, многие из них в рост младенца, и есть, говорят, одна высотой с женщину. А за землями Омагуа несть числа другим, еще более богатым городам и царствам». Так говорили индейцы. Завоеватели слушали и думали об Эльдорадо.

В сопровождении индейских проводников конкистадоры двинулись к желанным землям Омагуа, иными словами, в междуречье Путумайо, Какеты и Рио-Напо (северо-западная часть нынешней Бразилии). К исходу пятого дня они поднялись на небольшую возвышенность и с замиранием сердца разглядели впереди большое селение. Дома в нем, хотя и соломенные, а были ладно скроены и расставлены в строгом порядке. На площади в центре селения виднелось какое-то огромное сооружение. Пришпорив коней, фон Гуттен и его люди помчались впе? ред, но им так и не удалось достичь селения. Солдат поджидало огромное войско. Тучи стрел посыпались на головы пришельцев. Вскоре фон Гуттен был тяжело ранен и дал знак отступать. Дон Педро, изрыгая проклятия, прорвал плотное кольцо окружения и вывел вслед за Гуттеном остальных солдат. Он гнал коня во весь опор, не чая, как спастись от страшных индейских стрел. «Подумать только, какие богатства таились в селении,— говорили между собой конкистадоры,— если индейцы так отчаянно его защищали!» И хотя Эльдорадо и золотых идолов так никто и не увидел, они присутствовали в рассказах всех тех, кому удалось пережить этот тяжкий день и путь домой, который продолжался почти полтора года. Немногие спаслись. Те, кого миновала индейская стрела или тропическая лихорадка, приняли смерть от рук бывших соратников.

Вблизи желанного берега сложили свои головы Бартоломе Вельзер и Филипп фон Гуттен, цвет и надежда банкирского дома Вельзеров. Их поймали и обезглавили у Баркисимето мятежные испанские колонисты, восставшие против всякого рода властей и угнетений. Со смертью Бартоломе и Филиппа окончилась глава истории Венесуэлы, связанная с недолгим правлением немцев. Педро де Лимпиас, как только выяснилось, что он знает об Эльдорадо не больше других, сбежал от своих хозяев и продолжил на свой страх и риск поиски золотой страны Омагуа. След этого фанатичного приверженца Эльдорадо вскоре затерялся в бесконечной венесуэльской сельве.

Право же, такому человеку, как Гонсало Писарро, можно было обойтись и без Эльдорадо. Ведь к 1540 г. он был несметно богат, его состоянию мог бы позавидовать любой сановник Старого Света. И хотя львиная доля добычи

досталась его старшему брату Франсиско, под чьим началом он грабил земли славных инков, и ему перепало немало. Но младший Писарро был не в меру честолюбив и втайне завидовал брату. А перуанские деньги, легко нажитые, легко и тратились. Надеясь на новую добычу, 1 декабря 1540 г. Гонсало Писарро вступил в должность правителя провинции Кито, что на самом севере владений инков. Оказался он там потому, что бывший хозяин этих мест, доверенное лицо старшего Писарро Себастьян Белалькасар (читателю хорошо известный) самочинно сбежал оттуда и отправился на поиски «золотого правителя». Город Кито кишел самыми разноречивыми слухами о немыслимых богатствах народа, жившего по ту сторону великих гор. Младший Писарро не мог остаться равнодушным к таким вестям и стал собираться в дорогу. К исходу третьего месяца Гонсало был уже готов к походу в страну «золотого короля» и корицы, которую по тем временам ценили на вес золота.

21 февраля 1541 г. в путь вышел хорошо снаряженный отряд из 230 конкистадоров. Почти все ехали верхом — неслыханная роскошь по тем временам. Испанцев сопровождали 4 тысячи индейцев-носильщиков. Следом гнали стадо лам, овец и свиней. Преисполненный радужных надежд, впереди скакал Гон-сало Писарро. Он мечтал о втором Перу.

Отряд углубился в горы, миновал вулканы Антисану и ара-Урку и вскоре оказался во власти студеных ветров и снеж-аых буранов. Первыми начали гибнуть индейцы, непривычные столь суровому климату. Затем наступила очередь скота, обледеневшие животные падали сотнями. Бросив обоз, экспедиция трудом добралась к середине 1541 г. до склонов вулкана Су-лако и стала лагерем, пережидая пору дождей.

Здесь ее нагнал маленький отряд Франсиско де Орельяны, «рыцаря благородной крови и человека чести», как он сам себя аттестовал. Родственник и земляк Писарро, Орельяна слыл береди собратьев по оружию отчаянной головой. Не бедность и 1не нужда погнали его вслед за Писарро-младшим: верой и правдой служил он братьям Писарро в их грабительских рейдах по земле древнего Перу. И хоть потерял он в боях левый глаз, зато получил в награду множество хороших индейцев. Но дома ему не сиделось. Не такой человек был Франсиско Орельяна! Прослышав, что Гонсало отправился в новый поход, он на собственные деньги снарядил небольшой отряд и помчался вслед за ним. А когда догнал, увидел жалкий лагерь с голодными и истерзанными людьми. От былого великолепия не осталось и следа. Да и сам Орельяна ничем не мог похвастаться. Из четырнадцати лошадей, которых он взял в дорогу, остались в живых только две, а всего богатства у него — щит да меч. Назначив его своим заместителем, дон Гонсало ушел на поиски мест, где растут драгоценные коричные деревья. Проблуждав два месяца по долинам Паямино и Кока, Писарро нашел деревья, которое его спутники ошибочно приняли за коричные. Но их было так мало, путь к ним был столь опасен и долог, что говорить о стране корицы мог разве лишь безумец. Тогда испанцы принялись разыскивать озеро, где жил благословенный Эльдорадо. В те дни они находились в среднем течении бурной реки Напо.

26 декабря 1541 г. Орельяна расстался с Писарро. Гонсало поручил Орельяне любой ценой добыть еду для солдат, а по дороге разузнать, нет ли поблизости легендарного озера. На большой, кое-как сколоченной лодке, гордо именуемой бригантиной, и четырех индейских пирогах в разведку вместе с Орельяной отправились 56 человек.

Орельяна не нашел ни провизии, ни желанного озера, ни «золотого короля». Солдат несло по течению быстроходной Напо, и вскоре они оказались у места впадения ее в другую могучую реку. Вернуться назад уже не представлялось возможности.

Напрасно прождав своего помощника положенное время, Писарро и его люди ни с чем ушли восвояси; по дороге они доели последнюю лошадь и последнюю собаку, а затем и всю кожаную сбрую и все кожаные ремни. Через полгода в окрестностях Кито появилась толпа совершенно истощенных людей, выглядели они как живые мощи. Их было 80 человек — это все, что осталось от богатой экспедиции Гонсало Писарро, которая полтора года назад отправилась на розыски прекрасного Эльдорадо. Путешественники до того обносились, что просили горожан прислать им что-нибудь из одежды, дабы прикрыть недостойную испанских рыцарей наготу. И снова коварное Эльдорадо посмеялось над теми, кто так горячо и искренне в него верил.

Не досталось оно и Орельяне. Зато ему и его спутникам посчастливилось совершить путешествие, о котором каждый из них едва ли мог.мечтать. 6 тысяч километров по могучей, и, как оказалось впоследствии, величайшей реке мира, нареченной рекой Амазонок. 3600 испанских лиг проделали они за восемь с половиной месяцев и пересекли за это время Южноамериканский материк с запада на восток. Впервые перед изумленной Европой предстал во всем своем монументальном величии необъятный Новый Свет. Так прекрасная легенда содействовала великому географическому открытию.

Как только до конкистадоров дошло известие о том, сколь необъятны земли к востоку от Анд, у Эльдорадо появились новые ревностные служители. Конечно же, на этих необозримых пространствах должны были располагаться государства, столь же обширные, как империя инков. Дело дошло до того, что королевский двор официально вменил в обязанность вице-короля Перу Педро де Гаски открытие страны Эльдорадо. Но ему так и не удалось выполнить важное королевское поручение. Не до Эльдорадо было этому вице-королю. Все свои силы он отдал, подавляя мятежи конкистадоров в продолжение долгих десяти лет, с 1544 по 1554 г.

Приказ найти Эльдорадо унаследовал преемник Гаски дон Андреас де Мендоса, прибывший в Лиму в 1555 г. Однако и он нашел состояние дел в Перу весьма тревожным. Хотя воинственные братья Писарро уже давно отошли в мир иной, возмутителей спокойствия хватало и без них. Порядком постаревшие и поиздержавшиеся ветераны конкисты не могли забыть первых лет беззастенчивого грабежа городов и храмов инков, когда они были сами себе короли и хозяева. Недаром тогда родилась поговорка: «Бог высоко, король далеко — здесь я хозяин!» Обуздать эту алчную орду было невозможно.

Пожалуй, существовал один спасительный для всех выход: направить внимание на какое-нибудь богоугодное и прибыльное дело, ну, например, на завоевание еще не завоеванных земель. Тут-то вице-король Мендоса и вспомнил про Эльдорадо, эту манящую золотую страну. К тому же как нельзя вовремя от индейцев мотилонов, что живут около Мойобамбы, поступили сообщения о прекрасном озере, что раскинулось на плодородной равнине в окружении гор где-то к северу от Амазонки. Уж не там ли правит неуловимый «золотой касик»?

И скоро со всех концов Перу в Лиму начали стекаться ветераны конкисты. Все только и говорили о вожделенной золотой гране. Стало известно и имя

аделантадо, которому выпала честь возглавлять экспедицию. Педро де Урсуа был молод, красив и знатен. Выходец из Наварры, в свои 30 лет он имел за плечами более чем десятилетний опыт завоевательных кампаний Панаме и Перу. К тому же, что примечательно, он уже не раз предпринимал поиски Эльдорадо. В 1548—1550 гг. Урсуа упорно выслеживал его в Новой Гранаде, сначала на северо-стоке, а потом и на северо-западе Боготского плато. Но встреил там лишь ожесточенное сопротивление воинственных индейцев. «Золотой касик» не дался ему в руки.

Педро де Урсуа весьма польстило доверие, оказанное ему вице-королем. Еще бы, ведь он получил титул губернатора и Генерал-капитана Омагуа и Эльдорадо с правом закладывать города и крепости, делить награбленную добычу, вершить суд расправу на завоеванной земле. К тому же не в пример прошлому опыту, и это было совсем невероятно, экспедиция субсидировалась за счет королевской казны.

Новоявленный губернатор Эльдорадо развил кипучую деятельность: в экспедицию вербовался и стар и млад. Кичливая, надменная Лима превратилась в шумный бивак. На улицах и площадях запестрели палатки и навесы, где жили новобранцы, кузнецы спешно ковали мечи и шпаги.

Шел 1559 год. Пока Урсуа готовился к отправлению, в Санта-Крус-де-Капакобе, маленьком поселке на одном из притоков реки Уальяги, мастера корабельного дела спешно заканчивали постройку судов, на которых предстояло разместить войско Урсуа. Всего под знамена губернатора Эльдорадо собралось 300 человек, но что это были за люди! Бездельники и авантюристы, они не знали иных занятий, кроме грабежа и разбоя в индейских селах, кровавых потасовок из-за проигранного мараведи, убийств из-за угла по ничтожному поводу. Недаром очевидцы и свидетели тех событий советовали дону Педро остерегаться своих солдат, прямо называя их бандой мошенников и проходимцев. «Как же поведут себя они, когда начнутся первые трудности?» — с беспокойством думал Педро де Урсуа.

Не успел головной отряд в начале 1560 г. тронуться в путь, как до Урсуа дошла первая трагическая весть. Убит капитан Педро Рамиро, опытный и честный солдат, поставленный им во главе авангарда. Убит предательски двумя другими капитанами, недовольными тем, что именно Рамиро было отдано предпочтение. В духе нравов той эпохи убийцы разъяснили Урсуа, что они подняли руку на товарища только-де потому, что тот замышлял измену. Урсуа обезглавил убийц на глазах своего войска. Так, не успев сделать и шага, экспедиция лишилась трех главных капитанов.

Подлое убийство Педро Рамиро стало мрачным прологом к истории этого завоевательного похода, рекордного по числу жертв, павших не от индейских стрел или тропических болезней, а от братоубийственной войны, вскоре разгоревшейся среди его участников. Как последнее предупреждение прозвучало письмо от друзей, нагнавшее Урсуа в самом начале пути. Его настойчиво убеждали отослать в Лиму свою подругу донью Иньес, с которой губернатор не пожелал расстаться, и солдата Лопе де Агирре, опасного смутьяна, известного под кличкой Безумец. Но Педро де Урсуа не внял разумным предостережениям.

Основная часть его отряда, добравшись до Санта-Круса, никак не могла двинуться дальше. Бригантины, на которые возлагались все надежды, строились в столь гнилом месте да к тому же в такой спешке, что многие из них пришли в негодность и стали протекать еще до спуска на реку. Пришлось отказаться от

наиболее ненадежных судов. На берегу остались 250 лошадей, почти весь скот, большая часть поклажи и припасов. Настроение у людей было подавленным. Уже тогда кое-кто изъявлял желание вернуться домой.

Только 26 сентября 1560 г. Педро де Урсуа наконец-то пустился в дорогу, следуя течением бурной Уальяги. Вскоре подобрали остатки двух передовых отрядов, члены их пребывали в самом жалком состоянии. На бригантине и трех лодках — основной части флотилии Педро де Урсуа — стало тесно. Это не мешало главе экспедиции вместе с его очаровательной спутницей занимать просторную, прекрасно обставленную каюту, что крайне раздражало участников похода.

Между тем миновали быструю Укаяли и, подгоняемые стремительным течением, уходили все дальше на восток по реке Амазонке, открытой Орельяной. Многие солдаты не скрывали своего разочарования: берега унылы и однообразны, золота же у местных индейцев не было. Алонсо де Монтойя открыто роптал и призывал вернуться восвояси. Педро де Урсуа оставил без внимания этот единичный протест, не подозревая, что свое-Вольный солдат выразил мнение большинства участников экспедиции. Не знал он и того, что печально знаменитый Лопе де Агирре уже сколачивает против него банду смутьянов.

Тем временем всех встреченных индейцев подробно опрашивали, нет ли где поблизости большого озера, на берегах которого живут люди богатой страны Омагуа. И вот наконец неподалеку от впадения реки Жапура в Амазонку испанцы заметили красивый ручей и решили его обследовать. Углубившийся в лес отряд вскоре вышел к огромному круглому озеру, но берега его оказались пустынны. Как бы там ни было, но Педро где Урсуа решил, что Эльдорадо где-то поблизости. В этом были убеждены и бывшие спутники Орельяны, проходившие эти места 18 лет назад; они сопровождали экспедицию Урсуа в качестве проводников.

Однако эту уверенность не разделяли заговорщики во главе с Агирре. Он не только подзадоривал недовольных, но активно вербовал сторонников. Возможно, Агирре действительно был безумцем, но вряд ли, несмотря на безумие, он решился бы по жертвовать своей жизнью ради поисков мифического «золотого касика». «Мы попали в дурную историю,— говорил он,— Эльдорадо — выдумка для таких легковерных ослов, как Урсуа. Единственное спасение — вернуться в Перу, пока не поздно». Прозорливость, проявленную Агирре, можно было бы отнести к числу немногих его достоинств, если бы она не была использована им для гнусного предательства. Нет, Агирре не был обычным убийцей. Его снедала мания величия.

Перетянув на свою сторону ближайшего помощника генерала молоденького капитана Фернандо де Гусмана, он уговорил его избавиться от Педро де Урсуа. И не просто оставить генерала в какой-нибудь индейской деревушке, как полагал Фернандо, а отправить его к праотцам. Затем Агирре предложил вероломный план: тайно вернуться в Перу, устранить вице-короля и других королевских чиновников и, захватив всю власть над страной, прибрать к рукам богатства инков. Будущему королю Перу рыцарю Фернандо Лопе де Агирре обещал полное содействие и поддержку.

Если бы дон Урсуа мог только предположить, какой дьявольский заговор зреет за его спиной, он вел бы себя осмотрительнее. Но увы, ни о чем, кроме

Эльдорадо, генерал не помышлял. В один из последних декабрьских дней 1560 г. он отослал отряд верных ему солдат на разведку дороги, уходившей в глубь от берега. Люди покидали лагерь в уверенности, что благословенная страна находится где-то совсем рядом. Педро де Урсуа так и не узнал, куда же привела эта дорога его друзей. Вечером 1 января 1561 г. он был зверски убит ворвавшимися в его хижину заговорщиками. На этом закончилась его экспедиция за Эльдорадо, продолжавшаяся три месяца и шесть дней.

Лопе де Агирре, превративший трусливого Фернандо в жалкое и послушное свое орудие, велел солдатам выбросить из головы все думы об Эльдорадо. Вместо него он предложил им нечто куда более достойное внимание. Выйти в Атлантику, пиратским налетом захватить остров Маргариту, что против венесуэльской гавани Кумана, запастись там боеприпасами и провизией. Затем неожиданным приступом взять город Панаму на одноименном перешейке, перерезать всех тамошних начальников и захватить все без исключения суда. После чего посадить недовольных властями на корабли и обрушить эту непобедимую армаду на вице-короля Перу маркиза Каньете. В этом трансконтинентальном плане дон Фернандо де Гусман фигурировал уже в качестве принца Перу и короля Западных Индий.

Жестокий и кровавый деспот, садист и убийца, исчадие ада, маньяк и, наконец, тиран — вот набор эпитетов, которыми обычно сопровождаются упоминания об Агирре в различных исторических хрониках. Да, убийца губернатора Эльдорадо был жесток: на его совести несколько десятков жизней членов экспедиции — и врагов, и недолгих союзников, и изменивших ему друзей, и даже собственной дочери.

Уродливое, но типичное порождение кровавой эпохи конкисты, Лопе де Агирре воплотил в себе самые сокровенные чаяния и надежды конкистадорской братии. Покончить с притязаниями далекого королевского двора, стать абсолютными владыками покоренных ею земель, ни с кем не делиться завоеванными богатствами — вот что было написано на ее знамени. Под программой тирана Агирре с радостью подписались бы не только все братья Писарро, но и добрый десяток других конкистадоров, сложивших свои головы в ожесточенной войне с королевской властью.

План, предложенный Агирре, вовсе не был столь несбыточным, как это могло показаться сначала. Агирре доказал полную его осуществимость. Покинув Амазонку, он прошел на север, вверх по течению реки Жапура, затем повернул на восток, очутился на Риу-Негру и выбрался к верховьям Ориноко. 1 июля 1561 г. отряд Агирре, спустившись к устью Ориноко, вышел в Атлантический океан. Этот дерзкий переход был таким же удивительным, как и беспримерное плавание Орельяны.

Затем, как и предполагалось, был захвачен остров Маргарита. Но здесь Агирре допустил оплошность: ему не удалось охранить в тайне свое появление на острове. Весть о грозном гряде вскоре разнеслась по всему побережью. В Санта-Марте Картахене, в Новой Гранаде готовились к встрече «мараньонцев», так называл теперь своих солдат Агирре[21]. Королевские власти вовремя оценили, какую опасность несло с собой вторжение его войска. Ему дали несколько сражений, окружили в Баркисимето, взяли в плен и на месте казнили. Кровавый

[21] Маравьон — название верхнего течения Амазонки.

финал экспедиции не умаляет истинных заслуг Агирре: ведь именно ему впервые из европейцев удалось дознаться, что две великие водные системы Южной Америки, Амазонки и Ориноко, тесно связаны друг с другом. И здесь не обошлось без легенды об Эльдорадо!

Вскоре грозные события, имеющие отношение к тирану Агирре, забылись, и новые «доброхоты» были уже готовы встать под знамена Эльдорадо. Богатый испанский идальго дон Педро Малавера де Сильва, хотя и был уроженцем Хереса в Южной Испании, однако на постоянное житье обосновался в далеких Индиях, в славной провинции Перу, в городе с экзотическим названием Чачапойас. Дела у дона Педро шли неплохо, хозяйство его процветало, и, как знать, может, он стал бы главой муниципального совета, если бы не это проклятое Эльдорадо.

В 1566 г. Малавера де Сильва бросил свой дом: перевалив через перуанские Анды, он форсировал реки Напо, Амазонку, Риу-Негру и проник во внутренние области Венесуэлы. Там в селении Фрагуа он узнал, что повторил путь многих тоже неудачливых своих предшественников. Через Новую Гранаду дон Педро возвратился восвояси, но только для того, чтобы снова спуститься на розыски Эльдорадо. 1568 год застал его в Испании, где он добивался при дворе высочайшего разрешения на организацию новой экспедиции. Разрешение было быстро получено, от волонтеров не было отбоя, причем теперь в Эльдорадо ехали не одинокие искатели счастья, а целые семьи.

В 1569 г. отряд под командой дона Педро покинул Баркисимето и углубился в венесуэльские льяносы. Однако спустя полгода командир и его спутники возвратились с пустыми руками. Тем не менее неугомонный испанец через пять лет снова высадился на гвианском побережье между устьем Ориноко и к Амазонки: тогда считали, что именно отсюда легче всего проникнуть в неуловимую золотую страну. Разочароваться в этом дону Педро не пришлось: его и двух его малолетних дочерей поразили стрелами воинственные карибы на первом же этапе экспедиции. Вскоре был уничтожен весь отряд. Уцелел лишь один солдат — Хуан Мартин де Альбухар, впоследствии более известный как Хуан Мартинес.

Хуану Мартинесу отведена не последняя роль в истории поисков Эльдорадо. И не только потому, что он был единственным свидетелем трагической гибели дона Педро и его спутников. С именем Мартинеса современники связывали, одно любопытнейшее сообщение. А рассказывал он будто такое:

«И поймали меня гвианцы, и, поскольку не видели никогда ни одного христианина и ни одного человека с таким цветом кожи, как у нас, повели в страну, достойную удивления. Всю дорогу я шел с завязанными глазами, пока мы не остановились у ворот города Маноа, и длился этот переход четырнадцать или пятнадцать дней. Достигли мы города в полдень, и тогда с меня сняли повязку; и так шел я по великому городу Маноа весь день до наступления ночи и весь следующий день от восхода до заката солнца, прежде чем привели меня мои проводники ко дворцу императора Инки. Он любезно принял меня и велел поместить в своем дворце и хорошо содержать. Но мне никак не дозволялось бродить по стране и разглядывать, что в ней есть...

После того как я прожил в Маноа семь месяцев и стал понимать местный язык, Инка спросил меня, хочу ли я вернуться на родину или же останусь у него по доброй воле. Я пожелал вернуться и был милостиво отпущен. Проводить меня

взялись несколько гвианцев, чтобы показать путь к Ориноко. И все они были нагружены таким количеством золота, какое только способны унести,— это золото подарил мне Инка, прощаясь со мной. Когда же мы подошли к реке, на нас напали тамошние индейцы и отняли все золото, кроме двух калебас — больших тыквенных бутылей, в которых были спрятаны золотые бусы. С ними-то я и спустился по Ориноко на каноэ. Попал сначала на остров Тринидад, затем перебрался на Маргариту. Здесь и кончились мои страдания».

Были ли хоть крупицы правды в этой маловероятной, но весьма увлекательной истории, вполне отвечавшей духу времени? Доподлинно известно, что Хуан действительно прожил у индейцев Гвианы долгих десять лет, женился там на индеанке и был окружен таким почитанием, что местные жители избрали его своим вождем. Затем он сбежал от меднокожих подданных и в 1584 г. объявился на острове Маргарита.

Никто теперь не сможет точно сказать, зачем понадобилось Хуану Мартинесу приукрасить свои воспоминания о жизни в индейском плену столь фантастическими и эффектными деталями. Так или иначе он добился своего. Его приняли с благоговейным трепетом, как человека, который общался с самим великим Эльдорадо! За тот недолгий срок, что Мартинес прожил на острове, он стал там знаменитостью. Неясно, где и при каких обстоятельствах оборвалась его жизнь. Предполагают, что он умер на Пуэрто-Рико, дожидаясь судна в Испанию. Однако одиссея Хуана Мартинеса забыта не была. Для весьма немолодого уже, но энергичного сеньора Антонио де Беррио указания Мартинеса стали руководством к действию. Ведь Антонио де Беррио считал себя единственным человеком на земле, которому Эльдорадо... принадлежало по непреложному справу наследства и было его неотъемлемой собственностью. Дон Антонио, человек трезвого разума и не склонный к романтическим авантюрам, приходился мужем донье Марии де Орунье, племяннице и единственной наследнице нашего старого знакомца Гонсало Хименеса де Кесады. А уж кто-кто, но Кесада имел неоспоримые притязания на Эльдорадо.

Трудно сказать, что руководило престарелым, но находившимся в здравом уме Кесадой, когда перед смертью в 1579 г. он назначил мужа своей племянницы губернатором... провинции Эльдорадо и всех ведущих к ней путей. Возможно, это была всего лишь попытка возместить издержки дона Антонио: ведь после Кесады не осталось ничего, кроме перезаложенных имений да кучи кредиторов, жаждавших получить с наследника огромные долги покойного.

Как бы там ни было, но в 1580 г. дон Антонио, донья Мария, шесть их дочерей и двое сыновей, простившись с родным очагом, пустились в тревожное плавание через Атлантику. Всю дорогу они пребывали в приятных мечтах о процветающей провинции, которую оставил им в наследство великодушный дядюшка. Каково же было их удивление, когда по приезде в Новую Гранаду они обнаружили, что провинция Эльдорадо еще не завоевана, не заселена и что до сих пор неизвестно ее местонахождение.

Но бравый дон Антонио отнюдь не был обескуражен этим странным обстоятельством. Что ни говори — он был сыном своего века, и, хотя ему уже исполнилось к тому времени 60 лет, это не мешало ему со всей энергией начать новую жизнь на поприще Эльдорадо. Впоследствии в письме королю Филиппу II он сообщил: «Приехав в Новую Гранаду и разузнав все касательно Эльдорадо, а также о том, что мой предшественник истратил три года и много золота в поисках

этой золотой страны и что он поручил продолжить это великое дело мне, я рассудил, что для меня наступило время не пребывать в- бездействии, а поступить со всей решительностью, на которую только способен человек, думающий о благе вашего величества».

Первым долгом дон Антонио собрал все сведения об искателях Эльдорадо, своих предшественниках. Бывалый солдат, он был неглуп, и повторять ошибки, к тому же дорогостоящие, ему не хотелось. В самом начале 1584 г. дон Антонио пересек реку Пауто, углубился в льяносы междуречья Меты и Вичады и вскоре с отрядом оказался у подножия неизвестного дотоле горного кряжа Сьерра-Мапиче. Озера он там не нашел, зато обнаружил золотоносные жилы и, весьма довольный этим открытием, вскоре вернулся в Новую Гранаду. Летом 1585 г. испанец вновь пустился в трудное путешествие, попал на Ориноко и обследовал среднее течение реки. Эта экспедиция заняла более двух лет. Вернувшись в Боготу, он получил приятное известие: его официально назначили на пост губернатора Эльдорадо и Гвианы. Администрации Новой Гранады вменялось в обязанность оказывать дону Антонио всевозможную помощь и поддержку.

Окрыленный Беррио в марте 1590 г. отправился в третье путешествие в глубь Венесуэлы. Маршрут ему был хорошо известен: из реки Касанаре в реку Пауто, из Пауто в Мету — и вот впереди могучая красавица Ориноко. Вскоре и она была пройдена вплоть до впадения реки Карони, которая, по словам индейцев, выходила из самого сердца Гвианы. В те годы полагали, что именно там и скрывалось таинственное Эльдорадо. Однако одолеть мощное течение Карони солдатам Беррио оказалось не под силу, и они решили спуститься по Ориноко до устья и выйти в море. Вскоре подошли к большому острову Тринидад, до которого еще не дотянулись щупальца испанского королевского двора.

Шел 1592 год. Беррио исполнилось 70 лет. Именно в это время он, очевидно, впервые услышал о Хуане Мартинесе. Говорят даже, что ему удалось достать копию документа, в котором описывались его необыкновенные приключения в плену. Теперь Дон Антонио окончательно уверовал в то, что Гвиана — это и есть настоящее Эльдорадо. Лучшую базу, чем остров Тринидад, для предстоящей экспедиции в Гвиану трудно было найти.

Три года прошли в беспокойных хлопотах: последний решающий поход за Эльдорадо требовал огромных средств. Тем временем Беррио основал на Тринидаде первую испанскую колонию— Пуэрто-де-лос-Эспаньолес: построил новые дома, возвёл крепостные стены. Из далекой уже теперь Новой Гранады на помощь отцу двинулся с подкреплениями его старший восемнадцатилетний сын Фернандо.

Но именно в эту пору, когда опыт, добытый Беррио за 15 лет неустанных поисков, сделал желанное Эльдорадо как никогда близким, на дона Антонио обрушился страшный удар.

4 апреля 1595 г. у берегов острова Тринидад появились два неизвестных корабля. Ими командовал англичанин сэр Уолтер Рэли. Немногочисленные испанские колонисты и сам Беррио были взяты в плен, крепость сожжена. С появлением могущественного соперника золотая звезда Эльдорадо, светившая дону Антонио столько лет, погасла. Эстафета поисков перешла в руки предприимчивого английского подданного.

ИЗ АМЕРИКИ В ЕВРОПУ

Кем же был этот Рэли, дерзнувший ступить на тропу Эльдорадо? Солдат и путешественник, эрудит и философ, ученый и поэт, пират и дипломат — он принадлежал к числу выдающихся деятелей английской культуры времен королевы Елизаветы. Рэли жил в эпоху, когда Англия, потеснив на морях свою соперницу Испанию, вышла на старт широкой колониальной экспансии. Ее зачинатели проявляли отнюдь не бескорыстный интерес к обширным испанским владениям в Южной Америке.

Но почему именно побережье Венесуэлы привлекло английских конкистадоров? Причиной тому было все то же фантастическое Эльдорадо. В лице несравненного сэра Уолтера Рэли эта удивительная легенда приобрела, возможно, самого выдающегося почитателя. С появлением Рэли в Южной Америке легенда об Эльдорадо как бы вторично родилась на свет и получила признание во многих странах Европы.

Откровения Хуана Мартинеса, к тому времени уже умершего, вскоре стали известны за пределами Вест-Индии. Разными, подчас неведомыми путями, через моряков и путешественников, пиратов и торговцев сообщения бывшего индейского пленника, приукрашенные и дополненные пылкой фантазией тех, кто подхватывал эти странные вести, дошли и до берегов Старого Света. Уолтер Рэли поддался обаянию этих легенд. Его даже не смутило то, что «золотого правителя» до сих пор не удалось отыскать. Перед тем как покинуть Лондон, Рэли собрал о Гвиане все возможные сведения. И ему, конечно, были ведомы подробности неутомимых, но, увы, безуспешных поисков не одного только бравого сеньора Беррио, но и многих его предшественников — искателей золотой страны.

У Эльдорадо в Европе была такая солидная репутация, что все эти неслучайные совпадения Рэли объяснил таким образом: «Малый успех, который сопутствовал многим испанцам в их попытках его завоевать, объясняется, я полагаю, только тем, что самим богом эта империя уготована для ее величества и английской нации». Великолепный сэр Уолтер знал, когда должно сослаться на авторитет господа бога.

Эльдорадо к тому времени обросло такими зримыми и осязаемыми подробностями, что впору было украсить ими солидности ради архиученые трактаты. В составлении оных Рэли понимал толк, и он в манере оксфордских эрудитов изложил все известное ему о Гвиане и стране Эльдорадо в своей книге, которую издал сразу же после возвращения в Англию. Вот как он описывает Эльдорадо:

«Гвианская империя лежит прямо на восток от Перу по направлению к морю, на экваторе, и изобилует золотом более, нежели любая иная часть Перу, и в ней столько же или даже больше великих городов, чем было в Перу, когда страна процветала. Она управляется по тем же законам, и император, и народ придерживаются той же веры и той же формы и образа правления, что в Перу, не отличаясь ни в чем. И, как заверяли меня испанцы, видевшие Маноа, город императора Гвианы, который испанцы зовут Эль Дорадо, по величине, по богатствам и по превосходному расположению великолепнее любого города на свете, по крайней мере в той части мира, которая известна испанской нации; он расположен на соленом озере в 200 лиг длиною, подобном Каспийскому морю...

В дни торжественных празднеств, когда император пьет со своими вассалами и губернаторами, соблюдается такой обычай: все пьющие за его здоровье сперва раздеваются донага и смазывают тела белым бальзамом. Особые служители императора, превратив золото в мелкий порошок, выдувают его через полый тростник на их умащенные тела, пока все они не засияют с ног до головы, и так они сидят десятками и сотнями и пьют и проводят в пьянстве иногда по шесть или семь дней подряд...

И еще я считаю нужным объявить, что ныне правящий император Гвианы происходит от великолепных государей Перу. Когда Франсиско Писарро, Диего Альмагро и другие завоевали указанную империю Перу и казнили Атауальпу, один из его братьев бежал из Перу, взяв с собою множество воинов империи, называемых орейонес, и многие другие люди последовали за ним, и он захватил все те земли и те долины в Америке, которые расположены между великими реками Амазонкой и Ориноко...»

Рэли совершенно серьезно считал, что «тот, кто завоюет Гвиану, совершит больше, чем Кортес в Мексике или Писарро в Перу, из коих один завоевал империю Монтесумы, а другой — Гуаскара и Атауальпы. Какой бы государь этим ни овладел, у него будет больше золота и более прекрасная империя, больше городов и людей, чем у короля Испании и у Великого Турка».

Теперь, казалось, о золотой стране было известно доподлинно все — Рэли указал ее точный адрес, описал ее трагическую историю, нравы и обычаи жителей. Лишь богатства Эльдорадо не поддавались точному определению, ибо были они неисчислимы. Стоит заметить, что если в ранних вариантах легенды золотым песком обсыпался один только Эльдорадо, то у Рэли этой непростительной роскоши предавались и другие подданные «золотого правителя». Почитатели и ревностные служители легенды обладали ненасытным аппетитом, отсюда и новые аспекты старых сказаний.

Но вернемся к апрельским событиям 1595 г. на острове Тринидад. Став пленником могущественного соперника, Антонио де Беррио счел за благо оказать ему посильную помощь. Сэр Рэли высоко оценил благосклонность своего соратника по поискам Эльдорадо. От Беррио он получил бесценные сведения о характере местности, капризном нраве Ориноко, повадках местных индейцев. По совету Беррио Рэли отказался от мысли плыть по Ориноко на кораблях. Приближался сезон дождей, и реку можно было пройти только на небольших лодках и каноэ.

Маршрут экспедиции был также разработан под непосредственным влиянием старика Беррио. Рэли намеревался подняться по Ориноко до устья Карони и затем пройти по Карони до верховьев, чтобы попасть на легендарное озеро.

Как ни ясен был план, а трудности и неожиданности подстерегали Рэли уже в самом начале пути. Устье Ориноко — это 17 щупалец-протоков. Они сбрасывают воду в океан с такой бешеной скоростью, что лодки кружит и кидает из стороны в сторону как щепки. К тому же как определить, который из рукавов быстрее всего приведет к главному руслу? Передвигаться приходилось с большой осмотрительностью, путникам все время угрожали свирепые кайманы, которых здесь было великое множество. Только на пятнадцатый день пути солдаты Рэли вошли наконец в главное русло и увидели на горизонте высокие пики Гвианского нагорья.

Река стала спокойнее, появились первые индейские селения. На всем пути следования Рэли торжественно избавлял местных жителей от ига испанцев; одновременно он составлял карту бассейна Ориноко, описывал берега ее многочисленных притоков, слагающие их породы. Войдя в воды Карони, англичане пустились вверх по ее течению в надежде на то, что вот-вот появится желанное озеро. Однако вскоре начались дожди. Идти вперед стало невозможно. И Рэли отдал приказ о возвращении. Шел июнь 1595 г.

Обратный путь занял немного времени. Показался остров Тринидад. Антонио Беррио, которого Рэли оставил заложником на берегу, был несколько разочарован, когда увидел соперника живым и невредимым. Впрочем, разочарование сменилось ликованием, ведь англичанин вернулся с пустыми руками. Ни золота, ни озера Рэли не нашел.

И хотя итоги экспедиции оказались плачевными, это не обескуражило сэра Уолтера. В августе 1595 г. он прибыл в Лондон с твердым намерением вернуться в Гвиану еще раз, как только сумеет более основательно подготовиться к путешествию.

Уже в 1596 г. он выпустил в свет небольшую книжку под длинным и экзотическим названием «Открытие обширной, богатой и прекрасной Гвианской империи с прибавлением рассказа о великом и золотом городе Маноа (который испанцы называют Эль Дорадо) и о провинциях Эмерия, Арромая, Амапая и других странах с их реками».

Книжка эта имела большой успех и в ближайшие два года выдержала еще два издания. А в 1599 г. ее читали уже по-немецки и на латыни просвещенные жители Европы. Затем она стала известна в голландском и французском переводах. Так легенда об Эльдорадо, переплыв Атлантику, заговорила и на многих европейских языках.

К месту было бы сказать, что Уолтер Рэли, собственно, не совершил никакого открытия: участок Ориноко до впадения Карони уже не раз до него проходили испанские путешественники и конкистадоры. К тому же никакого золотого города он так и не обнаружил ни во время первой экспедиции, ни во второй (1618 г.). Зато его книга действительно открыла европейской публике совершенно незнакомый экзотический мир, населенный удивительными людьми, диковинными птицами и животными. Рэли впервые составил обстоятельную карту бассейна Ориноко и дал довольно точную характеристику минеральным богатствам этого района. Таким образом, с книгой Рэли в Европу проникла печатная информация о Новом Свете, сведения о котором доселе тщательно скрывали от посторонних глаз хранители Генерального архива Индий в Севилье.

По следам Рэли на Ориноко ринулись и другие искатели приключений. Гегемонии Испании над заморскими колониями приходил конец. В 1595—1598 гг. путь Рэли повторил голландец Кабелио. В 1602 г. на Ориноко проникли французы: Рене Маре де Монбарио по личному повелению французского короля пытался проложить дорогу в Эльдорадо, ускользнувшее из рук самого Рэли.

Появление Эльдорадо на многих географических картах того времени воспринималось современниками как призыв к продолжению поисков этой мифической страны. В 1599 г. географ Иодок Гондиус издал специальную «Новую карту богатой золотом земли Гвианы». На ней в самом центре он изобразил огромное озеро, длиной в 160 лиг, превосходящее размерами Каспийское море. Называлось оно по-разному: Рупунувини, Парима или Дорадо. Фламандец

Теодор де Бри, тот самый, что опубликовал латинский перевод книги Рэли, иллюстрировал ее этой картой Гвианы, ставшей потом знаменитой. На карте была показана река Эссекибо, вытекающая из обширного внутрима-терикового озера Парима. На северном берегу озера де Бри поместил город Маноа. Рядом поставил подпись: «Маноа или Дорадо, считающийся величайшим городом во всем мире». Как видно, современники Рэли восприняли его книгу как достовернейший документ.

В начале 1637 г. два монаха-францисканца, Доминго де Бри-ева и Андрее де Толедо, спустились с восточных склонов перуанских Анд и отправились на поиски Эльдорадо и храма Солнца по дороге, проложенной Орельяной. Их сопровождали шесть испанских солдат и два индейца. Эта маленькая горстка людей проплыла Напо, Амазонку и к исходу третьего месяца без особых приключений добралась до португальской крепости Пара близ устья Амазонки. Ни золотого города, ни солнечного храма найти им не удалось.

Их рассказы об удивительном путешествии побудили португальцев, которые к тому времени прочно обосновались в бассейне Амазонки, организовать собственную экспедицию, но уже в обратном направлении. В июле 1637 г. караван судов под командой капитана Педру Тейшейру двинулся вверх по Амазонке. Великая река не чинила препятствий путешественникам, и вскоре португальцы оказались в среднем течении реки Напо, притоке Амазонки. Оставив суда на берегу, Тейшейру в сопровождении небольшого отряда поднялся в Анды и через несколько недель объявился в славном городе Кито, чем немало поразил местных испанских чиновников.

Вскоре португальцы пустились в обратный путь. Около устья Риу-Негру они обнаружили индейское селение; жители его носили изящные золотые подвески. Оказалось, что эти дорогие украшения в изобилии поставляли индейцы манагус, которые жили на золотоносных речках Юпура и Юрупаси. Люди Тейшейру не преминули воспользоваться этими сообщениями и предприняли небольшой поход на золотую реку. Прибыв на место, они вдоволь наторговали диковинных браслетов и ожерелий из золота в обмен на железные ножи и рубахи тонкого полотна.

Никто из спутников Тейшейру не подозревал, что их экспедиция вплотную приблизилась к разгадке тайны, мучившей многие десятки лет не одного конкистадора и исследователя. Индейцы манагус, известные также как манаос и махаонас, славились далеко вокруг как искусные мастера золотых дел. С ними-то, видимо, и были связаны истоки легенды о золотом городе Маноа[22]. Однако о том, что они стояли на пороге открытия, никто не узнал ни в то время, ни столетие спустя.

Не догадался об этом и один из участников плавания Тейшейру капитан Матиас Маттесон, уроженец Гента. 15 лет спустя, занесенный судьбой на Ориноко, он возглавил экспедицию из 60 испанцев и 400 индейцев на поиски легендарного Маноа. В 1655 г. отряд выступил из крепости Сан-Томе и двинулся против течения Карони к ее истокам. Маттесону удалось совершить то, что оказалось не под силу Беррио и Рэли. Он прошел непокорную и коварную Карони, которая и вывела его людей на обширное плато Гран-Сабана в восточной Венесуэле. Казалось, на этот раз все было предпринято, чтобы благополучно

[22] Впоследствии при впадении Риу-Негру в Амазонку был основан город Манаус.

завершить дело, начатое Рэли, все указания географических карт были использованы. Озеро Парима должно было находиться именно тут. Однако его так и не удалось разыскать.

В 1714 г. Маноа заинтересовалась могущественная голландская Вест-Индская компания. Питер ван дер Хейден Резен, агент компании в Гвиане, получил строго секретную инструкцию, в которой требовалось: «Собрать насколько возможно точные сведения, соблюдая при этом максимальную осторожность, о природе и местонахождении городов на озере Парима и особенно о Маноа или Эльдорадо, золотом городе, и доведаться, в частности, каким путем его достигнуть, какого нрава люди живут в нем, какого обхождения они требуют и т. д.».

Через 25 лет на поиски озера отправился другой агент компании — Николас Хорстман. В 1739 г. он отплыл вверх по реке Эссекибо, затем попал в Риу-Негру, а оттуда в Амазонку. И вскоре был вынесен мощным течением в устье реки, к португальской крепости Пара. Там он сдался на милость португальцам и, поддавшись увещеваниям, перешел к ним на службу.

Как стало впоследствии известно из путевого дневника Хорстмана, он обнаружил в верховьях Карони обширное озеро, заросшее тростником, которое индейцы называли Амуку. По мнению Хорстмана, это и было легендарное Парима, но никаких городов, в том числе и золотого, на берегах его он не нашел.

В течение XVII—XVIII вв. озеро Парима и город Маноа, временами перемещавшийся с северного берега на восточный и с восточного на западный, показывались на всех картах Нового Света — в атласе Де Лаета (1630 г.), Сансона (1656 г.), Хейлина (1663 г.). Французский картограф Гийом Делиль отказался от этой традиции, и на его карте 1703 г. легендарное озеро отсутствует. Но, словно опасаясь, что его обвинят в неточности, он на месте, где обычно изображалось озеро, написал: «В этом районе некоторые помещают озеро Парима и Маноа, город Дорадо». Позднее, в середине XVIII в., озеро Парима стала сопровождать подпись «Золотое море».

Так, в атласе известного нюрнбергского картографа Иоганна Гомана от 1725 г. и во всех последующих изданиях Парима-зее располагалось в самом центре Гвианы; французский картограф Робер де Вогонди лишь слегка изменил традиции, назвав в 1750 г. озеро Париму «белым или пресным морем».

В 1775 г. всеевропейскую известность получила карта меридиональной Америки, которую составил испанский королевский картограф Хуан де ла Крус Кано и Ольмедилья. Особый инте-. рее географов вызвала та часть карты, где была изображена Гвиана; в основу ее, по словам автора, были положены старинные рукописные чертежи, донесения колониальных чиновников, сообщения миссионеров и прочие не менее «авторитетные» источники. Добрую треть Гвианы занимало «Золотое море», вытянутое в виде огромного прямоугольника с севера на юг и соединенное с верховьями Ориноко. Карта де ла Круса была столь популярна, что все позднейшие географы и картографы копировали ее как самую достоверную. Она неоднократно переиздавалась без всяких изменений вплоть до 1851 г.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ МИФА

Человеком, который «закрыл» прекрасную легенду, лишив ее золотого ореола, стал великий немецкий путешественник и натуралист Александр фон Гумбольдт (1769—1859 гг.). Выпускник Геттингенского университета, он получил превосходное образование и, хотя специализировался в области геологии, с рвением занимался физикой, астрономией и ботаникой.

5 июня 1799 г. Гумбольдт в сопровождении друга французского естествоиспытателя Бонплана на корабле «Эль Писарро» вышел в Атлантический океан в направлении Венесуэлы. Так началось пятилетнее путешествие по Латинской Америке, в результате которого произошло второе научное открытие Нового Света, были исследованы его флора и фауна, произведены астрономические и барометрические измерения значительной части огромного многообразного материка.

Среди сложных задач, стоявших перед экспедицией, одна, пожалуй, особенно занимала Гумбольдта. Имеют ли великие реки Ориноко и Амазонка соединительную протоку, и если да, то где она находится. Само собой разумеется, что, путешествуя в этих местах, исследователь не оставлял мысли разыскать прославленное озеро Парима.

30 марта 1800 г. ученые отправились по реке Апуре, которая вскоре вынесла их в клубящиеся, мутные воды Ориноко. Благополучно миновав место слияния Меты с Ориноко и опасные пороги Майпурес, Гумбольдт и Бонплан устремились на юг и через полтора месяца прибыли в иезуитскую миссию Сан-Анто-нио-де-Явита.

Проведя соответствующие обследования, они установили, что маленькая протока Касикьяре, небольшой рукав верхней Ориноко, в отличие от других местных рек и речушек несет свои воды не на север, а на юг, в обширную низину и сливается затем с рекой Гуайниа. Из этих двух рек и образуется Риу-Негру, крупный северный приток Амазонки. Так было открыто исключительное явление «бифуркация» — раздвоение речных систем. Отныне соединительный путь между двумя могучими реками Южной Америки стал научно доказанным фактом.

Теперь настала очередь легендарного озера. В книге «Путешествие по Ориноко» Гумбольдт рассказал о своих изысканиях относительно Дорадо, Белого моря, или Лагуны-Парима, и истоков Ориноко, какими они изображались на современных ему картах. Он писал: «С конца XVI столетия представление о чрезвычайно богатом золотом районе было связано с предположением о большом внутреннем озере, питающем водой одновременно Ориноко, Риу-Бранку и Эссекибо. В результате подробного ознакомления с местностью, длительного и кропотливого изучения испанских авторов, рассказывающих об Эльдорадо, и в особенности путем сравнения множества старинных карт, расположенных в хронологическом порядке, я думаю, мне удалось установить источник этих заблуждений».

Великий немецкий натуралист считал, что легенда об Эльдорадо напоминает античные мифы, которые странствовали из одной страны в другую и последовательно привязывались к различным местностям: «Это предание представляет собой местный миф, какими были почти все мифы греков, индусов и персов». Легенда о «позолоченном человеке», как справедливо считал Гумбольдт, была первоначально связана с массивом Анд в Новой Гранаде, с

равнинами, примыкающими к их восточным склонам, потом она передвинулась от верховьев Какеты к верховьям Риу-Бранку и Эссекибо.

«Никто в Европе больше не верит в богатства Гвианы,— продолжал свою мысль ученый,— город Маноа. с его дворцами, облицованными пластинками из чистого золота, уже давно канул в небытие, но географическая оправа, украшавшая легенду о Дорадо,— озеро Парима, в котором отражалось множество пышных зданий, свято сохранялось географами».

Что же нашел Гумбольдт в этих заповедных краях? Восточнее Касикьяре он обнаружил обширную низменность. В ней, по сведениям местных индейцев и монахов, будто бы располагалось озеро, из которого вытекали многие реки, в том числе и Ориноко. Тщательно обследовав эти места, Гумбольдт убедился, что «огромное» море Парима оказалось скромным озером, в окружности не более трех — пяти километров. Названий у него было много: Амуку, Гуаяна и т. д.

Как выяснилось, Амуку было частью русла одного из притоков реки Паримы. Во время зимних паводков озеро превращалось в «море», принимая в себя огромную массу воды из притоков. Таким образом, в зависимости от времени года оно меняло свои размеры — этого не приняли в расчет все те, кому удалось побывать здесь до Гумбольдта.

Подведя итоги наблюдениям, немецкий ученый пришел к выводу, что слюдяные породы горы Укукуамо (индейцы называли ее золотой горой), разливы реки Парима и в особенности само озеро Амуку, считавшееся главным истоком реки Паримы, и послужили основанием легенды о Белом море, или озере Парима.

Так была вписана заключительная глава в бурную летопись Эльдорадо, так завершилась история поисков этой страны, поисков, которые поглотили тысячи людей, питая на протяжении трех веков несбыточные иллюзии. Последняя крупная экспедиция, организованная в 1775 г. губернатором испанской Гвианы доном Мануэлем Сентурионом, так и не достигла желанного Эльдорадо, причем почти все ее участники погибли.

Однако и после путешествия Гумбольдта, доказавшего, что озеро-море Парима не более как мистификация, оно продолжало упорно появляться в географических атласах. В 1807 г. английский географ д'Арси де ла Рошетт составил карту Южной Америки под названием «Колумбия прима». На ней он поместил огромное озеро Парима, сопроводив его такой подписью; «Золотое озеро или озеро Парима, называемое также Парана, Питинга и т. п. Белое море, на берегах которого путешественники XVI в. помещали воображаемый город Маноа или Дорадо». В 1816 г. в Париже был опубликован всемирный географический атлас. Его составитель Поль Шанлер, автор национального атласа Франции, остался верен морю Парима. Фигурировало оно и на карте 1818 г., изданной в Вене и составленной неким Фридом на «основе наблюдений Гумбольдта». Даже в 1851 г. была переиздана без малейших изменений знаменитая карта ла Рошетта. Вот насколько устойчива была эта традиция.

Покончив с призраком Эльдорадо в Гвиане, Гумбольдт и его спутник отправились на Кубу, а оттуда — в Новую Гранаду. В апреле 1801 г. они уже плыли на «бонго» — большой пироге по величавой Магдалене. 55 дней понадобилось им, чтобы добраться до селения Онда, за которым река становилась несудоходной. Поднявшись на мулах в горы, путники оказались на Боготском плато.

Познакомившись с древней историей этого края, Гумбольдт заинтересовался священными озерами и самым известным среди них озером Гуатавита. Сдерживая волнение, Гумбольдт стоял на обрывистом склоне, вглядываясь в спокойную гладь озера. В одной из скал он заметил вырубленные ступени, уходившие под воду. Это были остатки церемониальной лестницы, по которой когда-то спускался на плот «позолоченный правитель».

Гумбольдт горячо отстаивал идею частичного осушения озера. При всем том его не интересовала коммерческая стоимость индейских сокровищ. Он мечтал о выставке неповторимых индейских украшений, спасенных из мрака забвения на радость людям. Но хотя намерение его так и не было осуществлено, после его путешествия в Колумбию всем стало ясно, что фантастическое озеро в горах, на берегах которого жили процветающие индейцы, богатые золотом, действительно существовало, но не в Гвиане, а на высокогорном плато Восточных Кордильер — в Колумбии и называлось оно не Парима, а Гуатавита.

Казалось бы, история Эльдорадо завершилась. Однако, еще .когда его усиленно разыскивали в тропических дебрях Южной Америки, произошла дальнейшая любопытная трансформация мифа. Отразив власть «золотого тельца» над человеком складывавшегося буржуазного общества, Эльдорадо со временем стало символом благословенной страны, страны счастья, новым вариантом земного рая.

Выдающиеся европейские писатели не остались равнодушны к новому поэтическому образу. Одним из первых его использовал в эпической поэме «Потерянный рай» английский поэт Джон Мильтон (1608—1674 гг.). Он написал поэму в 1667 г., когда легенда о золотой стране переживала самый расцвет.

Почти столетие спустя к Эльдорадо обратился великий французский сатирик Вольтер. Интерес его к этому американскому сюжету был не случаен. В середине XVIII в. Франция с восхищением следила за исследованиями в бассейне Амазонки математика и географа Шарля-Мари де ла Кондамина, близкого друга Вольтера.

Философская повесть Вольтера «Кандид» вышла в свет в 1759 г. В ней действуют два молодых героя — изгнанник Кандид и его слуга Кокамбо. Волей автора они совершают далекое путешествие из Испании в Буэнос-Айрес, затем в Парагвай и в земли индейцев орельонес (уж не имя ли Франсиско Орельяны использовано здесь Вольтером?). Бурная, порожистая река выносит путников в страну Эльдорадо. Семнадцатая глава повести так и называется: «Прибытие Кандида и его слуги в страну Эльдорадо и о том, что они там увидели».

Перо сатирика знакомит читателя с жителями этой удивительной страны: деревенские мальчишки в лохмотьях из золотой парчи кидаются у околицы кусками золота, изумрудами и рубинами, «из которых меньший был бы самым большим украшением трона моголов». Взрослые же щеголяют в золотых платьях, двери домов отлиты из серебра, обои в комнатах — золоченые, а вся посуда исключительно из горного хрусталя.

В пересказ знаменитой легенды Вольтер внес свои чисто вольтерьянские нотки. И так мы читаем, что в главном городе страны были общественные здания, поднимавшиеся до облаков, рынок, украшенный тысячью колонн, фонтаны с чистой и розовой водой, с ликерами из сахарного тростника, «которые постоянно текли в большие водоемы, выложенные чем-то похожим на драгоценные камни и издававшие запах гвоздики и корицы».

Эльдорадо — это «страна, где все идет хорошо», говорит автор. А если так, то она должна обходиться без судов, парламента, тюрем и даже монахов. Зато в Эльдорадо был дворец науки, в котором размещалась галерея длиной в 2 тысячи шагов, уставленная математическими и физическими инструментами. Таков был вольтерьянский рай!

Не в те ли времена и родилась французская поговорка: «Кто не мечтает об Эльдорадо!» Знаменитый американский новеллист-романтик Эдгар По, мечтавший о своем поэтическом Эльдорадо, словно воплощая историю жизненных и творческих исканий, писал в одном из стихотворений:

И он устал,
В степи упал...
Предстала Тень из Ада,
И он без сил Ее спросил:
«О Тень, где Эльдорадо?»
«На склоны черных Лунных гор
Пройди,— где тени Ада!»
В ответ Она —
«Во мгле без дна —
Для смелых Эльдорадо!»

К этому образу не раз обращались многие писатели и поэты. «Этот необыкновенный город, эти Афины — мой Париж, Эльдорадо мира!» — восклицал французский поэт Теодор де Банвиль. «Нормандия — мое Эльдорадо,— вторит ему литературный критик Жюль Леметр,— я обошел ее во всех направлениях и во все времена года».

Так началась новая жизнь Эльдорадо — уже не легенды, а нарицательного образа, символа богатства и роскоши, щедрого изобилия. Не случайно слово «Эльдорадо» взяли на вооружение искатели кладов и сокровищ, золотых россыпей, далекие потомки испанских конкистадоров. XIX столетие ознаменовалось открытием многих месторождений золота — в Северной Америке, Южной Африке, Австралии. На далеком американском западе, в Калифорнии, в 1848 г. разразилась золотая лихорадка. За Калифорнией надолго закрепилось название Эльдорадо. В настоящее время в Мексике и США насчитывается около 20 городов и горных вершин, носящих это имя. И едва ли не каждая латиноамериканская республика имеет по крайней мере одно Эльдорадо.

И в наши дни древнее Эльдорадо продолжает служить людям. Слово это стало интернациональным и вошло в языки многих народов. Изменчива и прихотлива его судьба. Если в столице Бельгии Брюсселе оно выписано огромными неоновыми буквами над входом в фешенебельный кинотеатр, а в Париже на бульваре Страсбург — на фасаде музыкального театра, то в далеком Каракасе, столице Венесуэлы, оно венчает мрачное серое здание; каракасское «Эльдорадо» — тюрьма для уголовных преступников.

В Перу это название присвоено одному из парадных залов президентского дворца в Лиме, где принимаются и подписываются самые важные законы и постановления. В Колумбии имя Эльдорадо носит современный столичный аэродром. На дорогах США можно встретить роскошный кадиллак марки «Эльдорадо».

Сложились даже устойчивые представления-образы: такие, как «нефтяное Эльдорадо» — Венесуэла, страна огромных нефтяных богатств; «серебряное

Эльдорадо» — знаменитые серебряные рудники Потоси в Боливии, которые дали колониальной Испании тысячи тонн серебра.

Эльдорадо пришло и к нам, преодолев океанские просторы, и пустилось путешествовать по российским городам и весям. Появилось оно в Москве, в веселом и оживленном ее предместье за Тверской заставой. Впрочем, Эльдорадо, подобное московскому, можно было встретить в Петербурге и в Киеве, в Воронеже и в Кустанае.

Полистайте подшивки современных газет и журналов. Нет-нет да и мелькнут в заголовке или тексте слова: «Эльдорадо XX века». Это может быть статья о разработке энергетических ресурсов океанов, о богатствах морского дна, еще не освоенных человеком, об использовании солнечной энергии, об открытии больших запасов редких металлов, алмазов. Так вновь и вновь оживает бессмертная древняя легенда рожденная в эпоху противоборства Нового и Старого Света, на развалинах великолепных цивилизаций, созданных индейскими народами древней Америки.

Но слово «Эльдорадо» не простое слово. В нем отразилась не только эпоха разрушения и гибели индейских культур. Эльдорадо стало могучим стимулом великих географических открытий. Оно заставило европейцев проложить множество дорог и троп в гигантском лабиринте тропических дебрей, открыть могучие реки, преодолеть труднодоступные горы Нового Света и тем самым освоить огромный, дотоле неизвестный материк.

Александр Гумбольдт, сделавший так много для «разоблачения» легенды об Эльдорадо, в свое время писал: «Это был как бы призрак, убегавший от испанцев и беспрестанно манивший их. Человеку, скитающемуся по земле, свойственно воображать, что счастье находится за пределами известного ему мира. Подобно Атланту (Атлас) и островам Гесперид Дорадо постепенно перешло из области географии в область мифологии».

Примечательно, что Гумбольдт разрешил не только географические загадки, связанные с именем Эльдорадо. Он высказал интересное предположение о его этнографических истоках. Во время путешествия по Южной Америке он обнаружил, что индейцы на берегах реки Кауры и в других районах Гвианы имеют обыкновение мазаться черепашьим жиром и приклеивать к коже серебристо-белые и медно-красные чешуйки слюды с металлическим блеском. «Издали кажется, что они носят одежду с галунами. Легенда о позолоченном человеке, возможно, основана на сходном обычае». Эта остроумная гипотеза Гумбольдта срывает покров таинственности и загадочности с церемонии Эльдорадо, делая ее естественной принадлежностью красочного экзотического мира американских индейцев.

При всем этом замечательный немецкий исследователь и путешественник считал, что «мы, несомненно, в значительной мере обязаны Эльдорадо нашими знаниями о внутренних областях Америки. Попытки завоевать эту легендарную страну принесли пользу географии, как нередко приносят пользу истине ошибки или смелые гипотезы».

Вместо эпилога

НАСЛЕДНИЦА ДРЕВНЕГО ЭЛЬДОРАДО

Подошла к концу наша история о приключениях легенды об Эльдорадо. Но было бы несправедливо, если бы мы, прощаясь с ней, не заглянули еще раз в страну, которая подарила миру этот миф.

Республика Колумбия, наследница древнего Эльдорадо и королевства Новая Гранада, широко раскинулась на крайнем северо-западе Южной Америки, занимая обширные пространства вдоль берегов Атлантического и Тихого океанов. Как и прежде, могучая Магдалена, «Великая река» испанских хроник, главная водная артерия страны, плавно несет свои желто-бурые воды к Карибскому морю. Вся срединная часть ее правобережья занята горным массивом Восточных Кордильер, их обширными плоскогорьями и долинами. Это .территория департаментов Кундинамарка и Бояка, земля древних муисков. Здесь расположены столица республики Богота и другие крупные культурные и промышленные центры. Здесь, как нигде, явственно ощущаются дыхание и пульс латиноамериканской республики.

Как и 400 лет назад, на плодородных землях Боготского плато работают трудолюбивые земледельцы. Черные, смоляные волосы, орлиный нос, большие темные глаза, выдубленная ветрами коричневая кожа, самотканые синие и коричневые пончо-руана — все выдает в этих людях индейцев.

Но едва ли найдется среди них один, кто назвал бы себя индейцем. «Сомос коломбианос» — мы колумбийцы — таков будет ответ, если спросят их, кто они такие.

Среди потомков древних муисков давно утвердилась испанская речь. Муиски легко усваивали испанские слова, и этой своей способностью удивляли еще Кесаду и его спутников. Поколение индейцев, родившихся после конкисты, без помощи учителей легко овладело языком завоевателей. В конце XVI в. муиски уже свободно изъяснялись по-испански на рынках и ярмарках, в приемной королевского суда, исповедовались священникам в католической церкви. И вскоре родную речь индеец мог услышать только в своей семье, в тесном кругу родичей. Спустя 200 лет язык муисков угас и там: даже колыбельные песни ма-тери-индеанки пели по-испански. Язык муисков вышел из употребления. И когда Александр Гумбольдт в 1801 г. встречался с индейцами на торговых площадях и сельских дорогах, они бойко отвечали ему по-испански, хотя в их речи слышалось, пожалуй, слишком много шипящих звуков.

Однако было бы неверно думать, что потомки муисков вместе с языком забыли свою древнюю историю, дела своих славных предков. В 1780 г. в вице-королевстве Перу вспыхнуло народное восстание против испанской короны, которое возглавил касик из провинции Тинта, принявший имя Тупак-Амару — так звали последнего инку. Это народное движение всколыхнуло всю колониальную империю Испании. Вскоре волнения начались в Новой Гранаде среди потомков муисков, как бы принявших эстафету из рук казненного Тупак-Амару.

В марте 1781 г. по селениям вокруг Боготы и Тунхи разнеслась весть о том, что Амбросио Писко, прямой потомок древних правителей — боготских сип, созывает вооруженные отряды в город Сокорро. Там начался мятеж против

испанских властей. И вот в Сокорро потянулись индейцы во главе с наследственными касиками. Жители Немокона и Сипакиры, работавшие в древних соляных копях, сожгли усадьбу управляющего и провозгласили себя единственными владельцами этих промыслов согласно «исконному праву предков». Амбросио Писко как представитель древнего рода объявил себя королем Боготы и призвал индейце* бороться против грабительских налогов, засилья испанских чиновников, притеснения владетельных сеньоров. Однако индейцы, жаждавшие вернуть былую независимость, не сумели защитить ее с оружием в руках. Разногласия, неорганизованность, нехватка оружия в армии повстанцев, предательская политика креольской верхушки привели к тому, что инициатива перешла к правительственным войскам. К тому же местные власти лицемерно пообещали восставшим удовлетворить все их требования. Крестьяне разошлись по своим домам. Однако ни одно из требований не было выполнено, на участников восстания обрушились репрессии, знатных же индейцев, потомков древних вождей, лишили дворянского звания и прочих привилегий. Амбросио Писко сослали на каторжные работы в Картахену, где он вскоре и умер.

Но и после поражения потомки муисков не сдались. В глубине души каждый из них продолжал считать себя индейцем, существом, отличным от испанцев и глубоко связанным с окружающим миром.

Оставались неприкосновенными священные лагуны, там по-прежнему никто не ловил рыбу, не ломал ни веточки, ни тростинки на их берегах. И все-таки находились люди, нарушавшие благоговейную тишину озер. Это были испанцы, которым не давали покоя драгоценности, скрытые в озерных водах. Любителей индейских сокровищ привлекло маленькое озеро Сиеча к юго-востоку от Гуатавиты. Глубиной 34 метра и в окружности 220 метров, оно лежит в горах на высоте 3673 метра и славится изумрудным цветом воды.

В начале XIX в. была организована первая кампания по осушению озера. В ней приняли участие жители Боготы — сеньор Товар, местный учитель, врач и генерал в отставке. Восточная скала была прорезана каналом 63 метра глубиной и 90 метров длиной. Но из этой затеи ровным счетом ничего не вышло.

Позднее, в 1856 г., сыновья сеньора Товара решили продолжить дело отца. Они продлили канаву и понизили уровень озера на 3 метра. И вот радость — выловили несколько изумрудов (один будто бы величиной с куриное яйцо) и несколько золотых поделок. Одна из находок вызвала сенсацию. Это был диск, сделанный из концентрических кругов золотой проволоки в форме плота. Диаметр его равнялся 17 сантиметрам. На плоту изображены сидящими десять золотых фигурок. Самая большая в центре, высотой 7 сантиметров, явно представляла какое-то знатное лицо. Об этом можно судить по плотному шлему, знаку достоинства правителя, а также по миниатюрным золотым трубочкам, подвешенным к щекам около губ. В руке «правителя» — стрелы и копьеметалка. Вокруг центральной фигуры на корточках расположились еще девять обнаженных человечков, высотой 3,5 сантиметра каждый. У того, который находился прямо перед правителем, за спиной виднелась плетеная корзинка, очевидно предназначенная для жертвоприношений. Плот весил 268 граммов.

Находка вызвала бурные споры. Все сошлись в одном — плот из озера Сиеча неопровержимо доказывает, что церемония Эльдорадо не досужая выдумка, а реально существовавший факт. И очевидно, проводился этот обряд не только на озере Гуатавита. Так подтвердились сообщения древних хронистов.

Уникальная вещь не удержалась в Колумбии. Сменив с десяток хозяев, она перекочевала в Европу и перед второй мировой войной попала в этнографический музей в Лейпциге, где хранится и по сей день.

Удачный опыт вызвал прилив энтузиазма. В 1870 г. колумбиец Урданета в содружестве с английским инженером Кроутером решил подвергнуть «хирургической операции» западный склон озера. В него был заложен наклонный шурф длиной 187 метров. Однако пороховой дым, образовавшийся при взрывах породы, смешался с ядовитыми донными испарениями и закупорил доступ свежего воздуха в колодец. Изыскатели потеряли сознание. Их с трудом вернули к жизни, и от продолжения работ они отказались. Окрестные жители торжествовали.

В 1912 г. нависла опасность над многострадальным озером Гуатавитой. Это была по крайней мере восьмая попытка осушить его воды[23], чтобы завладеть накопившимися на дне богатствами. На этот раз дело было поставлено на широкую ногу. Основная подготовка к операции велась далеко за океаном, в Лондоне. Английская фирма «Контрэкторс, лимитед» потратила 150 тысяч долларов на закупку партии мощных паровых насосов и переправила их в колумбийский порт Барранкилью. Теперь оставалось доставить машины в Боготу и приступить к работе.

Сотни рабочих приняли участие в переноске и подъеме в горы разобранных на детали насосов. Наконец груз прибыл на берега Гуатавиты. Гигантские машины заработали, поглощая огромные порции дров. И вот голубые струи озерной воды со скорбным шумом полились вниз в долину. За три недели работы уровень озера понизился на 12 метров. Обычная его глубина составляла 40 метров, но был разгар сухого сезона и вода в озере стояла невысоко. Вскоре показались скопления темно-зеленой тины с резким запахом. Теперь предстояла самая «приятная» часть операции: вычерпывать грязь и выуживать из нее драгоценности. Первые же корзины принесли находки: золотые подвески, мелкие изумруды.

И тут снова произошло неожиданное. Как только горячее солнце прогрело обнажившуюся толщу ила, он начал затвердевать. Через несколько дней ил превратился в окаменевшую массу, прочную, как бетон. Пробиться сквозь эту непроницаемую броню людям оказалось не под силу. Чаша озера начала медленно заполняться водой. Потом грянули дожди. Для инициаторов дела это было катастрофой. Выручив от продажи находок 10 тысяч долларов, организаторы затеи, потратившие на нее уже более 100 тысяч долларов, бежали, бросив на берегу инструменты и насосы, которые затем превратились в груду ржавого лома.

Только живших окрест индейцев эта история ничуть не удивила. С их точки зрения, иначе и быть не могло. Просто древняя богиня по-прежнему защищала покой своих вод.

---

[23] Первым был Ласаро Фонте — 1539 г., затем Эрнан Кесада — 1541 г., впоследствии А. Сепульведа — 1592 г. В 1625 г. жители Боготы основали первое общество по осушению озера, другое общество повторило попытку в 1677 г. В 1801 г. этим вопросом занялся А. Гумбольдт, в 1823 г. — Хосе Игнасио Парис, но все они не добились заметного успеха.

Озера и поныне чтят потомки древних муисков — крестьяне Кундинамарки и Бояки. В 50-х годах нашего века пришлось перенести участок железной дороги, проходившей по берегам «священного» озера Фукене. Трижды по ночам местные жители разбирали полотно железной дороги, объясняя это тем, что-де «им явился сам хозяин озера Фу и потребовал, чтобы никто не вторгался в его дом». А на берегу озера Сиеча разросся город Чикинкира. Сюда ежегодно сходятся 60 тысяч паломников. До сих пор крестьяне, живущие на берегах озера Тоты, верят, что в глубине его таятся сокровища, что по ночам, когда светит месяц, можно увидеть на дне дома из чистого золота, драгоценные камни, золотые солнце и луну. Они верят, что озерная вода излечивает болезни, приносит женщинам красоту и здоровье. А если омыть ею тела умерших, она, согласно древнему поверью, очистит покойных от всех смертных грехов.

По официальным статистическим данным, на Боготском плато уже давно нет индейцев. Однако в душе каждого сельского жителя — целый мир воспоминаний, традиций и верований, связывающих его с далеким прошлым. Говорят, что в селении Чиа около Боготы еще живут представители семьи Кана. Фамилия эта не испанская, а индейская. Четыре столетия назад из нее выходили великие правители южных муисков, могущественные сипы, после конкисты — мелкие касики и капитаны, а ныне — деревенские старосты и просто весьма уважаемые люди.

Кто не знает такой природной достопримечательности в окрестностях столицы, как водопад Текендама. Тот самый водопад, что, по преданию, образовался, когда огромный поток воды низвергся в расщелину, пробитую мощным копьем Бочики в берегу реки Фунсы. Двумя бурными каскадами длиной в 140 метров устремляется он вниз по скалистым утесам. Тучи радужных брызг, облака густого пара, кружевная пена окутывают водопад день и ночь. С его высоты открывается чудесный вид на лежащие на западе земли. С некоторых пор на верхнем уступе Текендамы установлен полицейский пост: не потому, что Текендама — национальная гордость, запечатленная на гербе страны, и не потому, что сюда валом валит разноязычная толпа туристов. Тут другое. Текендаму облюбовали самоубийцы,

Правда, среди них почти не встречаются крестьяне. Они не посмели бы осквернить священное место. Ведь, по их словам, в скале за каскадом есть пещера и в ней живет демон — Эль Мохан (так в древности муиски звали жрецов-прорицателей). Он съест любого, кто нарушит его покой. Сказывают, будто все тело Эль Мохана излучает сияние. Но, обнаружив, что его заметили, демон превращается в камень. Он имеет обыкновение, переодевшись крестьянином, спускаться вниз по реке, чтобы добыть себе еду у местных жителей.

В горах ходят рассказы о Чудище, страшном звере с человеческой головой, который весь покрыт узорными плащами. Когда же поднимается ветер и начинают лить дожди, это свирепствует мать лагуны: в виде огромного водяного смерча вышла она в долины. Что бы ни случилось, но в такие дни никто не осмелится выйти из дому.

Но не только озера и горы напоминают потомкам муисков об их прошлом. В XIX в. в Колумбии одним из самых популярных слов было «уака». Пришло оно из Перу, но прижилось в Колумбии и стало обозначать «клад». Кладами называли коллективные захоронения и одиночные могилы, в которых покоились предки

индейцев. На уаки обычно натыкались крестьяне во время полевых работ, извлекая оттуда много золотых украшений и других любопытных предметов.

Бывали и совсем удивительные случаи. Вот один из них. В 1852 г. в долине Лейвы индеец шел по следу лисицы, впереди него бежала собака. И вдруг оба животных на глазах охотника провалились в яму. Индеец принялся расширять яму в надежде найти собачонку и неожиданно обнаружил вход в пещеру. Первое, что увидел индеец, была прекрасно сохранившаяся мумия на низком сиденье из узорчатого дерева. В руки ее были вложены лук и стрелы. Вокруг располагались другие мумии, туго перевязанные веревками из агавы. Индеец испугался и, ничего не тронув, убежал домой. Но вскоре он вернулся в сопровождении друзей и родственников. Они разобрали все, что показалось ценным. Особенно им приглянулись великолепные плащи из хлопка, совсем целехонькие. Вокруг тел умерших было навернуто столько плащей, что их хватило на всех жителей селения. Золотые украшения и изумруды, снятые с мумий, были проданы. Одну из мумий удалось спасти, и она впоследствии попала в Британский музей.

Подобные находки участились, и вскоре кладоискательство приобрело столь широкий размах, что причинило историческим памятникам непоправимый урон. В период с 1885 по 1914 г. кладоискательство в Колумбии стало так популярно, что превратилось в профессию. Тысячи мужчин с семьями переселялись в деревни, более всего в долину реки Каука, в надежде открыть богатое захоронение. Найденные золотые вещи переплавлялись в слитки или тайно продавались. Самая богатая уака в районе Киндио дала около 8 килограммов золота в коронах, жезлах, украшениях. Все, что в глазах уакеро не представляло ценности — а это обычно были керамические изделия, деревянные идолы, орудия труда,— выбрасывалось как мусор. Несмотря на такое варварское отношение к находкам, некоторые из них все же попали в руки ученых и собирателей древностей. Они-то и составили первые коллекции, которые впоследствии стали достоянием иностранных музеев — Мадрида, Нью-Йорка, Чикаго, Лейпцига. В музее этнографии в Берлине, например, находится собрание муисских древностей, состоящее из своеобразных золотых украшений, керамики и золотых монет-дисков. В 1934— 1936 гг. итальянский профессор Кальегари опубликовал несколько статей по искусству муисков, изучив предварительно вещи, хранившиеся в римских музеях.

В 1932 г. Колумбия была втянута в военный конфликт. В стране начались сборы драгоценностей в фонд защиты республики. Поток золотых вещей и украшений хлынул в столичный банк. Среди вещей оказалось много произведений древне-индейского искусства. Так было положено начало богатейшей коллекции, которая ныне составляет около 13 тысяч предметов. И по сей день банк скупает образцы ювелирного мастерства древних индейских мастеров. Это огромное собрание — гордость национального «Мусео де Оро», Золотого музея. Он расположен в нижних этажах нового современного здания государственного банка в Боготе.

А как распорядилась природными богатствами, таящимися в ее недрах, наследница древнего Эльдорадо? На весь земной шар славится Колумбия «зеленым золотом» — изумрудами, залежи которых были открыты индейскими первопроходцами и достались ей по наследству. По добыче этого редкого камня республика до сих пор занимает первое место в мире. Изумрудные копи вот уже более четырех столетий отдают людям драгоценные кристаллы.

Около древних Немокона и Сипакиры, теперь уже небольших городов, продолжаются разработки соляных копей и соленых озер. Соль, как и четыре века назад, расходится отсюда далеко вокруг, обеспечивая потребности страны. Недавно в Сипакире появилась новая экзотическая достопримечательность: собор, вырубленный в сплошном массиве каменной соли. Высоко поднимаются его необычные своды, отливающие блестящими, словно отполированными, гранями.

В окрестностях селений Гамесы и Топаги, на месте древних примитивных шахт, вырубленных в мощном слое каменного угля древними рудокопами-муисками, ныне построен современный металлургический комбинат Пас-дель-Рио.

Однако потомки древних муисков используют не только то, что получили в наследство от своих предков. Колумбия обладает самыми большими в Латинской Америке разведанными запасами угля, фосфатов, железа, никеля, серы, меди, свинца, урана. И все же доля горнорудной промышленности в национальном доходе составляет не более одного процента. Республика Колумбия находится в тяжелой зависимости от иностранного, прежде всего североамериканского, капитала.

В древнем городе Согамосо на одной из тихих улиц стоит небольшой дом с тенистым парком. На табличке, прибитой у входа, можно прочесть: «Музей археологии и этнографии». Это единственный в стране и мире музей, где собран и экспонируется весь известный материал по истории и культуре народа муисков. Основатель, хранитель и директор музея — видный колумбийский этнограф и археолог профессор Эльесер Сильва Селис. Более тридцати лет посвятил он изучению муисков. В 1944 г. он продолжил раскопки знаменитого храма Солнца в Согамосо, который, согласно хроникам, был древним религиозным центром муисков, и разработал план его реконструкции. Профессору Селису принадлежат интересные открытия. Он доказал, что муиски добывали каменный уголь и поддерживали оживленные торговые связи с племенами, жившими на Атлантическом и Тихоокеанском побережьях, а также с народами инкской «империи». В 1964 г. Селису удалось найти уникальные каменные статуи. В труднодоступных верховьях реки Краво в горах Салина (округ Монгуа на востоке департамента Бояка) он сделал важное открытие. Местные крестьяне, информаторы Селиса, рассказывали, что не раз встречали в тех местах «камни, похожие на мумии, разрисованные необычными знаками». И действительно, на одном из холмов, на левом берегу Краво, археолог обнаружил искусственные платформы — возвышения, а вокруг — остатки заброшенных террас, каналов и маленькое озерцо. На его берегу он нашел два женских изваяния из камня, на спинах фигур были прорисованы изображения детей. Поодаль, среди керамических остатков, морских раковин, горелого леса (незадолго до этого здесь бушевал лесной пожар) были найдены еще шесть каменных скульптур, самые большие — высотой в 82 см. По многим характерным признакам эти скульптуры близки золотым тунхос и глиняным статуэткам муисков и, очевидно, принадлежат их культуре. По мнению Селиса, на вершине холма располагалось древнее святилище, которое функционировало долгое время после конкисты.

Любимое детище Селиса — археологический музей. В саду вокруг него стоят древние муисские дома с низко спадающей крышей и узорными стенами, вдоль аллей высажены индейские земледельческие культуры. Самое

замечательное, что все здесь сделано руками директора и ближайших его помощников — жены Лилии и четырех детей.

Патриотическая, полная энтузиазма и бескорыстия работа этого маленького коллектива, как и усилия других ученых,— залог того, что тайны, еще скрывающие многие стороны жизни народа — творца легенды об Эльдорадо, будут со временем раскрыты.

Одна из последних археологических находок, ставшая сенсацией, доказывает, что земля и горы Боготского плато таят в себе еще много неизвестного науке. В 1969 г. в горной пещере, в окрестностях Боготы, было обнаружено богатое захоронение. Среди находок одна оказалась совершенно неожиданной. Это был плот из концентрических кругов золотой проволоки с изображенными на нем золотыми фигурками, почти точная копия золотого плота из озера Сиеча. Живой пример нерасторжимой связи времен, он украшает сейчас одну из витрин Золотого музея. Прославленная в легендах церемония Эльдорадо, овеществленная в этом уникальном произведении индейского мастера, вновь напоминает о том, что даже в самых фантастических преданиях древних содержатся золотые крупицы истины.

Созина, Светлана Алексеевна

НА ГОРИЗОНТЕ — ЭЛЬДОРАДО!

Редактор Г.*Е. Матвеева*

Мл. редактор *Т. И. Кондрашова*

Художественный редактор *В. И. Харламов*

Технический редактор *Л. В. Барышева*

Корректоры

Т. Л. Якимова, Н. С. Кольцова

Сдано в набор 24 декабря 1971 г. Подписано в печать 26 апреля 1972 г. Формат бумаги 60x84 $^{1}/_{16}$,№ 2. Усл. печатных листов 12,1 с вкл. Учетно-издательских листов 12,79 с вкл. Тираж 60 000 экз. А04556. Заказ № 2587. Цена 45 коп.

Издательство „Мысль". П7071.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров СССР.
Москва, М-54, Валовая, 28.